

Федеральное государственное бюджетное образовательное  
учреждение высшего образования  
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

**Пунченко Станислав Игоревич**

**СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА  
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Специальность: 12.00.01 – Теория и история права и государства;  
история учений о праве и государстве

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

Научный руководитель –  
доктор юридических наук, доцент  
Сергей Алексеевич Жинкин

Краснодар – 2016

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА КАК ВИД ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА.....	26
§ 1. Понятие эффективности права. Социальная эффективность права: сущность и основные характеристики.....	26
§ 2. Методология исследования социальной эффективности права.....	42
ГЛАВА 2. ВИДЫ И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА.....	56
§ 1. Классификация видов социальной эффективности права.....	56
§ 2. Факторы и критерии социальной эффективности права .....	64
ГЛАВА 3. ЭТНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА.....	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	151

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы диссертационного исследования.** Эффективность социального регулирования, в том числе правового, – «сквозная» проблема всей человеческой истории. Вся социальная история человечества – это, помимо прочего, еще и эволюция самоорганизации человечества и человека, история возникновения, развития и взаимодействия различных типов и форм регламентации общественной жизни, дающих определенные социальные результаты.

Эффективность права в его социальном измерении, социальном контексте – неотъемлемая часть данной проблемы. В современных условиях предметом социально-правового изучения является не система правовых норм сама по себе, но взаимосвязь между нормами и их социальным действием, вызываемыми социальными последствиями, выявление всех факторов, как способствующих воздействию права на общественную жизнь и общественное сознание, так и препятствующих этому. В этом плане верно то, что, «коль скоро субъектом исторического развития является прежде всего само общество, оформившееся в государство, эффективность права есть в конечном счете один из показателей жизнеспособности этого общества, мерило его возможностей влиять при помощи юридических норм на развитие общественных отношений»<sup>1</sup>.

Как известно, эффективность права и его предписаний представляет собой многоплановый, многоаспектный феномен, характеризующийся различными формами выражения. Важнейшим аспектом этой эффективности является социальный. Именно социальная эффективность права отражает его значимость, ответственность как социального регулятора, как регулятивной системы, регламентирующей совместную общественную жизнь людей и деятельность их объединений.

Сегодня мало кто будет оспаривать тезис, высказанный И. А. Ильиным о том, что «право есть могучее средство воспитания людей к общественной жиз-

---

<sup>1</sup> Спиридонов Л.И. Теория государства и права. М.: ПБОЮЛ Захаров М.А., 1999. С. 216.

ни»<sup>1</sup>. К сожалению, именно социально-воспитательным аспектам действия права, аспектам его эффективности в отечественной науке уделяется недостаточное внимание.

Это связано, *во-первых*, с самим пониманием права как системы общеобязательных норм, установленных государством и обеспеченных возможностью применения государственного принуждения. Тем самым сама эффективность права сводится к эффективности предписаний государства независимо от их социального содержания. *Во-вторых*, в исследованиях правового воздействия долгое время акцентировался его классовый, а не общесоциальный характер. *В-третьих*, воспитательное воздействие права рассматривалось и во многом продолжает рассматриваться в контексте его служебной роли в достижении политических и идеологических целей государства.

Все это предполагает необходимость обращения к социальной стороне эффективности права как регулятора общественной жизни, к различным аспектам и проявлениям социальной эффективности права.

В настоящее время происходят поистине революционные изменения в историческом движении, которые проявляются в повышении значимости сознательного фактора развития (научно познанных объективных закономерностей и тенденций) над стихийностью эволюции социума, его экономики, права, идеологии, политики и т.п. Этот переворот в ходе истории, видимо, наиболее четко обозначился в связи с научно-технической революцией, когда наука и технологические достижения превратились в решающую силу роста производительных сил и производительности труда в созидании материальных благ, а также в связи с процессами глобализации и модернизации.

Право в этом контексте следует рассматривать как универсальное средство упорядочения общественных отношений и социального контроля над отклоняющимся поведением, эмансипации порядка общественных отношений от произво-

---

<sup>1</sup> Ильин И.А. Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 97.

ла<sup>1</sup>. В данных условиях не может не возрастать роль социально-правовых исследований, в т.ч. анализа проблем эффективности социального регулирования, социального воспитания, социального развития.

На изучение эффективности права в современных условиях, несомненно, накладывают существенный отпечаток кардинальные трансформации в экономической и социальной жизни. Плюрализм социальной реальности, институциональное усложнение, интенсивность коммуникации и всплеск информационного многообразия не могут скрывать подлинный размер дезинтеграционных процессов, стоящих за ними. Эти «плюрализм и многообразие возникают из массивного распада традиционных социальных структур: семьи, класса, этнической замкнутости, экономических монополий, государственной автономии»<sup>2</sup>. Сегодня многовекторное усложнение общественной жизни и ее анонимность ослабили социальный контроль общества и его институтов за своими членами, которые получили возможность во многих случаях скрыть свои поступки от общественного мнения и воздействия, а, следовательно, ослабить социальное влияние или полностью игнорировать его.

Все это еще раз подчеркивает актуальность исследования социальных аспектов эффективности права, вопросов результативности его воздействия на общественную жизнь и социальные процессы.

Эффективность правовых норм традиционно рассматривалась в отечественной науке как соотношение между целями, которые поставил законодатель, издавая соответствующие предписания, и достигнутыми результатами. В то же время такое понимание эффективности и вообще сведение эффективности права к эффективности правовых норм встретили в литературе ряд справедливых возражений.

Полагаю, что в современных условиях более полезным было бы исследование именно социальной эффективности права в целом как регулятора общественной жизни. При этом социальную эффективность необходимо исследовать имен-

---

<sup>1</sup> Явич Л.С. О философии права на 21 век // Правоведение. 2000. № 4. С. 5.

<sup>2</sup> Костюк К. Политическая и экономическая этика. М.: Гранд-Фаир, 2001. С. 14.

но как многоаспектный, многомерный феномен, имеющий различные показатели и характеристики.

Практика государственно-правового развития 20 и начала 21 века продемонстрировала немало случаев, когда социальными целями и социально-правовыми концепциями прикрывалось по сути антиправовое и антигуманное законодательство, обладающее на самом деле социальной антиэффективностью. В связи с этим, на мой взгляд, осмыслению в юридической науке и государственной политике подлежат сама сущность и направленность социальной эффективности права, а также содержание поставленных социальных целей.

Как достаточно пессимистично подчеркивает профессор А. И. Косарев, наличествующие в мире идеологические конструкции глобализма, геополитики, столкновения цивилизаций, всемирного господства свободы в западном варианте с обществом потребления, не учитывающие природные, внутренние основания жизни, не дают достаточно прочного и широкого идеологического объяснения, обоснования и оправдания происходящих в государстве и праве процессов. Идеологические конструкции, отражающие внешнее и поверхностное, не способны эффективно служить сплочению населения России, подъему народного духа в преодолении трудностей кризиса<sup>1</sup>. Представляется, что процессы глобализации, омащования общества и распространения массовой культуры оказывают существенное и не всегда позитивное влияние на социальное, в т.ч. правовое регулирование, и придают эффективности такого регулирования новые показатели и оценки.

Итак, проблемы социального измерения эффективности права приобретают особую актуальность в связи с кардинальными изменениями, происходящими в современных обществах. Трансформация, а нередко и кризис ряда традиционных социальных институтов, является мощным фактором, оказывающим влияние на процесс социального, в том числе правового, регулирования, на его предмет и методы.

---

<sup>1</sup> *Косарев А.И.* Государство и право в идеологии оптимизма // Новая правовая мысль. 2006. № 5. С. 2.

Актуальность вопросов социальной эффективности права имеет, на мой взгляд, и этническую составляющую. Исследование соответствующей проблематики необходимо дополнить этническими, ментальными аспектами. Полиэтничность является характерным и значимым атрибутом жизни во многих современных обществах, включая современную Россию, и это, несомненно, должно учитываться при изучении эффективности социальных регуляторов.

Таким образом, актуальность проблем социальной эффективности права представляется бесспорной и приобретает особую остроту в связи с процессами, происходящими в современном мире и в современной России.

**Степень научной разработанности темы.** Проблемы значимости права, его роль в общественной жизни и основные направления и формы воздействия на общество и его отдельные сферы, издавна обсуждались в социальных, в том числе юридических науках, в юридической практике. Вместе с тем, целенаправленное научное исследование проблем эффективности права и его норм характерно лишь для нескольких последних десятилетий. Целевая концепция эффективности, внесшая весомый вклад в развитие общей теории эффективности норм права и исходившая из соотношения целей правовых норм и реально наступивших результатов их действия, тем не менее, зачастую оставляла без надлежащего внимания социальное содержание соответствующих норм, их социальную значимость и направленность. Тем самым эффективность норм права и права в целом фактически отрывалась от деятельности институтов общества и сводилась к эффективности указаний государства, выраженных в соответствующих нормах. Поэтому полагаю, что целый ряд положений теории эффективности нуждается в новом осмыслении и существенном дополнении.

Детальное обсуждение проблем эффективности в праве и ее социальных аспектов в отечественной юридической литературе началось со 2-й половины XX века. Естественно, что в контексте понимания права как системы общеобязательных, формально определенных правил поведения, изданных государством и обеспеченных государственным принуждением, проблема эффективности права фактически приобрела вид проблемы эффективности норм права, эффективности

нормативных актов государства. Вопросы же эффективности права в целом как регулятора социальной и духовной жизни, как элемента культуры и общества фактически не подверглись специальному научному изучению.

Итак, остановимся на тех особенностях, которыми характеризовалось исследование социальных аспектов эффективности в отечественной юридической науке. В ходе анализа проблем эффективности норм права, первоначально акцент был сделан на ее соотношении либо отождествлении с оптимальностью, правильностью, обоснованностью самих норм. Такой подход встречается, в частности, у Д. А. Керимова и М. П. Лебедева. В дальнейшем понятие «эффективность правовых норм» стало связываться в первую очередь с результативностью их действия. Многие авторы продолжали трактовать рассматриваемое понятие через возможность правового предписания оказывать влияние на общественные отношения в определенном направлении (А. С. Пашков, Д. М. Чечот), содействовать достижению желаемой цели (М. Д. Шаргородский), обеспечивать достижение социально полезной и объективно обоснованной цели (В. А. Козлов), обеспечивать правильный процесс правосудия (Д. М. Чечот) и т.д.

Нельзя отдельно не отметить целевую (функционально-целевую) концепцию эффективности правовых норм, представители которой понимали эффективность норм права как достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами. В этом плане особо хотелось бы подчеркнуть роль В. И. Никитинского в разработке данного подхода, его работу «Эффективность норм трудового права», а также коллективную монографию «Эффективность правовых норм», в написании которой он принял непосредственное участие. Серьезным вкладом в развитие этого подхода стала и работа И. А. Иконицкой «Проблемы эффективности в земельном праве».

Этот подход нашел определенное отражение и в более поздней отечественной юридической литературе. В частности, М. Х. Хутыз и П. Н. Сергейко отмечали, что «правовые нормы эффективны тогда, когда практика их реализации дает



положительные результаты, способствует достижению поставленных целей»<sup>1</sup>. Принципиальным содержательным сходством обладает в этом плане и определение Д. А. Керимова: «Эффективность законодательства состоит в качестве его установлений и соответствии результата его реализации тем целям, которые преследовал законодатель (правотворческий орган вообще)»<sup>2</sup>.

Целевой подход к сущности эффективности норм права, который с известной долей условности можно было бы назвать базовым в отечественной юридической науке, вместе с тем подвергался и критике, нередко вполне обоснованной, по различным направлениям и аспектам своего содержания.

Например, Ф. Н. Фаткуллин обращал внимание на то, что «цель и результат объективно суть явления, не охватываемые непосредственно самим содержанием права. Юридические нормы, конечно, могут содержать указание на свою социальную цель, но и в таком случае последняя, как идеально намеченное состояние реального объекта, находится вне их собственного содержания. Цель всегда направляет, результат достигается. Они оба никогда не становятся внутренним свойством самих правовых норм. И уже по этой причине эффективность не может рассматриваться одновременно в качестве и свойства правовых норм, и отношения их цели и результата»<sup>3</sup>.

Ряд вполне обоснованных в контексте нашего исследования критических замечаний в адрес целевой концепции содержится в работах А. С. Пашкова и Л. С. Явича. Они, в частности, обратили внимание на то, что неправильно любой эффект действия нормы смешивать с ее социальной эффективностью, которая предполагает достижение объективно необходимого и социально полезного результата. Такой результат может иметь место лишь тогда, когда сама цель нормы правильно отражает объективные закономерности развития общества. Если цель нормы определена неправильно, то ее достижение вовсе не будет свидетельствовать о социальной эффективности действия правовой нормы. Целевой момент,

---

<sup>1</sup> Хутыз М.Х., Сергейко П.Н. Энциклопедия права. М.: Былина, 1995. С. 36.

<sup>2</sup> Керимов Д.А. Проблемы общей теории права. М.: СГУ, 2000. С. 31.

<sup>3</sup> Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 318–319.

как необходимо включающий элемент субъективного отражения действительности, не может быть основным и объективным во всех случаях критерием эффективной правовой нормы<sup>1</sup>.

Тем самым А. С. Пашков и Л. С. Явич поставили вопрос о социальной оценке целей законодателя, о необходимости социального анализа правовых целей. Однако социальные аспекты эффективности затрагивались ими лишь в ракурсе изучения эффективности норм права и их групп, а не по отношению к праву в целом.

Целый ряд критических высказываний в адрес целевой концепции эффективности содержится в работах Л. И. Спиридонова, который отмечал, что соответствующая постановка проблемы, по сути, необоснованно ограничивает предмет анализа результативностью одной только правотворческой деятельности государства. Согласно этой модели правотворческий орган, выявив социальную проблему и поставив цель решить ее юридическими средствами, издает норму права, которая, влияя в доступных ей пределах на поведение людей, заставляет их совершать поступки, на которые как раз и рассчитывал законодатель. Реальное положение дел весьма отличается от этой схемы.

*Во-первых*, ни один законодатель не способен дать полный и точный анализ общественных процессов и сформулировать конкретные цели, которые можно разрешить посредством принятия юридических норм. Даже тогда, когда общество ставит перед собой определенные задачи, они оказываются чрезмерно абстрактными.

*Во-вторых*, значительная часть правовых норм складывается в ходе естественно-исторического процесса как обобщение социального опыта, а государство в качестве осознающей действительность силы может лишь официально признать их, так или иначе санкционировать, в том числе путем принятия законов. Говорить о том, что в этой ситуации кто-то произвольно ставит конкретные цели,

---

<sup>1</sup> См. Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3. С. 41.

средством достижения которых являются юридические нормы, можно лишь с очень серьезными оговорками.

*В-третьих*, вопрос о социальной эффективности правовой нормы не может быть сведен к проблеме соблюдения отдельным индивидом того или иного юридического запрета<sup>1</sup>. Таким образом, Л. И. Спиридонов совершенно обоснованно разграничил социальную эффективность норм права и их юридическую эффективность, выражающуюся в неуклонном соблюдении и исполнении правовых норм субъектами правовых отношений.

Характеризуя целевую концепцию эффективности, нельзя не заметить, что основное достоинство этой концепции – «концентрация внимания в оценке эффективности на соотношении достигнутого и запланированного, сущего и должного<sup>2</sup>. Важным также представляется анализ целенаправленного характера человеческой деятельности, в том числе правовой. В то же время представляется, что в данной концепции недостаточно внимания уделено собственно социальному – приоритетам социального развития в конкретный исторический период, социальным ценностям, менталитету, социальным потребностям и конфликтам, этносоциальным аспектам. Все это остается как бы «за кадром», вне поля зрения.

Положения целевой (функционально-целевой) концепции в отечественной литературе в известной мере дополняет причинно-функционально-целевая, отличающаяся от первой акцентом внимания на исследование совершенства правовой нормы и включением в оценку ее эффективности таких элементов, как социально-полезный характер результата действия нормы, учет затрат материальных средств, человеческой энергии и времени при решении поставленных задач, оптимальный вариант достижения поставленной цели и др. Один из приверженцев данного подхода В. А. Козлов, в частности, понимает эффективность права как максимально положительную результативность действия правовых норм при наименьших социальных издержках. Он отмечает, что «эффективность правового

---

<sup>1</sup> См. Спиридонов Л.И. Указ. соч. С. 214–215.

<sup>2</sup> См. Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 12.

регулируемая нельзя рассматривать как простую результативность, она необходимо должна включать классовую полезность этих результатов»<sup>1</sup>. Можно сказать, что в данном случае в понятие эффективности норм права была привнесена дополнительная «социальность».

В то же время социальные аспекты эффективности права в целом как регулятора, ее социальные характеристики так и не стали в данном случае предметом самостоятельного монографического исследования.

Вопросы эффективности права и его предписаний в свое время подверглись весьма обстоятельному изучению применительно к конкретным отраслям, институтам права и по отношению к международному праву. В данном контексте следует отметить труды В. И. Никитинского «Эффективность норм трудового права», И. А. Иконицкой «Проблемы эффективности в земельном праве», С. Ю. Марочкина «Проблема эффективности норм международного права», В. Ф. Прозорова «Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка», В. А. Федосовой «Эффективность действия норм советского государственного права» и др.

Весьма оригинальные и полезные идеи и предложения высказаны в отечественной, прежде всего советской, науке и по вопросам методологии и методики исследования эффективности норм права. В этом плане хотелось бы назвать работы И. С. Самощенко, В. И. Никитинского, А. Б. Венгерова «К методике изучения эффективности правовых норм»<sup>2</sup>, А. С. Пашкова и Л. С. Явича «Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования)»<sup>3</sup>, Е. П. Шикина «Факторы, определяющие эффективность норм права»<sup>4</sup>. Однако методология и методика исследования именно социальной эффективности права в этих трудах не стали предметом специального изучения.

---

<sup>1</sup> Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник ЛГУ. 1972. № 5. С. 109, 111.

<sup>2</sup> См. Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 9.

<sup>3</sup> См. Пашков А.С., Явич Л.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) // Советское государство и право. 1970. № 3.

<sup>4</sup> См. Шикин Е.П. Факторы, определяющие эффективность норм права // Советское государство и право. 1973. № 5.

Можно еще раз констатировать то, что советская теория эффективности была ограничена рамками этатистского, инструменталистского подхода к праву как к «средству руководства обществом», средству осуществления экономических, политических, идеологических и иных целей государства и социалистического строительства вне анализа социальной направленности этих целей.

Категория эффективности, хотя и рассматривалась через призму регулирования общественных отношений, все же применялась скорее в контексте государственной политики, а не реального общественного развития и его потребностей. Другими словами, социальность в праве и правовой системе в целом фактически подменялась идеей классовой гегемонии. Поэтому социальной эффективностью права в таких условиях следовало считать эффективную реализацию воли экономически господствующего класса. В этом плане Н. Г. Александров указывал, что «суть правового регулирования в том и состоит, чтобы подчинить волю субъектов воле господствующего класса, «возведенной в закон»<sup>1</sup>.

Необходимо в то же время отметить, что при исследовании вопросов эффективности норм права в отечественной науке было сформулировано немало ценных для науки и практики выводов и предложений, подходов, которые, несомненно, должны найти свое применение в дальнейших исследованиях.

В постсоветский период ряд интересных положений содержит выдвинутый В. В. Лапаевой подход к эффективности законодательства с позиций социальной конфликтности. Она указывала, что под эффективностью закона следует понимать степень соответствия реального уровня конфликтности в урегулированной законом сфере отношений оптимальному для данной сферы уровню конфликтности<sup>2</sup>. В зарубежной литературе также встречается подход, рассматривающий назначение права, помимо прочего, в поддержании некоего минимального уровня конфликтности<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 57.

<sup>2</sup> Лапаева В.В. Социология права. М.: Норма, 2004. С. 215–216.

<sup>3</sup> Ллойд Д. Идея права / пер. с англ. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева. М.: Югона, 2004. С. 24.

На наш взгляд, это заслуживает дальнейшей разработки, поскольку снижение неконструктивной социальной конфликтности, очевидно, является важнейшим показателем социальной эффективности правового регулирования.

Несколько по-иному к проблеме эффективности подошел С. А. Жинкин, который подверг изучению аксиологические, антропологические, психологические проблемы эффективности права и норм законодательства<sup>1</sup>. Однако социальные аспекты эффективности в его работах не стали предметом самостоятельного исследования.

В отечественной науке советского и постсоветского периодов было также уделено определенное внимание вопросам эффективности управления и социального регулирования в целом. Наиболее известны в этом плане монографии М. И. Бобневой «Социальные нормы и регуляция поведения»<sup>2</sup>, Г. В. Атаманчука «Управление – социальная ценность и эффективность»<sup>3</sup>, С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе»<sup>4</sup> и др. Научного внимания в контексте нашего исследования заслуживают труды отечественных философов и юристов П. И. Новгородцева «Введение в философию права. Кризис современного правосознания», И. А. Ильина «О сущности правосознания», работы Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова. Из более современных исследований можно выделить коллективные монографии «Психологические проблемы социальной регуляции поведения»<sup>5</sup>, «Психологические механизмы регуляции социального поведения»<sup>6</sup>, работы Е. А. Лукашевой «Социалистическое право и личность»<sup>7</sup>, М. Ф. Орзиха «Право и личность»<sup>8</sup>, Н. И. Матузова «Правовая система и личность»<sup>1</sup>, Б. Д. Парыгина «Основы социально-психологической теории»<sup>2</sup> и др.

---

<sup>1</sup> *Жинкин С.А.* Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009.

<sup>2</sup> *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.

<sup>3</sup> *Атаманчук Г.В.* Управление – социальная ценность и эффективность. М.: РАГС, 2006.

<sup>4</sup> *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971.

<sup>5</sup> Психологические проблемы социальной регуляции поведения / под ред. М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1976.

<sup>6</sup> Психологические механизмы регуляции социального поведения / под ред. М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1979.

<sup>7</sup> *Лукашева Е.А.* Социалистическое право и личность. М.: Наука, 1987.

<sup>8</sup> *Орзих М.Ф.* Право и личность. М.: Юрид. лит., 1975.

Вместе с тем социальные аспекты эффективности в праве в данных трудах лишь затрагивались в контексте более широкой правовой и психологической проблематики, но специальному исследованию не подвергались.

В современной российской юридической науке социальная эффективность права и его норм не обсуждается как самостоятельная проблема, а лишь затрагивается в связи с проблемами оптимизации правового регулирования<sup>3</sup>, повышения качества нормативных актов<sup>4</sup>, совершенствования правотворчества и расширения его социальной базы<sup>5</sup>, соблюдения требований законодательной техники<sup>6</sup>, повышения эффективности правового регулирования экономики<sup>7</sup> и социального законодательства<sup>8</sup>, в связи с исследованием роли личности в социальной и правовой жизни<sup>9</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Ид-во Саратов. ун-та, 1987.

<sup>2</sup> См.: Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.

<sup>3</sup> См.: Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал Российского права. 2013. № 8. С. 43–54; Васильева Н.В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013.

<sup>4</sup> См.: Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал Российского права. 2014. № 8. С. 5–14; Бошно С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики // Государство и право. 2015. № 11. С. 14–23.

<sup>5</sup> См.: Баранов В.М. Стратегия законотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации // Юридическая техника. «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)». 2015. № 9. С. 29–45; Синюков С.В. Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

<sup>6</sup> См.: Эффективность законодательства и современные юридические технологии: Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 29-31 мая 2008 г.) / отв.ред. И.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009; Пшеничников М.А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.

<sup>7</sup> См.: Тихомиров Ю.А. Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование. М.: Городец, 2010.

<sup>8</sup> См.: Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал Российского права. 2014. № 8. С. 5–15; Собянин С.С. Правовые основы социального развития субъектов Федерации // Журнал Российского права. 2005. № 12. С. 43–52; Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б., Цомартова Ф.В. Социальная концепция права: новый подход // Журнал Российского права. 2014. № 8. С. 32–37.

<sup>9</sup> См.: Бабаджанян К.А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013; Выходов А.А. Социально-правовой механизм обеспечения прав личности в современной России (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2013; Черепанова О.С. Реализация принципа взаимной ответственности гос-

За последние несколько лет появился ряд интересных работ, в том или ином ракурсе затрагивающих проблематику социальной эффективности в праве, например, в аспекте правотворчества<sup>1</sup>, реализации правовой политики государства<sup>2</sup>, правоприменения<sup>3</sup>, в ценностном аспекте<sup>4</sup>.

В современных условиях, когда задачи правового регулирования не сводятся к достижению заданных непонятным образом целей, а направлены на выражение и согласование социальных интересов, способствующих нормальному, гармоничному и свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом изменены и положения концепции эффективности права и других элементов правовой системы. Было бы неверно продолжать трактовать эффективность нормы как соотношение между результатом ее действия и предписанными ей правовыми и неправовыми (экономическими, политическими, идеологическими и т.д.) целями. В современных условиях эффективность права и его норм следует измерять их вкладом в укрепление правовых основ государственной и общественной жизни, в формирование и развитие элементов свободы, гармо-

---

ударства и личности (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Малько А.В.* Правовая жизнь общества: дискуссионные аспекты понимания // Государство и право. 2015. № 1. С. 17–26; *Нудненко Л.А.* Личность в координатах модернизации взаимодействия гражданского общества и правового государства // Государство и право. 2015. № 4. С. 13–21; *Орлова О.В.* Личность – основная ценность гражданского общества // Государство и право. 2015. № 6. С. 76–81; *Гуляихин В.Н.* Генезис теории правовой социализации // Журнал Российского права. 2013. № 5. С. 48–56; *Хайрутдинова Л.Р.* Взаимодействие власти и общества или симптом мнимого диалога // Юридическая техника. «Демократизация правотворчества: доктрина, практика, техника». 2014. № 8. С. 479–480; *Смирнова М.Г.* Стратегия закрепления социальных притязаний в праве // Юридическая техника. «Стратегия, тактика, техника законотворчества (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)». 2015. № 9. С. 711–719.

<sup>1</sup> См.: *Воробьева С.А.* Качество закона и его роль в обеспечении прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014; *Синюков С.В.* Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

<sup>2</sup> См.: *Даньшина Н.А.* Возможности и пределы государственного контроля над жизнедеятельностью общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Рудковский В.А.* Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009; *Рысина Е.П.* Эффективность российской правовой политики: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

<sup>3</sup> См.: *Марина И.Н.* Средства повышения эффективности применения норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

<sup>4</sup> См.: *Маргушина А.А.* Правовой порядок и правовые ценности: институционально-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013; *Мороз Е.Н.* Правовая норма как ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.



нии, справедливости в общественных отношениях, в реализацию прав и свобод человека и гражданина.

То же самое можно сформулировать и в традиционных категориях соотношения цели и результата. Только речь будет идти не о внешних по отношению к праву экономических, политических, идеологических и иных целях, а об имманентной ему правовой цели, заключающейся в согласовании социальных интересов на базе правообразующего интереса и в обеспечении, таким образом, максимально возможной всеобщей меры свободы для развития соответствующей сферы общественной жизни<sup>1</sup>.

Думается, что указанное замечание тем более применимо к проблеме социального измерения эффективности права. Для исследования социальных аспектов эффективности изучение сбалансированности социальных интересов является весьма ценным, однако, как представляется, не охватывает всего комплекса этих аспектов.

В зарубежной литературе проблемы эффективности изучались в некоторых своих социальных аспектах, применительно к социальному управлению в целом, деятельности политических систем либо корпоративным нормам. Здесь можно упомянуть работы Й. Кхола «Эффективность управленческих решений»<sup>2</sup>, Ч. Ф. Эндрейна «Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования»<sup>3</sup>, К. Левина «Разрешение социальных конфликтов»<sup>4</sup>. В зарубежной науке вопрос о социальной эффективности права и социальной эффективности отдельных правовых норм рассматривается лишь некоторыми представителями социологической юриспруденции (Эрлих, Леви-Брюль). Однако речь здесь идет не столько о социологическом анализе действительной социальной эффективности норм, сколько о свободе

---

<sup>1</sup> Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2002. С. 503–504.

<sup>2</sup> Кхол Й. Эффективность управленческих решений. М.: Прогресс, 1975.

<sup>3</sup> Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М.: Инфра-М, 2000.

<sup>4</sup> Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Речь, 2000.

судейского усмотрения, о праве судей отказываться от применения норм закона, если их применение может вызвать отрицательный социальный эффект<sup>1</sup>.

В связи с вышеизложенным считаю, что сложилась необходимость синтеза выводов юридических и иных общественных наук в исследовании социальной эффективности права, ее критериев, форм проявления и путей повышения.

Справедливости ради следует отметить, что в отечественной науке указывалось на необходимость разграничения юридической и социальной эффективности права. Однако, несмотря на достаточно широкую разработку проблем эффективности норм права, социальной ценности права, социальных основ права социальная эффективность как самостоятельная разновидность эффективности не стала объектом специального монографического исследования.

Подводя итог анализу степени разработанности избранной темы следует сказать, что проблемы эффективности в праве до настоящего времени в отечественной науке фактически изучались как проблемы эффективности тех или иных норм права либо как вопросы эффективности правоприменительной практики. Эффективность права в целом в своем социальном измерении, как социального регулятора, продукта социального развития, а также социальные аспекты такой эффективности применительно к общественному развитию современной России не стали предметом самостоятельного изучения. Не подверглась специальному монографическому исследованию и социальная эффективность как разновидность эффективности права и его предписаний.

Итак, в современной российской науке даже само понятие эффективности правовых норм остается еще во многом неразработанным и дискуссионным, тем более это относится к понятиям «эффективность права» и «социальная эффективность права» и их характеристикам.

Таким образом, до настоящего времени существует серьезный пробел в научном исследовании вопросов социальной эффективности права.

---

<sup>1</sup> Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М.: Юрид лит., 1980. С. 52.

**Объектом диссертационного исследования** является эффективность права как социального регулятора, ее аспекты, виды и факторы.

**Предметом диссертационного исследования** является социальная эффективность права как важнейшая разновидность эффективности права, ее виды и факторы, в том числе в контексте правового развития современной России.

**Теоретическую основу исследования** составляют концепции правового развития, правового регулирования и его эффективности, нашедшие свое отражение в трудах В. М. Баранова, А. И. Бобылева, Н. А. Власенко, С. А. Жинкина, В. Б. Исакова, В. П. Казимирчука, В. Н. Кудрявцева, В. В. Лапаевой, Г. В. Мальцева, М. Н. Марченко, В. И. Никитинского, А. С. Пашкова, А. С. Пиголкина, С. В. Полениной, Р. А. Ромашова, Ю. А. Тихомирова, Т. Я. Хабриевой, Б. С. Эбзеева, Л. С. Явича и др. Выводы этих и других авторов об основах социального и правового регулирования, сущности эффективности в праве, легли в основу предлагаемой концепции социальной эффективности права и ее основных аспектов и характеристик.

**Нормативную основу исследования** составляют нормативные акты современной России, иллюстрирующие позитивное либо негативное воздействие законодательства на социальную жизнь, общественные процессы и массовое правосознание, вызывающие социальные эффекты различного плана.

**Методологическая основа исследования.** Методология настоящего исследования исходит из принципа социальной обусловленности права, неразрывной взаимосвязи социальных процессов и их регулирования, в том числе правового.

С изменением социальных целей государства и права, отходом от постулатов марксизма в теории и на практике существенную корректировку претерпевают социальные и ценностные основы законодательства. Усложнение общественного развития предопределяет необходимость более комплексного изучения проблем эффективности социальных регуляторов, в том числе права, а также собственно социальных аспектов такой эффективности. Само понятие социального измерения права и его эффективности в новых условиях наполняется новыми характеристиками и более широким смыслом.

Вопросы эффективности права, в том числе социальные аспекты такой эффективности в современных условиях должны исследоваться с применением новых методов и подходов, положений и выводов других общественных наук, прежде всего психологии, истории, антропологии, социологии. Кроме того, следует учитывать серьезные духовные, социальные и технические изменения, происходящие в мире и современной России, необходимость их осмысления и гармонизации с элементами отечественной правовой системы.

Очевидно, что в современных условиях и само понятие, и содержание социальной эффективности должно рассматриваться более широко и многоаспектно. При этом социальные аспекты эффективности неотделимы от других ее аспектов – политических, психологических, экономических и т.д. В связи с этим важное место в изучении социальной эффективности права принадлежит системно-структурному методу. Социальная эффективность права является одной из разновидностей эффективности и, с другой стороны, многоаспектным феноменом, системой взаимосвязанных элементов, на которые необходимо целенаправленно воздействовать.

Потребности исследования социальной эффективности права предполагают не только юридический, но и более широкий социологический анализ соответствующей проблематики, широкое привлечение комплекса социологических методов исследования. При этом необходимо подвергнуть глубокому социально-правовому анализу те процессы, которые происходят сейчас в российском обществе – глобализацию и модернизацию, социальную и имущественную дифференциацию, формирование массовой культуры, развитие национального самосознания и др.

При изучении социальной эффективности права возникает потребность в научном предвидении сравнительно отдаленных последствий действия правовых установлений. Этим определяется необходимость использования методов социального прогнозирования. Нельзя обойти вниманием группу этносоциальных факторов, что особенно актуально применительно к реалиям современной России. При этом существенная роль отводится методам исследования правосознания и

национального менталитета, а также образа жизни и мотивов поведения. Речь идет о комплексе психологических и этнографических методов.

Кроме того, в диссертационном исследовании предполагается использовать и другие общие и частнонаучные методы: логические, функциональный, формально-юридический, сравнительный и др.

**Целью диссертационного исследования** является исследование социальной эффективности права в условиях современной России. В соответствии с поставленной целью представляется необходимым решить ряд задач:

- исследовать социальную эффективность права как разновидность эффективности права, в том числе понятие социальной эффективности права и ее характеристики;

- рассмотреть виды и факторы социальной эффективности права;

- подвергнуть анализу этнические характеристики социальной эффективности права.

**Научная новизна** диссертационного исследования состоит в следующем:

- впервые подвергнуты специальному монографическому исследованию социальные характеристики эффективности права в современной России;

- социальная эффективность права впервые исследована как важнейшая специфическая разновидность эффективности права;

- классифицированы факторы социальной эффективности права и выделены ее критерии;

- социальная эффективность права исследована в этническом аспекте, в соотношении с особенностями российского национального менталитета.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Эффективность права неотъемлемо включает социальную составляющую, различные формы социального выражения и не может полно оцениваться вне своего социального контекста. В то же время эффективность права, имманентно включая социальные характеристики, не ограничивается ими, а имеет также специально-юридические, аксиологические, психологические, политические, экономические аспекты. Социальная эффективность является важнейшей

разновидностью эффективности права, характеризующей развитие национального права в конкретный исторический период.

2. Социальная эффективность права может быть определена в узком и широком смысле. В узком смысле – это достижение посредством правового воздействия социальных целей, достижение социально значимых позитивных результатов с помощью правовых средств, закрепленных в законодательстве. В широком смысле – обеспечение посредством права социально полезного и гармоничного существования личности, социальных, этнических групп; обеспечение результативного взаимодействия личности, социальных общностей и общества в целом в рамках данного правопорядка; успешное осуществление посредством права социально полезной активности при минимизации неконструктивной общественной конфликтности.

Социальная эффективность права представляет собой многоаспектный социальный феномен и включает:

- обеспечение посредством права социально полезных форм коллективного и индивидуального поведения;
- создание правом условий для социальной самореализации и социальной адаптации индивидов, удовлетворение посредством норм права потребностей и интересов членов общества;
- создание правом условий для гармоничного сосуществования социальных, в том числе этнических, групп;
- гармоничное сочетание права с другими регуляторами, с групповыми, корпоративными нормами, эффективное взаимодействие государственно-правового регулирования и общественного саморегулирования;
- сведение к минимуму уровня неконструктивной социальной конфликтности при сохранении социальной конкуренции.

3. Социальная эффективность права характеризуется рядом показателей. Во-первых, в качестве такого показателя должно рассматриваться появление с помощью права новых социальных связей, объединений и институтов. Во-вторых, социальная эффективность предполагает эффективное обеспечение посредством

права беспрепятственного и справедливого доступа к социальным благам, их получению. В-третьих, показателем социальной эффективности права является эффективное функционирование существующих общественных институтов, например, общественных объединений, трудовых коллективов, государственного аппарата и т.д.

4. Применительно к социально-правовому развитию современной России необходимо определить наиболее важные критерии социальной эффективности права. Главным поведенческим критерием социальной эффективности права является развитие социально полезной активности свободных и автономных личностей, обеспечение и успешная организация социально полезной деятельности субъектов права, в т.ч. этнических и иных социальных общностей. Целевым критерием социальной эффективности права может считаться обеспечение им сплоченности общества, его направленности на решение общих задач. Психологическим критерием социальной эффективности права является его признание в общественном сознании, признание его верховенства и значимости, уважение права личностью и обществом, социальными группами.

Важными критериями социальной эффективности права являются: 1) снижение уровня неконструктивной конфликтности в обществе, что выражается в уменьшении количества актов государственного и иного социального принуждения; 2) соответствие действующего законодательства социальным потребностям, потребностям общественного развития; 3) предоставление и результативная защита правом возможности личностного выбора, в том числе выбора социального положения, рода занятий; 4) защищенность личности, в том числе юридическая.

5. Социальная эффективность права может быть разделена на различные виды. Один из них можно было бы назвать этносоциальной эффективностью. Она определяется степенью гармоничности существования и успешности взаимодействия этнических групп в рамках данного общества в данный исторический период. Этносоциальная эффективность российского права зависит от его соответствия национальному менталитету, результативного воздействия на образ жизни

этносов, проживающих в России. В то же время этносоциальная эффективность права не должна быть связана с поддержкой сепаратизма или идей национального превосходства и национальной исключительности. Другой разновидностью социальной эффективности следует считать аксиологическую (ценностную). В данном случае имеется в виду эффективное выражение и защита действующим правом существующих в обществе социальных ценностей. Еще одну разновидность социальной эффективности права следует связать с удовлетворением посредством права потребностей и интересов индивидов и социальных групп.

Разновидностью социальной эффективности права может также считаться и социально-психологическая. Она выражается в признании права в общественном сознании, в психологическом принятии его как справедливого и действенного регулятора общественных отношений.

**Научно-теоретическая и практическая значимость** диссертационного исследования заключаются в том, что положения диссертации вносят существенный вклад в научное исследование и практическое разрешение ряда проблем теории государства и права, в том числе: совершенствования правотворчества; повышения эффективности законодательства федерального и регионального уровня; обеспечения гармоничного взаимодействия права и общества, его институтов; оптимизации правового регулирования межэтнических отношений.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для повышения качества законодательства, а также в проведении социальной политики, в пропагандистской и воспитательной деятельности государства, в учебном процессе в ходе проведения учебных курсов «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права», «Философия права», «Социология права».

**Достоверность результатов исследования** обеспечивается значительным объемом исходного теоретического материала, достаточным количеством наблюдений, современными методами исследования, которые полностью соответствуют поставленным цели и задачам. Научные положения и выводы, сделанные автором в ходе исследования, теоретически обоснованы. Достоверность также подтверждается апробацией результатов исследования.



**Апробация результатов исследования.** Диссертация подготовлена на кафедре теории и истории государства и права Кубанского государственного университета, где проходило ее обсуждение и рецензирование. Основные результаты диссертационного исследования, выводы и предложения автора изложены в научных статьях и материалах научно-практических конференций различного уровня.

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в общей сложности четыре параграфа, заключения, библиографического списка.

## **ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВА КАК ВИД ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА**

### **§ 1. Понятие эффективности права. Социальная эффективность права: сущность и основные характеристики**

Эффективность права как социального и духовного регулятора немыслима без своей социальной составляющей. Человек принадлежит обществу, находится внутри него, он социализируется в нем и выражает себя как социальный субъект, который действует и развивается в соответствии с закономерностями, свойственными общественной жизни. Но, будучи социальным субъектом, он становится и субъектом правовых отношений, субъектом права. Он не стал бы членом общества, гражданином в том или ином государстве, если бы не следовал правовым предписаниям, не организовывал свою индивидуальную жизнь нормативно-правовым способом. Само цивилизованное общество не может возникнуть в случае отрицания основ законности и правовой упорядоченности (правопорядка).

Естественно, что право – не просто формальная система, застывший социальный институт, а живой организм, существенный социальный фактор преобразования человеческого бытия, целесообразного изменения и стабилизации общественных отношений на основе освоения исторически преемственных социокультурных программ, реализации социально полезной активности людей и их объединений.

Каждая социальная норма, в т.ч. норма права воплощает в себе опыт, логику и меру цивилизованного социального существования человека и социальных общностей. Она приобретает определенное социальное измерение, обусловленное ее общественной значимостью.

Право как социокультурная деятельность вплетается в процессы социального бытия, преобразуя, организуя и стабилизируя общественные процессы. Оно, как активный социокультурный регулятор и как необходимый продукт социума «органично вплетено в ткань социальной материи, является существенной онтологической характеристикой общественного бытия»<sup>1</sup>. Такой же существенной характеристикой развития общества является степень и формы выражения социальной эффективности различных регуляторов, включая право.

В отечественной литературе еще в советский период вполне обоснованно был поставлен вопрос о социальном механизме действия права. В. П. Казимирчук, исследуя трансформацию правовых норм в поведение людей, включал в социальный механизм действия права, следующие элементы: а) доведение правовых норм до всеобщего сведения; б) постановку в законах и других правовых актах социально полезной цели; в) поддержку правом социально полезных образцов поведения; г) социально-правовой контроль<sup>2</sup>. Взяв на вооружение тезис о социальном механизме действия права, в то же время необходимо иметь в виду, что социальная эффективность права в целом не сводится к эффективности отдельных норм права и простой сумме составляющих такой эффективности.

Понятие эффективности правовых норм подверглось в отечественной науке достаточно обстоятельному анализу. По мнению целого ряда отечественных авторов, исследовавших эффективность конкретных норм права, понятие эффективности правовых норм может быть определено как соотношение между фактическим результатом их действия и теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты<sup>3</sup>. Думается, что в этом определении эффективности имеется определенный «социальный оттенок», поскольку речь идет о достижении именно социальных целей. «Социальность», таким образом, имманентно присутствует и в эффективности отдельных норм. Тем более она присутствует в

---

<sup>1</sup> Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Правоведение. 2003. № 2. С. 18.

<sup>2</sup> Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 37–44.

<sup>3</sup> Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. М.: Юристъ, 1980. С. 22.

эффективности права в целом, что находит свое выражение в соответствующих научных исследованиях.

Итак, перейдем к анализу самого понятия эффективности права и попытаемся выделить его аспекты, в т.ч. социальные. В отечественной науке проблемы эффективности в праве подверглись исследованию, прежде всего, как проблемы эффективности норм права либо эффективности правоприменительных актов. В то же время, выработанное отечественной наукой определение эффективности норм права как соотношения между целями, которые преследовал законодатель, издавая соответствующую норму, и реально наступившими результатами, не учитывало, на мой взгляд, следующих моментов.

*Во-первых*, эффективность права, по сути, сводилась к эффективности норм права, то есть эффективность права как регулятора сводилась к эффективности предписаний другого регулятора – государства.

*Во-вторых*, из данного определения роль самого права как именно социального регулятора и критерия именно социальной действенности права уяснить фактически невозможно, определение как бы оторвано от общественной жизни, оперируя абстрактными целями законодателя и их возможным осуществлением. Все это свидетельствует о необходимости более детального изучения именно социальных аспектов эффективности и формулирования самого определения социальной эффективности права.

В. А. Федосова в свое время высказала следующую идею: «положить в основу определений понятий эффекта и эффективности вообще философскую трактовку эффективности как соотношения оптимальной возможности и действительности»<sup>1</sup>. Она различала эффективность правовых норм и эффект действия правовых норм. Под последним в этом плане подразумевалась совокупность положительных изменений, происшедших в социальной действительности и сознании граждан под влиянием оптимального и целенаправленного воздействия правовой нормы на общественные отношения. Эффективными, по мнению В. А. Федосо-

---

<sup>1</sup> Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 32.

вой, можно считать лишь те нормы, которые являются социально полезными и у которых бесспорно установлено наличие прогрессивной цели<sup>1</sup>. Таким образом, ее определение эффективности норм права включало характеристики «социальной полезности» и «социальной прогрессивности». В то же время сами понятия «социальной полезности» и «социальной прогрессивности» в таком случае нуждались и нуждаются в разъяснении и конкретизации для науки и практики.

В отечественной научной литературе эффективность норм права подчас трактовалась и как обеспечение некоего баланса социальных интересов, удовлетворение нормами определенных социальных интересов. В этой связи представляется, что различие между пониманием эффективности норм права как соотношения цели и результата и ее трактовкой как отражения интересов субъектов права, баланса этих интересов не столь существенно. Следует согласиться с Г. В. Мальцевым в том, что «цель, если она действительно необходима, невозможно отделить от интереса. Иначе говоря, она есть осознанный интерес и должна его объективно отражать. ...Цели человека складываются на основе объективно возникающих его интересов, реализуемых посредством деятельности в целесообразных формах»<sup>2</sup>. Механизм выбора целей включает в себя не только организационные моменты и научные методы, но и стадию социальной оценки, отбора вариантов и выбора наиболее предпочтительной цели<sup>3</sup>.

Заслуживает внимания мысль Т. А. Казакевич о том, что вся история возникновения и развития целеполагающей деятельности человека показывает, что цели формируются на основе потребностей, как форма отражения предмета потребности<sup>4</sup>. Однако хотелось бы заметить, что цели могут ставиться государством без учета или при игнорировании общественных потребностей или интересов.

---

<sup>1</sup> Федосова В.А. Указ. соч. С. 39–40.

<sup>2</sup> Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности. М.: ИПК «Звезда», 1968. С. 113.

<sup>3</sup> Тихомиров Ю.А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе. М.: Наука, 1978. С. 226.

<sup>4</sup> Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. С. 43.

Осознание индивидом объективного интереса есть познание объективной необходимости, акт личностной свободы. Поэтому категория цели как результата осознания объективного интереса характеризует свободно-волевою деятельность человека. Таким образом, цели формулируются законодателем именно для удовлетворения тех или иных социальных интересов. Поэтому рассмотрение эффективности норм права как меры отражения социальных интересов есть фактически рассмотренное под другим углом зрения определение эффективности норм как соотношения целей (социальных целей) и результатов, в том числе социальных результатов.

Вместе с тем, между нормами и социальными интересами нередки и расхождения. Норма должна соответствовать интересам общества, его различных классов и основных социальных групп; только тогда она отвечает своему назначению. Но, с другой стороны, если с социальной нормой не согласны конкретные малые группы или индивиды, то само по себе это не является доказательством ее социальной ущербности, социальной деформированности.

Расхождение нормы с социальными интересами анализируется в литературе на нескольких уровнях. В частности, выделяются уровни общества, класса, социальной группы, личности. При этом указывается, что эталоном для оценки степени соответствия той или иной социальной нормы общественным интересам является критерий справедливости. В процессе длительного исторического развития были постепенно сформулированы и обобщены некоторые прогрессивные принципиальные требования к нормам, регулирующим человеческое поведение, несоблюдение которых вызывает негативную социальную оценку. К таким общечеловеческим достижениям относятся, например, принцип ответственности за личную вину; принцип гуманизма; презумпция добропорядочности и невиновности человека; независимость и беспристрастность судебного рассмотрения дела и т.п. Нарушение этих принципов серьезно ослабляет эффективность социального регулирования и вызывает различного рода социальные деформации. Социальная норма, которая указанных принципов не содержит, расценивается как несправед-

ливая – косная, жестокая, устаревшая и пр. Практический результат ее действия ничтожен либо даже отрицателен<sup>1</sup>.

Перейдем к характеристике понятия эффективности права в целом. В литературе категория эффективности права в целом как регулятора только начинает становиться предметом самостоятельных научных исследований. В этом плане особо хотелось бы отметить работы С. А. Жинкина. В частности, он указывает, что «определение эффективности права требует плюралистического подхода, а также отмечает, что эффективность права как социально-духовного регулятора означает реализацию им своего социального, духовного и иного назначения в конкретном культурно-историческом контексте, предоставление им возможности для социально позитивной самореализации личности в конкретном обществе»<sup>2</sup>.

По мнению С. А. Жинкина, эффективность права может быть рассмотрена и как обеспечение надлежащей сбалансированности основополагающих социальных ценностей, что образует аксиологический (ценностный) подход. В целом же им предлагается рассматривать эффективность права как успешное «обслуживание» им общественного развития, действенное регулирование социальной жизни и ментальных, психических процессов, сопровождающих социальную жизнь, как обеспечение правом преемственности социально-культурных ценностей и вместе с тем социального, духовного, культурного, экономического и иного динамизма<sup>3</sup>. Вполне очевидно, что его определение эффективности права несет вполне определенный социальный компонент, поэтому представляет интерес для данного исследования.

Рассматривая эффективность права как сбалансированность социальных ценностей, следует, на наш взгляд, иметь в виду, что ценности, выражаемые и защищаемые правом, являются ценностями различных уровней – общечеловеческие (их можно было бы назвать цивилизационными), культурно-исторические (характерные для данной исторической эпохи и данной культуры в эту эпоху), нацио-

---

<sup>1</sup> См. Социальные отклонения / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Юрид. лит., 1989. С. 162.

<sup>2</sup> Жинкин С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 49.

<sup>3</sup> Жинкин С.А. Указ. соч. С. 86–87.

нальные и т.д. Все это определяет специфику тех или иных аксиологических аспектов эффективности права.

Исходя из логики С. А. Жинкина, можно утверждать, что эффективность права в отношении конкретного индивида подразумевает, помимо прочего, устойчивое и результативное воздействие права и на психические процессы, на внутренний мир, результативное обеспечение правом социально полезной самореализации человека. Эффективность права может быть также истолкована в широком социально-философском смысле как нахождение безопасного, прогрессивного, выгодного для отдельных индивидов и общества в целом способа общественного существования людей и их коллективов. Интересно, что эффективность можно соотнести здесь с социальным, социально значимым существованием человека, что важно и в контексте данной работы.

Таким образом, эффективность права, сама по себе являясь многогранным феноменом, неотъемлемо включает и социальные компоненты. Это, по моему мнению, и успешное достижение поставленных социальных целей, и действенная защита основополагающих социальных ценностей, и эффективная организация социально полезной активности, и успешное снижение уровня неконструктивной общественной конфликтности, и обеспечение баланса социальных интересов, в т.ч. интересов групповых и этнических.

Очевидно, что эффективность права как понятие должна быть наполнена реальным социальным смыслом. Это в таком случае – не эффективность государственной политики, законотворческого механизма, экономических реформ и т.д. Под эффективностью права в социальном контексте следует понимать, прежде всего, то социальное развитие и самовыражение индивида, ту степень социального самовыражения личности, которые обеспечивает право в течение соответствующего культурно-исторического периода.

А теперь перейдем к рассмотрению социальной эффективности как важнейшей разновидности эффективности права и в то же время ее важнейшему аспекту. С этой целью обратимся к исследованиям социальной эффективности отдельных норм права, проведенным в советский период.



Как известно, в ряде работ советских авторов выделялись юридическая и социальная эффективность правовых норм<sup>1</sup>. В одних трудах юридическая и социальная эффективность трактовались не как виды, а как уровни эффективности норм права, а в других – подчеркивалась условность разграничения юридической и социальной эффективности, так как юридическая эффективность является в то же время и социальной, а социальная эффективность представляет собой более широкое понятие<sup>2</sup>. Юридическая эффективность правовой нормы понималась при этом как соответствие поведения субъектов правоотношения требованиям, закрепленным нормой права<sup>3</sup>.

Аналогичные конструкции разрабатывались и в частных юридических науках. Так, С. Ю. Марочкин отмечал, что большинство норм международного права имеют две непосредственные цели: юридическую и социальную. Первая предполагает точную реализацию правового предписания, полное исполнение предоставленных прав и предписанных обязанностей. Вторая охватывает результаты, находящиеся вне правовой сферы. Осуществление юридической цели служит важным этапом на пути достижения социальной цели и, следовательно, эффективности нормы<sup>4</sup>. Он также выделял существование норм, непосредственным объектом которых является точное исполнение самого правового предписания. Такие нормы имеют не две, а одну непосредственную цель – юридическую. Если в большинстве случаев юридическая цель занимает второстепенное положение и ее достижение есть в свою очередь лишь потенциальная возможность достижения цели социальной, то в этих нормах она является основной и единственной непосредственной целью. Соответственно эффективность подобных норм измеряется по степени реализации именно юридических целей. К ним можно отнести, напри-

---

<sup>1</sup> См. напр.: Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самошенко, В.В. Глазырин. М.: Юрид. лит., 1980. С.48–52; Эффективность гражданского законодательства / под ред. В.П. Грибанова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 19.

<sup>2</sup> См. *Морозова И.С.* Льготы в российском праве: проблемы эффективности // Правоведение. 2001. № 4. С. 45.

<sup>3</sup> См. Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 57.

<sup>4</sup> *Марочкин С.Ю.* Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 20–21.

мер, многочисленные нормы юридико-технического характера, которые устанавливают сферу и время применения актов, порядок употребления терминов, подписания и вступления в силу договоров и т.д.<sup>1</sup>

В данной связи хотелось бы заметить, что при таком понимании юридическая эффективность нормы права фактически отождествлялась с ее реализацией, ее претворением в жизнь. Думается, что тогда сам термин «юридическая эффективность норм права» теряет смысл, так как просто дублирует другой юридический термин. То же самое касается термина «юридическая эффективность права», который является аналогом термина «режим законности».

Можно согласиться с С. Ю. Марочкиным в том, что для социальной эффективности простого исполнения нормы права или группы норм оказывается недостаточно. Она характеризует глубинные процессы правового регулирования – степень достижения социальных целей, находящихся вне непосредственной сферы правового регулирования.

Очевидно, что даже самая точно исполняемая норма может быть неэффективной или характеризоваться низкой эффективностью. Все зависит от того, в какой мере достигнута ее социальная цель. Нормы, в которых юридические и социальные цели различны, составляют в любой правовой системе существенную часть. Полагаю, применительно к праву в целом, что достижение посредством права поставленных государством социальных целей является только одним из аспектов социальной эффективности права, само понятие социальной эффективности является феноменом многоаспектным, более широким.

Очевидно, что разграничение юридической и социальной эффективности норм права по сути нивелирует противоречие между пониманием эффективности как соотношения цели и результата и трактовкой эффективности как меры сбалансированности социальных интересов и обеспечения максимально возможной меры свободы. Соответствие результатов целям правотворческого органа будет характеризовать юридическую (инструментальную) эффективность, а обеспечение баланса социальных интересов, снижение уровня правового принуждения в

---

<sup>1</sup> *Марочкин С.Ю.* Указ. соч. С. 21–22.

обществе – социальную эффективность норм. С позиций своей значимости для духовного и социального развития социальная эффективность норм права и их групп гораздо выше юридической, поскольку относится к содержательным аспектам соответствующих предписаний, их социальному назначению и его осуществлению, в то время как юридическая отражает лишь формальное следование нормативным предписаниям, которые могут носить социально вредный и даже по сути антиправовой, или социально нейтральный характер.

Итак, проблема социальной эффективности правовых норм затрагивалась в отечественной науке советского периода. При этом речь шла о социальной эффективности норм, а не права в целом как регулятора.

Право в целом, несомненно, подлежит оценке с позиций своей социальной эффективности, поскольку эффективность юридическая как простое соблюдение и исполнение правовых предписаний не позволяет определить и адекватно оценить социальное содержание и социальное назначение права в соответствующий исторический период.

Социальная эффективность как феномен неразрывно связана с результативностью организации совместной общественной жизни в рамках соответствующего государственно-правового образования, в рамках данной правовой системы.

Социальная эффективность права, как представляется, имеет целый ряд показателей и характеристик. *Во-первых*, проявлением и показателем социальной эффективности права должно считаться развитие общественной жизни, появление новых социальных связей и институтов. *Во-вторых*, социальная эффективность предстает как эффективное обеспечение посредством права беспрепятственного доступа к социальным благам, их получению. *В-третьих*, социальная эффективность права выражается в успешном, гармоничном функционировании существующих социальных институтов, например, общественных объединений, семьи, трудовых коллективов, государственного аппарата и др. *В-четвертых*, под характеристикой социальной эффективности права может пониматься обеспечение им максимальной сплоченности общества, его направленности на решение общих задач. Естественно, что такие задачи должны выдерживать проверку на свое соот-

ветствие основополагающим духовным и социальным ценностям цивилизации, потребностям социально позитивной самореализации личности в обществе. Существенной характеристикой социальной эффективности права является и его признание в общественном сознании, признание его верховенства и значимости институтами гражданского общества.

Можно утверждать, что усиливать социальную эффективность права будут лишь те нормы законодательства, которые улучшают возможности для самореализации индивидов и социальных групп, увеличивают безопасность индивида и ее осознание, социальную удовлетворенность властью и правом. Право в контексте обеспечения своей социальной эффективности должно обеспечивать и усиливать то, что можно было бы назвать «продуктивной социальной ориентацией».

Социальная эффективность права, как и эффективность права вообще, может быть рассмотрена как обеспечение надлежащей сбалансированности основополагающих социальных ценностей, что образует аксиологический (ценностный) подход. Социальное регулирование дает возможность строить человеческое поведение и оценивать его в едином измерении, по единому масштабу, стандартизировать поведенческие реакции субъектов социальных отношений. В процессе регулирования достигается справедливый, гармоничный, «правильный» социальный порядок, который регламентирует совместную общественную жизнь людей.

Динамизм экономических, политических и социально-культурных запросов современного общества выдвигает все новые и новые задачи правового регулирования общественных отношений. Социальная обусловленность и многогранность этих задач обнаруживается простым перечислением проблем, возникающих перед правотворчеством: исследование различных социальных причин, факторов, обуславливающих потребность в нормативно-правовом регулировании различных отношений; выявление и учет интересов социальных и национальных образований, общественных групп и общества, их особенностей, обычаев, традиций; сочетание обыденного, практического и теоретического сознания различных групп людей, слоев, элит и др. в процессе создания закона; проведение сравнительного анализа законопроекта не только с аналогичными установлениями прошлых лет и

действующих законодательных систем иностранных государств, но и с другими регуляторами; научная разработка концепции, принципиальных положений закона; выявление общественного мнения относительно целесообразности принятия того или иного закона<sup>1</sup>. Все эти и многие другие проблемы и пути их решения, несомненно, должны учитываться при исследовании социальной эффективности права, ее факторов и путей повышения, при выделении ее характеристик и показателей.

В контексте задач, стоящих перед правотворчеством, социальная эффективность права подразумевает:

- коллективное общественное признание права как регулятора, его социальной роли, общеобязательности и необходимой, оправданной принудительности;
- результативность социальных связей, их созидательность и эквивалентность;
- сбалансированность корпоративных норм, личных и групповых интересов с действующим законодательством и общими интересами.

Кроме того, интересным социальным аспектом эффективности права является, на мой взгляд, организационный. В частности, определенный интерес для нашего исследования представляет рассмотрение социальной эффективности в контексте управления и самоуправления социальных систем, роли саморегулирования в достижении поставленных социальных задач.

Очевидно, показателем социальной эффективности права можно считать и то, насколько оно сочетается с саморегулируемостью общества, его самодеятельностью и самоуправляемостью. Другими словами, получаем еще один аспект социальной эффективности права – его гармоничное сочетание с социальным саморегулированием и с другими социальными регуляторами.

В ряде работ, посвященных эффективности государственной деятельности, эффективность справедливо связывается с успешным развитием гражданского

---

<sup>1</sup> *Рассолов М.М.* Актуальные проблемы теории государства и права. М.: Юнити-Дана, 2010. С. 206.

общества и его институтов. Так, В. А. Затонский к числу важнейших условий эффективности современной российской государственности относит функционирование дееспособного гражданского общества, центральным субъектом которого выступает активная, автономная личность<sup>1</sup>. Думается, что успешное функционирование институтов гражданского общества является еще одним аспектом и одновременно показателем социальной эффективности права, как и других социальных регуляторов.

Вообще, на наш взгляд, можно говорить не только о социальных аспектах эффективности права, но и о социальных аспектах эффективности государства. Эффективное государство – это, помимо других моментов, социальное государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, достойном уровне жизни своих граждан, их социальной защищенности, признающее социально ориентированную политику важнейшей своей задачей. Для эффективности государства важна степень его доступности для свободного гражданского волеизъявления, открытости, восприимчивости для конструктивной правовой активности граждан, институтов гражданского общества.

В этом плане представляется, что государству необходима и реальная социальная ориентированность законодательства, она представляет собой также важное условие эффективности не только государства, но и права, в том числе социальной.

Итак, еще один аспект социальной эффективности права – его социальная ориентированность, гармоничное взаимодействие с институтами гражданского общества.

Социальная эффективность законодательства имеет, несомненно, и национально-культурные аспекты. В этом плане заслуживают внимания призывы ряда авторов обратиться к первоосновам человеческой природы и общежития в труде, семье, отечестве, облаченным в специфику менталитета народов – их традиций, особенностей национально-культурной и культурно-цивилизационной идентич-

---

<sup>1</sup> Затонский В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2008. С. 13.

ности<sup>1</sup>. Другими словами, еще один аспект социальной эффективности права – его гармоничное сочетание с национальным менталитетом, с национально-ментальными основами общественной жизни.

Итак, попытаемся дать общее определение социальной эффективности права. Социальная эффективность права, как представляется, может быть выделена в узком и широком смысле. В узком смысле – это достижение посредством правового воздействия социальных целей, достижение социально значимых позитивных результатов с помощью правовых средств, закрепленных в законодательстве. В широком смысле – это обеспечение посредством права социально полезного и гармоничного существования личности, социальных, этнических групп, в том числе обеспечение гармоничного взаимодействия личности, социальных общностей и общества в целом в рамках данного правопорядка; успешная реализация социально полезной активности при минимизации неконструктивной общественной конфликтности.

Перед юридической наукой и практикой, перед гражданским обществом и его институтами стоит задача оказания помощи законодателю не только в правильном определении цели правового регулирования, но и в установлении того, насколько достижение данной цели будет способствовать прогрессу общества, его гармоничному развитию. Общество и его объединения должны превратиться в подлинно активного субъекта правотворческой деятельности.

В контексте нашего исследования не теряющим актуальности представляется мнение С. С. Алексеева о том, что право должно быть признано в качестве социального блага, т.е. такого общественного явления, которое в силу своих свойств способно принести значительную пользу в общественной жизни, а «самым общим образом значение права как социальной ценности состоит в том, что оно выражает, закрепляет и обеспечивает организованность отношений в обществе<sup>2</sup>. Думается, что организованность общественных отношений, их упорядоченность в инте-

---

<sup>1</sup> См. *Мордовцев А.Ю.* Национальный правовой менталитет. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.

<sup>2</sup> *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971. С. 38, 49.

ресах созидательного развития личности, ее самореализации в определенной мере будут являться и показателем эффективности права вообще и социальной эффективности в частности. И определять контуры такой упорядоченности должны институты общества, а не только государство в лице своих уполномоченных органов.

Важный аспект и показатель социальной эффективности права – целевой, то есть постановка посредством права и правовых учреждений социально полезных целей и наличие социально полезных результатов. Достижение общественно полезной цели – необходимое условие подлинной, а не мнимой эффективности. Перенос акцента на оценку цели правовой нормы позволяет оценивать норму в первую очередь с точки зрения ее полезности, а не эффективности. В таком случае возникает вопрос: следует ли вообще исследовать и оценивать правовую норму с позиции ее эффективности, когда цель этой нормы (а следовательно и сама норма) социально вредная? И кто должен устанавливать эту вредность?

Аналогично можно исследовать не только конкретные нормы, но и правовые институты, отрасли права, право в целом. Поэтому цели, которые ставятся перед правом в каждый конкретный период, должны являться предметом общественного обсуждения и общественной оценки.

Естественно, признание в целом всей правовой системы и крупных подсистем эффективными, не исключает постановки вопроса об эффективности отдельных структурных элементов этой системы, отдельных правовых норм. Отдельные правовые нормы, наряду с общими целями правового регулирования могут иметь и имеют свои конкретные цели, которые могут в определенной степени противоречить и общим целям, и требованиям жизни. В тех случаях, когда мы изучаем эффективность отдельной правовой нормы, весьма важно определить, в какой степени ее цель соответствует основным целям правового регулирования исследуемой группы общественных отношений на современном этапе<sup>1</sup>.

В действительности нет в современных обществах ни одного социального института, ни одной социальной формы, которые бы существовали исключительно

---

<sup>1</sup> *Иконницкая И.А.* Проблемы эффективности в земельном праве. М: Наука, 1979. С. 34.



но для самих себя. Созданные усилиями человека, системой его потребностей, они предназначены обслуживать его нужды, удовлетворять его интересы. Поэтому возникшее и продолжающее существовать и действовать как результат целенаправленной деятельности социальных субъектов право замыкается своими функциями, содержанием, структурой в конечном счете на человека, на его деятельность. Поэтому еще одним аспектом социальной эффективности права следует считать деятельностный. Социальная эффективность права отражает, помимо прочего, роль права в стимулировании социально полезной активности индивидов, социальных и этнических групп.

Итак, социальная эффективность права может быть определена как многоаспектный социальный феномен, включающий такие характеристики, как:

- обеспечение посредством права адекватных и полезных форм коллективного поведения;
- создание правом условий для социальной самореализации и социальной адаптации индивидов;
- обеспечение правом условий для гармоничного сосуществования социальных, в том числе этнических, групп;
- гармонизацию государственно-правового регулирования и общественного саморегулирования;
- успешную реализацию посредством права основополагающих социальных ценностей;
- удовлетворение посредством норм права потребностей и интересов членов общества;
- достижение посредством права минимального уровня неконструктивной социальной конфликтности при сохранении конкурентной социальной среды.

Социальная эффективность права представляет собой также его социальную востребованность, признанность и результативность в регламентации наиболее важных общественных процессов.

Таким образом, сущность социальной эффективности права состоит не только в его социальной полезности и достижении определенных социальных ре-

зультатов, но и в уменьшении неконструктивной социальной конфликтности, развитии созидательных начал, в обеспечении социально полезной самореализации личности в данном обществе. В этом плане социальная эффективность представляет собой важнейшую разновидность эффективности права.

## **§ 2. Методология исследования социальной эффективности права**

Отход от идей марксизма-ленинизма в сфере политико-правовых исследований неотъемлемо сопровождался существенным обновлением методологической базы таких исследований. Необходимость кардинального обновления методологии исследований в сфере права связана и с тем, что современное общество переходит в качественно новое состояние, которое предполагает иные характеристики права и правовой действительности.

В литературе справедливо отмечается, что, поскольку право является моментом, стороной общества, то оно должно изучаться именно как социальное явление, то есть с точки зрения того, что свойственно всем социальным феноменам. Другими словами, при анализе права нельзя ограничиваться лишь «юридическим методом», выработанным аналитическим правоведением, который состоит в догматической по своей сути квалификации юридически значимых ситуаций (соотнесение ее признаков с признаками нормы права, воспринимаемой в качестве бесспорной аксиомы – догмы). Необходим анализ действия права – его восприятия в правосознании и реализации в правопорядке<sup>1</sup>. Это особенно актуально в связи с предметом нашего исследования.

---

<sup>1</sup> Честнов И.Л. Теоретико-методологические основания взаимоотношения общества и права // Право и общество: от конфликта к консенсусу. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 18–19.

В советской науке социальная природа законодательства и связанных с ним правовых отношений, собственно как и обусловленность его эффективности социальными факторами, сомнений не вызывали. Однако вытекающее отсюда методологическое требование рассматривать юридические явления как момент общественно-экономической формации столкнулось с неожиданным конкурентом – не менее несомненным положением об относительной самостоятельности права<sup>1</sup>. Далее, социальность подхода к эффективности фактически подменялась его классовостью. Кроме того, преувеличивалась роль государственного принуждения в обеспечении эффективности права и его норм. Иными словами, социальность в праве фактически подменялась идеей классовой гегемонии. Поэтому социальной эффективностью права в таком случае можно было бы считать эффективную реализацию воли экономически господствующего класса. В этом плане Н. Г. Александров указывал, что «суть правового регулирования в том и состоит, чтобы подчинить волю субъектов воле господствующего класса, «возведенной в закон»<sup>2</sup>.

В исследовании социальной эффективности права необходимо, на мой взгляд, не допускать абсолютный социальный детерминизм регулирования поведения личности. Советская традиция привыкла помещать всю человеческую проблематику в область социального: за рамками общества человек рассматривался лишь как природное существо. Вне общества человека нет, остается лишь его тело и физиология. Такая философия не знает категории «духовное», произнося это слово, советские авторы обычно воспринимали его как синоним идеального, культурного, морально возвышенного и т.п.

Этот взгляд на мир проистекает из сложившегося опыта человеческого отчуждения: человек не имеет своей судьбы, он накрепко привязан к обществу, лишившему его индивидуальной судьбы и свободы. Поэтому всякое событие в человеческой жизни истолковывалось в философии как социальный факт, как выбор самого общества. Неудивительно, что личное несчастье всегда ставилось в вину

---

<sup>1</sup> Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гишинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 8.

<sup>2</sup> Александров Н.Г. Правовые и производственные отношения // Вопросы философии. 1957. № 1. С. 57.

российскому обществу или правительству. Не было ничего, что человек мог бы назвать своим, каждый акт его жизненной энергии нуждался в его общественной санкции. Человек понимал, что его нет нигде, потому что его воспринимают либо как члена коллектива (семьи, школы, партии, трудового коллектива предприятия) либо как функцию общественного организма (гражданина, клиента, пациента, контрагента и т.п.)<sup>1</sup>. Вот поэтому сегодня возрастает роль психологических и аксиологических методов в исследовании правовых явлений и поведения личности в правовой сфере.

Социальная роль права свелась бы к минимуму или даже нулю, если бы оно не было эффективно в своих конкретных проявлениях и в конкретных социальных ситуациях: при восстановлении нарушенных интересов, при наказании правонарушителя и его исправлении, при предупреждении нежелательных явлений и т.д. Естественно, социальная эффективность права включает и социальную эффективность его структурных элементов, в т.ч. норм, хотя и не сводится к сумме эффективности своих структурных элементов. В советской литературе справедливо отмечалось, что «эффективность правовых систем высшего уровня зависит от эффективности подсистем более низкого уровня. Однако это вовсе не значит, что эффективность права или какой-либо его отрасли равна простой совокупности эффективностей конкретных правовых норм и институтов»<sup>2</sup>. Аналогично нельзя утверждать, что каждая правовая норма сама по себе обладает выраженной и измеримой социальной эффективностью.

Вообще, не следует считать, что эффективность права (в том числе социальная) и его структурных элементов являются точно измеримыми и явными величинами. Норма всегда имеет и некую скрытую, невидимую эффективность благодаря своему психологическому влиянию на людей. Однако трудность измерения эффективности права не означает отказа от ее исследования и борьбы за ее повышение.

---

<sup>1</sup> *Пермяков Ю.Е.* Основания права. Самара: Универс-Групп, 2003. С. 69–70.

<sup>2</sup> Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гилинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 35.

Интерес представляет выделение в литературе так называемого символического эффекта, который можно было бы назвать символическим социальным эффектом. В частности, норвежский ученый Торнстейн Экхоф отмечает, что закон может иметь определенную латентную функцию. Если закон и не ведет к реальным изменениям, то он может удовлетворять определенные немаловажные потребности путем официального выражения некоторых идеалов. Такого рода действие закона автор называет «символическим» эффектом. По его мнению, издание заведомо бездействующих законов может иметь целью предотвращение конфликтов в определенных сферах. Одних удовлетворяет наличие закона как такового, других – его неэффективность<sup>1</sup>. Полагаю, что наличие символического социального эффекта должно не просто провозглашаться, но и стимулироваться. При этом круг выражаемых правом социальных идеалов должен быть предметом постоянного общественного обсуждения и общественной оценки.

На изучение эффективности права и выбор методологии такого исследования влияет то, что количественное увеличение массива нормативных актов, сопровождающееся его специализацией, приводит к фрагментации права. При этом, на мой взгляд, существенным методологическим принципом является то, что методология исследования эффективности права в целом и эффективности конкретных правовых норм существенно различается. Это касается и анализа социальной эффективности права и его конкретных норм.

По словам А. И. Гусейнова, довольно длительное время правоведение занималось простой регистрацией правовых событий, их анализом и частно-научным обобщением. Однако поиск онтологических оснований права требует отказа от привычных представлений и стремится понять право как явление, всегда выражающее требования определенного типа культуры<sup>1</sup>. При этом применительно к нашему исследованию, как представляется, необходимо: 1) «оторвать» эффективность права от представлений о ее предопределенности государством, его поли-

---

<sup>1</sup> Цит. по: Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гилинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 29.

<sup>1</sup> Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 14.

тикой и экономическим базисом, при этом признав определенное влияние этих факторов; 2) шире использовать методологию других общественных наук – социологии, культурологии, психологии.

В. Г. Графский в этом плане совершенно справедливо предлагает дополнить традиционную юриспруденцию социокультурным (междисциплинарным) подходом, во взаимосвязи с культурно-философским, социолингвистическим, литературно-художественным и эстетическим контекстом формирования и применения права, а также политическим и политико-информационным контекстами его существования и распространения<sup>1</sup>. Такой междисциплинарный подход вполне созвучен многоаспектности феномена социальной эффективности права.

Следует согласиться с высказанной в литературе оговоркой, что получившие широкое распространение исследования эффективности правовой нормы посредством соотнесения совместного воздействия правовых и неправовых факторов с результатами, достигнутыми при этом в сфере индивидуального поведения, будучи принципиально правильными, не могут быть абсолютизированы, поскольку не исчерпывают всей сложности проблемы<sup>2</sup>.

Еще более трудно вычленивать социальную эффективность именно права из социальной эффективности всех социальных регуляторов. Однако это не перечеркивает практическую применимость нашего исследования. Наука должна стремиться не к «распределению заслуг» каждого отдельного регулятора, а к повышению эффективности и полезности их воздействия.

Не менее важен и культурологический подход к изучению социальной эффективности права. Чтобы определить, каково содержание современного социального регулирования и как повысить его эффективность, важно знать те цели, оценки, ценности, которые человек кладет в основу своего поведения и связей в рамках общества. А это в свою очередь делает необходимым исследовать состояние и тенденции развития материальной и духовной культуры конкретного обще-

---

<sup>1</sup> *Графский В.Г.* Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. 2000. № 3. С. 61.

<sup>2</sup> Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гишинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 30.

ства в конкретный исторический период, из которой черпаются эти ценности, оценки, идеалы.

В силу того, что право является институтом, стороной общества, то оно должно изучаться именно как общественное явление, то есть с точки зрения того, что свойственно всем социальным феноменам. Другими словами, при исследовании права нельзя ограничиваться лишь «юридическим методом», выработанным аналитическим правоведением, который состоит в квалификации юридически значимых ситуаций. Необходим анализ действия права, его восприятия в правосознании и реализации в социальной жизни и ее сферах. Естественно, что такой анализ необходим и в исследовании социальных аспектов эффективности права.

Необходимым представляется осмысление феномена социальной эффективности права не только с конъюнктурных «государственных» позиций, но и с точки зрения философского анализа смысла, назначения права в соответствующем обществе в контексте удовлетворения им социальных интересов. Совершенно прав в этом плане А. В. Грибакин, отмечающий, что признание государства единственным источником права наглухо закрыло от глаз ученых важнейшую сторону жизнедеятельности людей – создание права как основательного притязания индивидов<sup>1</sup>.

Рядом отечественных авторов справедливо указывается на то, что «без четкого уяснения онтологической природы права, смысла и содержания понятия правовой реальности, знания основных форм бытия права невозможно понять феномен права в целом»<sup>2</sup>. В советской юридической науке при изучении эффективности норм права акцент делался на соответствие правовых предписаний объективным закономерностям социальной жизни, прежде всего экономической. Однако, уже тогда ряд авторов отмечали ограниченность данного подхода. Так, М. Д. Шаргородский указывал, что «изучение объективных закономерностей социальной жизни – это не только самая сложная, но и трудно познаваемая и при-

---

<sup>1</sup> Грибакин А.В. Введение в философию права. Екатеринбург: Изд-во УргЮА, 1999. С. 8.

<sup>2</sup> Философия права: учеб. / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 211.

знаваемая часть науки»<sup>1</sup>. Тем не менее, сама постановка вопроса о социальной обусловленности права представляется совершенно правильной и в контексте повышения его социальной эффективности, и в контексте ее изучения.

Перед нами также встает задача изучения мотивации, образа жизни в соответствующем обществе, групповых и корпоративных норм и интересов, их специфики в конкретном социальном контексте. Поэтому, существенная роль в этом плане должна принадлежать социологическим методам и исследованиям.

На научное и практическое значение социологических методов обращалось внимание еще в советской литературе. А. С. Пашков и Д. М. Чечот отмечали роль конкретно-социологических исследований как средства выявления эффективности правового регулирования<sup>2</sup>. В контексте данного исследования следует согласиться с В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком в том, что именно социология «изучает право в действительности, она отбивает охоту к сакрализации законодательной власти, когда ключ к решению социальных проблем усматривают лишь в артикуляции народной воли. Эта наука вбирает в свой предмет как процесс формирования правовых норм, так и процесс их реализации»<sup>3</sup>.

Причем, по справедливому замечанию Ю. Е. Пермякова, не будучи связанной собственно юридическими определениями и оценками с позиций действующего законодательства, социология исследует обусловленность правовых норм в широком диапазоне, по причине чего в сфере ее интересов оказываются самые разнообразные факторы, определяющие правовое поведение индивидов и эффективность правовых норм. Поскольку же социальный механизм реализации права включает в себя свойства самого правоприменителя – его ценностные ориентации, правовые знания, представления о справедливости, притязания и т.д. – современное правоведение, констатируя наличие правовых субкультур (национальных, религиозных, профессиональных, возрастных, региональных, криминальных

---

<sup>1</sup> Шаргородский М.Д. Право и объективные законы общественной жизни (к дискуссии об объективном и субъективном праве) // Правоведение. 1972. № 5. С. 97.

<sup>2</sup> Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 9.

<sup>3</sup> Кудрявцев В.Н., Казимирчук В.П. Современная социология права. М.: Юрист, 1995. С. 9.



и т.д.) по сути дела отказывается от оценки санкционированных государством норм в качестве единственного и определяющего фактора правового поведения<sup>1</sup>. В таком случае мы должны отказаться и от представлений о формальном качестве норм права как главном факторе их социальной эффективности.

Проблема социальной и иной эффективности права должна исследоваться в контексте социального регулирования в целом, в том числе в его историческом аспекте. Необходимо провести четкое разграничение самой сущности права и его исторических осуществлений. Все это, несомненно, должно учитываться при изучении эффективности права и его социальных аспектов.

В отношении конкретных методов исследования эффективности правовых предписаний в советской науке указывалось, что «подлинно научная методика изучения общественных процессов базируется на марксистско-ленинской методологии. Не является в этом отношении исключением и методика исследования эффективности правовых норм»<sup>2</sup>.

И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров отмечали, что к основам методики изучения эффективности правовых норм относятся: 1) разработка гипотезы о результатах действия конкретной нормы права и о тех факторах, которые также влияют на этот результат; 2) выявление социальной цели исследуемой правовой нормы и результата ее действия; 3) перевод теоретических понятий и категорий, характеризующих цель, результат и другие компоненты действия нормы права, в форму, позволяющую их наблюдать и измерять; 4) измерение соотношения цели и результата действия нормы права (определение ее эффективности); 5) содержательное истолкование результатов исследования и выработка рекомендаций по совершенствованию правотворческой или правоприменительной деятельности. Цель правовой нормы (т.е. планируемое состояние регулируемых ею общественных отношений), по их мнению, является эталоном оценки ее эффективности. Ведь именно в цели нормы аккумулируются социальные интересы,

---

<sup>1</sup> Пермяков Ю.Е. Указ. соч. С. 22.

<sup>2</sup> Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 70.

соответствие нормы общественным потребностям, ее связи с другими нормами права<sup>1</sup>.

Признавая то ценное, что было разработано в отечественной науке советского периода, необходимо сделать некоторые оговорки, связанные отнюдь не только с отказом от апологетики марксистской теории. Прежде всего, следует учитывать разноплановость социальных целей как с позиции их измеримости, так в контексте их достижимости. Кроме того, социальные цели права в целом и отдельной нормы не совпадают, а принципиально различаются, что тоже необходимо иметь в виду.

В советской науке также отмечалось, что эффективность крупных систем правовых установлений, а тем более эффективность права в целом, в отличие от эффективности правовых норм и их систем низкого уровня, не может быть измерена простыми эмпирическими методами. Их эффективность, проявляющаяся как общая тенденция в массе отдельных отклонений, определяется лишь качественно на основе анализа общественно-исторической практики<sup>2</sup>. Данное положение верно и для социального измерения эффективности права. Обобщение юридической и иной социальной практики имеет серьезное значение для исследования и хотя бы приблизительного измерения социальной эффективности права.

Для исследования социальной эффективности права методологически интересным представляется разделение целей права на виды для более избирательного анализа степени их достижения в конкретный период. Так, заслуживает внимания деление целей права на материальные и юридические. Материальные цели касаются общественных отношений в неправовой области. Эти цели могут иметь экономический, политический, идеологический и другой характер. Вместе с тем во всей сумме целей, лежащих в основе правовых предписаний, следует выделить цели, где ближайшим объектом будет само право, особенно его неуклонное исполнение и соблюдение. Такие цели, в отличие от материальных, мы и называем

---

<sup>1</sup> Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 73.

<sup>2</sup> Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гилинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 35.

юридическими. Главная юридическая цель – обеспечение исполнения требований права (охрана законности). Думается, что было бы целесообразно назвать материальные цели социальными, поскольку направлены они на достижение именно общественных изменений.

По мнению ряда советских ученых, нет норм права, имеющих только юридические цели. Юридические цели всегда лишь одно из самых низших звеньев в той цепи непосредственных целей, которым служат данные нормы и институты. В дальнейшем они переходят в другие, материальные цели. Но выделить такие цели, условно именуемые юридическими, все же надо, поскольку изучение эффективности права с точки зрения таких целей имеет некоторые особенности<sup>1</sup>. То же можно сказать и о праве в целом, оно отнюдь не имеет только юридические цели, т.е. неуклонное соблюдение и исполнение правовых предписаний всеми субъектами права.

Естественно, что укрепление в обществе законности и правопорядка, обеспечение высокого технического уровня законодательства и юридической практики – не самоцель, а в конечном счете средство достижения более отдаленных, перспективных социальных целей.

На первый взгляд может показаться, что важность выделения юридических целей, особенно цели достижения неуклонного соблюдения и исполнения правовых предписаний, в свете проблемы изучения эффективности действующего законодательства состоит в том, что эффективность норм права, служащих таким целям, должна определяться исходя из их юридических, а не неких более отдаленных материальных целей. Однако если мы говорим об эффективности права в целом, то гораздо более важное значение приобретает достижение именно социальных целей, хотя режим законности как неуклонное соблюдение и исполнение правовых предписаний субъектами права тоже является не только юридической, но и социальной целью, поскольку характеризует состояние общественных отношений. И в этом состоит еще один специфический момент, характеризующий

---

<sup>1</sup> Там же. С. 37.

именно социальное измерение эффективности права и его социальную эффективность.

Вообще, если правомерность поведения сама по себе не свидетельствует о социальной эффективности соответствующих норм, то применительно к юридическим целям правомерность поведения, законность, высокий юридико-технический уровень законодательства, упорядоченность его и тому подобные результаты говорят об эффективности соответствующих правовых требований. На мой взгляд, применительно к социальной эффективности права, режим законности можно рассматривать лишь как один из многих ее показателей, а, возможно, и факторов.

Следует учитывать, что существуют нормы права, а тем более нормативные акты, которые могут быть направлены на достижение не одной, а нескольких целей одновременно, в том числе социальных. Очевидно, что эффективность таких норм или нормативных актов может определяться применительно ко всем этим целям с выделением, возможно, главных и второстепенных целей, перспективных и непосредственных и т.п. Естественно, что эффективность соответствующих правовых норм должна быть определена применительно ко всем указанным целям отдельно. При этом правовые нормы, оказавшиеся высокоэффективными применительно к одним целям, в том числе социальным, могут оказаться малоэффективными в отношении других.

Если же мы говорим о праве в целом, то его эффективность, особенно в своих социальных аспектах, должна исследоваться не только с позиций достижения тех или иных социальных целей, но и в контексте социальной конструктивности, гармонизации общественной жизни, социального и этнического согласия, стимулирования социально полезной активности.

В отечественной литературе традиционно считалось, что предметом воздействия права как специфического инструмента управления являются волевые общественные отношения. Главное место в правовом регулировании занимают регламентация поведения участников общественных отношений, определение содержания их субъективных прав и юридических обязанностей, а также правовых

последствий неисполнения обязанностей или неправильного использования прав. Однако в целом урегулированные правом общественные отношения находят свое воплощение, выражение не только в поведении их участников. Олицетворением общественных отношений служат также субъекты этих отношений как их носители, интересы общества и признаваемые государством интересы субъектов; предоставляемые государством ради удовлетворения этих интересов права субъектов, лежащие в основе этих интересов материальные, политические, моральные и иные ценности и блага.

Из сказанного следует, что результаты действия права как регулятора общественных отношений выражаются не только в поведении их участников. Такими результатами могут быть: 1) общий порядок, структура и состояние определенных общественных отношений; 2) чисто материальные объекты, создаваемые в процессе урегулирования правом деятельности людей и их коллективов; 3) состояние (изменение состояния) ценностей и благ, лежащих в основе охраняемых (допускаемых) правом интересов общества, коллектива, личности; 4) уровень законности в той или иной сфере общественной жизни и многие другие явления и процессы. Наконец, важны не только результаты, которые зачастую не могут быть измерены, но и социальные процессы: конструктивное разрешение конфликтов, гармоничное взаимодействие различных социальных регуляторов, эффективное межэтническое и межгрупповое взаимодействие.

Право в качестве регулятора социальной жизни действует на нее через сознание и волю людей и может регулировать общественные отношения лишь благодаря тому, что их субъекты обладают относительной свободой выбора поведения. Однако объектом правового регулирования являются не мысли, воля человека, а прежде всего его социально значимые действия.

Напротив, объектом воздействия права как ценностной, идеологической силы служит сознание людей, и результаты действия права в качестве орудия воспитания локализуются именно в сфере индивидуального, группового, общественного сознания (мировоззрения, идеологии, психологии и т.д.). И, хотя, в конечном счете о реальных помыслах и чувствах реальных личностей можно судить лишь

по их действиям, хотя иного объективного мерила намерений лица, помимо содержания действия и его формы, нет, здесь содержание, характер, форма поведения (индивидуального, группового, общественного) выступают как проявление результатов воспитательного воздействия права, а не как сами эти результаты<sup>1</sup>.

Подобное разграничение не может не учитываться при исследовании эффективности права, правового воздействия, в том числе эффективности социальной. Следует различать социальную эффективность права в ее различных проявлениях и представления членов общества о социальной эффективности права, основанные на неких субъективных критериях. Но в то же время вряд ли можно говорить о социальной эффективности права конкретного государства в конкретный исторический период, если в массовом сознании оно считается социально неэффективным.

Нужно также иметь в виду, что исследование эффектов правового регулирования нельзя сводить лишь к проблеме достижения, полного или частичного, или недостижения с помощью правовых средств того или иного предполагаемого результата. Действие конкретной правовой нормы в совокупности с действием других правовых норм и иных факторов может привести (и нередко приводит) к непредвиденному (побочному) результату, возможность наступления которого не была учтена правотворческим органом. Подобный непредвиденный результат может быть и положительным, и отрицательным, в том числе с позиций своего социального значения. Аналогичные непредвиденные положительные или социально вредные результаты нередки, что важно при оценке социальной эффективности права в целом.

При исследовании социальных аспектов эффективности права необходимо четко определить, какие социальные результаты вообще подлежат измерению, а состояние каких процессов – постоянному мониторингу и общественному обсуждению и контролю. Изучению должно подвергаться и сочетание регулирования и саморегулирования, что предполагает необходимость использования методов си-

---

<sup>1</sup> Там же. С. 43.

нергетики, а также анализа состояния и динамики социальных процессов и институтов.

Итак, социальное измерение эффективности права и его отдельных предписаний требует новых методологических подходов. Они связаны с изучением микросоциальных, корпоративных и этнических аспектов данной проблемы, преодолением экономического детерминизма в объяснении правовых явлений. Изучение социальных аспектов эффективности права неотделимо от анализа социальных процессов, менталитета, исследования функционирования институтов гражданского общества, оценки социального содержания тех целей, которые поставлены государством на данном этапе исторического развития. Наконец, необходимо исследовать социальную эффективность права во взаимосвязи с государственной идеологией и социальной психологией, потребностями общества и личности. Это предоставит возможности для определения и реализации конкретных мер идеологического и социально-воспитательного характера, направленных на повышение социальной эффективности права.

## ГЛАВА 2. ВИДЫ И ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

### § 1. Классификация видов социальной эффективности права

Перейдем к выделению и анализу классификаций видов социальной эффективности права. На наш взгляд, в основу классификации следует положить соответствующие аспекты социальной эффективности.

Предварительно представляется необходимым кратко рассмотреть имевшиеся в отечественной науке классификации эффективности норм права. Выше нами уже отмечалось, что в отечественной юридической науке эффективность норм права подразделялась на юридическую и социальную. Кроме того, обсуждению подверглась проблема отрицательной эффективности правовых норм. При этом юридическая и социальная эффективность норм права рассматривались иногда как уровни эффективности. В частности, указывалось, что следует различать два уровня эффективности: а) юридическую эффективность правовой нормы, характеризующую соответствием поведения адресатов правовой нормы с требуемым поведением, указанным в норме; б) социальную эффективность правовой нормы, эталоном оценки которой является, как правило, не само поведение ее адресатов, а более отдаленная социальная цель, находящаяся вне непосредственной сферы правового регулирования<sup>1</sup>.

Для нашего исследования представляет интерес проведенная С. А. Жинкиным классификация видов эффективности права в целом как социально-духовного регулятора. Виды эффективности права как регулятора и одной из

---

<sup>1</sup> Там же. С. 49.



форм духовного существования человечества, по его мнению, можно различать, во-первых, в соответствии с тем смыслом, в котором употребляется само понятие права:

1. Эффективность права как духовно-культурного феномена и регулятора (духовно-культурная эффективность). В данном случае имеется в виду реализация, осуществление роли и назначения права в конкретном социальном и культурно-историческом контексте.

2. Ценностная (аксиологическая) эффективность. Здесь им имеются в виду адекватное и полное отражение и защита правом основополагающих духовно-культурных, социальных, национальных, корпоративных и иных ценностей, идеалов.

3. Эффективность права как системы норм, предписаний государства. Такая эффективность может рассматриваться в соответствии с господствующей в отечественной науке причинно-целевой концепцией эффективности норм права. Тогда и эффективность права в целом определяется как соотношение целей, которые ставит перед правом государство, и степени реального достижения правом (позитивным правом, законодательством) этих целей, т.е. полученных результатов. Этими целями могут быть формирование правового государства, демократизация общественной жизни, снижение уровня социальной конфликтности, и т.д.

4. Социальная эффективность права, т.е. эффективность права как средства удовлетворения социальных интересов, социального регулятора, инструмента установления определенного социального порядка. Она, по мнению С. А. Жинкина, определяется тем, насколько успешно (эффективно) право отражает социальные интересы, потребности общественного развития, насколько успешно право регламентирует социальные процессы – построение социальной иерархии и обеспечение социальной справедливости, разрешение социальных конфликтов и др.

5. Политическая эффективность права, т.е. эффективность права как инструмента проведения государственной политики, средства достижения стоящих перед государством задач. Она заключается в способности права решать политические задачи, связанные с функционированием политической системы и ее ин-

ституты. Уровень этой эффективности зависит, прежде всего, от того, какую роль играет право в конкретной политической системе, насколько реально оно является нормативной основой политической системы. К решаемым политическим задачам могут быть отнесены, например, политическое рекрутирование, обеспечение авторитета и функционирования государственной власти, юридическая охрана сложившихся политических традиций и т.д.

6. Поведенческая эффективность, т.е. эффективность права как регулятора социально значимой активности человека, его социального поведения. Право в этом случае считается эффективным, если максимально способствует положительной правовой активности, а также максимально препятствует антиобщественному поведению. Недаром в литературе иногда говорится об «определении меры социальной активности посредством юридической нормы»<sup>1</sup>. Важнейшим показателем эффективности права в данном контексте будет то, насколько оно обеспечивает социально адекватную самореализацию индивида.

7. Психологическая эффективность права, т.е. значимость и признанность права во внутреннем мире личности, личностная преданность праву и его принципам, солидарность с правом. «Психологическая эффективность права в общественном масштабе подразумевает признание права массовым сознанием, психологическую готовность людей обратиться именно к праву для решения своих жизненных проблем. Она определяется и тем, какие эмоции испытывают граждане, обращаясь именно к праву и его системе средств, в какой мере они испытывают психологическое удовлетворение от такого обращения и его результатов»<sup>2</sup>.

Очевидно, что любой вид эффективности связан либо с общественной практикой, либо с общественным сознанием, то есть в той или иной мере является социальным, социально ориентированным, социально обусловленным. Думается, что «социальность» просто «пронизывает» сами феномены эффективности права

---

<sup>1</sup> Закомлистов А.Ф. Юридическая философия. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 340.

<sup>2</sup> См.: Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 121–123; Жинкин С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 136–137.

и эффективности правовых предписаний, поскольку такая эффективность просто немыслима вне общества, его развития, что, однако, совершенно не мешает выделению собственно социальной эффективности права как самостоятельной разновидности эффективности.

С. А. Жинкин также отмечает, что эффективность права как социально-духовного регулятора выражается через реализацию его социального назначения, т.е. через успешное осуществление его функций. Поэтому целесообразно выделять регулятивную эффективность права, охранительную эффективность права, воспитательную эффективность права, ценностную эффективность<sup>1</sup>. Регулятивная эффективность понимается при этом как успешное регулирование правом общественной жизни, в том числе в условиях ее развития. Охранительная же эффективность права – это действенное предотвращение правом социально вредного поведения, эффективное назначение и исполнение наказаний, достижение целей карательной политики. Воспитательная эффективность представляет собой эффективное действие права по формированию личности, по развитию у человека основ общей и правовой культуры, юридического мышления.

Думается, что эти виды можно рассматривать и как разновидности социальной эффективности права, поскольку речь идет об общественных отношениях, о социально значимом поведении.

Итак, эффективность права как социально-духовного регулятора включает целый ряд аспектов и соответственно может быть различных видов, иметь различное содержательное наполнение. Представляется, что и социальная эффективность права тоже представляет собой весьма неоднозначный феномен.

Итак, попытаемся выделить виды социальной эффективности права. Прежде всего, можно выделить этносоциальную эффективность. Она будет означать гармоничное сосуществование различных этнических групп в рамках данного правопорядка на основе норм действующего права.

---

<sup>1</sup> Жинкин С.А. Указ. соч. С. 20.

Другой разновидностью социальной эффективности следует считать аксиологическую (ценностную). В данном случае имеется в виду эффективное выражение и защита действующим правом существующих в обществе ценностей.

Еще одну разновидность социальной эффективности права можно связать с результативным удовлетворением посредством права потребностей и интересов индивидов и социальных групп.

Разновидностью социальной эффективности права может выступать и социально-психологическая. Она выражается в признании права в общественном сознании и сознании конкретной личности, в психологическом принятии его как справедливого и действенного регулятора общественных отношений. Вера, по справедливому замечанию И. А. Исаева, – первое основание для человеческого восприятия закона, для формирования правового сознания. Человек должен верить, что закон справедлив, и тогда закон действует, сомнение в его истинности ведет к его краху, тогда он гласит, но не работает<sup>1</sup>. Это положение, как представляется, вполне применимо к выделению социально-психологической эффективности права, ее сущности.

Одной из классификаций видов социальной эффективности права можно считать разграничение социально-регулятивной, социально-охранительной, социально-воспитательной эффективности. В первом случае мы говорим об эффективном регулировании социальных процессов, общественных отношений, во втором, об их эффективной охране, в третьем – об эффективном воспитании членов общества посредством права и иных элементов правовой системы.

Отдельной проблемой классификации видов социальной эффективности является проблема «отрицательной» социальной эффективности права. В литературе советского периода данный вопрос подвергся обсуждению применительно к эффективности конкретных правовых норм. Так, по мнению авторов монографии «Эффективность правовых норм», действие норм может иметь и отрицательную эффективность, быть антиэффективным, т.е. таким, которое лишь отдаляет нас от

---

<sup>1</sup> Исаев И.А. Господство: Очерки политической философии. М.: Норма, 2008. С. 219–220.

достижения намеченной цели<sup>1</sup>. В. А. Козлов писал, что отрицательная эффективность есть отсутствие эффективности<sup>2</sup>. С. А. Шлыков, напротив, подчеркивал, что эффективность ни при каких условиях не может характеризоваться как отрицательная<sup>3</sup>. Ю. Х. Калмыков в этом плане отмечал, что «в понятие «эффективность права» не следует включать всех последствий действия правовой нормы; нельзя, в частности, относить к ним отрицательные последствия действия правового предписания. Понятие «эффективность» должно использоваться для обозначения только положительного влияния нормы права, ее результативности»<sup>4</sup>.

Социально неэффективными, по мнению ряда советских авторов, следует признать те правовые предписания, действие которых в плане приближения к заданной цели равно нулю, которые хотя и «работали» (юридическая эффективность), но практически, как это выяснилось при проверке, работали вхолостую, нерезультативно. Сюда относятся и те нормы, социальная цель которых в реальной жизни была в той или иной мере достигнута, однако не за счет действия права, а под влиянием каких-либо иных факторов (т.е. когда между полученным желаемым результатом и действием соответствующих правовых норм отсутствует причинно-следственная связь)<sup>5</sup>.

Проблематика отрицательных побочных эффектов затрагивалась в литературе применительно к правовым льготам. Так, И. С. Морозова указывала, что кажущиеся на первый взгляд эффективными льготы порой приводят к отрицательным побочным эффектам, которые могут возникнуть в силу изменения условий, в которых действует данный закон, отсутствия должного механизма его реализа-

---

<sup>1</sup> См. Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гилинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 54.

<sup>2</sup> Козлов В.А. К вопросу о понятии эффективности права // Вестник ЛГУ. 1972. № 5. С. 109.

<sup>3</sup> Шлыков С.А. О содержании понятия эффективности правовых норм // Проблемы совершенствования советского законодательства. М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1977. № 8. С. 20.

<sup>4</sup> Калмыков Ю.Х. О повышении эффективности норм гражданского законодательства // Правоведение. 1973. № 2. С. 41.

<sup>5</sup> Эффективность действия правовых норм. С. 54.

ции, влияния иных правовых и неправовых факторов объективного и субъективного характера<sup>1</sup>.

В этом плане ключевой представляется проблема «взвешивания», заключающаяся в сравнении положительного результата с отрицательным, непредвиденным. И одновременно не любой отрицательный результат действия правовой нормы является обязательно непредвиденным. Может иметь место случай, когда законодатель сознательно идет на наступление такого отрицательного результата, так как по-иному не представляется возможным достичь желаемой цели. Такое сравнение вполне может применяться и при оценке социальной эффективности права и его отраслей в конкретном государстве в конкретный исторический период.

При этом хотелось бы уточнить, что в правовой системе существуют не только недостаточно эффективные, но и полностью неэффективные правовые предписания. В последнем случае речь идет о тех нормах, которые либо совсем не применяются, либо применяются чрезвычайно редко. В то же время регулирующее воздействие норм права может проявляться не только при их применении, некоторые из них рассчитаны прежде всего на общую превенцию и могут признаваться эффективными независимо от частоты применения. Но если правовое предписание, предназначенное для применения к конкретным общественным отношениям, не реализуется в деятельности правоприменительных органов, признать его достаточно эффективным нельзя. В этой связи представляется необходимым в дальнейшем уточнить сами понятия недостаточной эффективности и полной неэффективности, в том числе в социальном контексте.

Итак, как можно охарактеризовать отрицательную социальную эффективность права в целом? Естественно, речь идет о действующем праве конкретного государства в конкретный исторический период, а не о праве вообще. В этом случае следует говорить о том, что принципы права, правового регулирования начинают идти вразрез с общими тенденциями развития общества, его потребностями.

---

<sup>1</sup> *Морозова И.С.* Льготы в российском праве: проблемы эффективности // Правоведение. 2001. № 4. С. 41.

Отрицательная социальная эффективность может выражаться в росте социального насилия и социальной конфликтности, увеличении напряжения в отношениях между социальными, в т.ч. этническими группами. Отрицательная эффективность может проявляться и в снижении показателей экономического развития общества, уменьшении социальной мобильности и солидарности, уменьшении количества общественных объединений и социально значимых общих мероприятий.

Представляется, что отрицательная социальная эффективность законодательства может вытекать из его социальной неадекватности, его несоответствия социальной структуре общества, его развитию, социальным потребностям. Отрицательная социальная эффективность, на мой взгляд, является результатом прежде всего устаревшего, нерационального либо несправедливого правового регулирования общественных отношений.

Продолжим классифицировать разновидности социальной эффективности права. Представляется целесообразным выделить социальную эффективность права в узком смысле и социальную эффективность права в широком смысле (данный вопрос уже затрагивался применительно к определению социальной эффективности права). Итак, социальная эффективность в узком смысле – это достижение посредством правового воздействия социальных целей, достижение социально значимых позитивных результатов с помощью правовых средств, закрепленных в законодательстве. В широком смысле – это обеспечение посредством права социально полезного и гармоничного существования личности, социальных, в т.ч. этнических групп, в том числе обеспечение гармоничного взаимодействия личности, социальных общностей и общества в рамках данного правопорядка, успешная реализация социально полезной активности при минимизации неконструктивной общественной конфликтности.

Итак, поскольку социальная эффективность права и его норм имеет различные формы выражения, в том числе: социальную востребованность законодательства, его общественное признание, успешное функционирование социальных институтов, гармоничное существование личности в социальной среде и удовлетворение ее потребностей, снижение уровня социальной конфликтности и повыше-

ние социальной мобильности и динамичности и т.д., то для более полного, акцентированного исследования этих форм существует необходимость выделения вышеперечисленных разновидностей социальной эффективности права. Это позволит более целенаправленно и избирательно определять регламентацию социальной жизни и ее различных сторон.

## **§ 2. Факторы и критерии социальной эффективности права**

На уровень социальной эффективности права влияет целый ряд факторов, соотношение которых зависит от конкретных исторических условий, в которых находятся общество, правовая система, государство.

Рассмотрение факторов социальной эффективности права представляется необходимым начать в контексте эффективности социального регулирования в целом. Как известно, в социальной жизни каждого общества имеется целый ряд регуляторов, действующих параллельно и во взаимодействии с правом, вынуждающих людей соблюдать различные, в том числе правовые требования. Это происходит потому, что указанные регуляторы (и прежде всего экономические) находятся в единстве с правом, преследуют общие социальные цели. Право «в качестве системы норм выступает единственным специфическим регулятором только в особом случае, при наличии определенного конфликта, противоречия, только тогда, когда иные регуляторы не в состоянии обеспечить достижение всеобщего интереса. И тогда оно принуждает к поведению, соответствующему данному интересу»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гилинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. С. 25.



В связи с этим, общность, гармоничность с другими социальными регуляторами выступает важным фактором эффективности правового регулирования в целом и социальной эффективности права в частности.

Исследуя факторы социальной эффективности права нужно иметь в виду, что механизмы социальной детерминации поведения людей можно познать как при исследовании воздействия на личность социальной среды, микросреды, коллективов, при анализе связи общественных отношений со структурой личности, так и посредством выделения в самой личности общественно значимых свойств, при рассмотрении личности как элемента конкретных социальных структур, совокупности социальных функций и социальных ролей, исследования ценностной ориентации личности.

В этом плане хотелось бы оговориться, что воздействие социальных норм на поведение личности может быть неоднозначным и даже противоречивым, прежде всего потому, что различные социальные нормы принадлежат разным общностям (всему человечеству, социальным группам, коллективам), которые не всегда находятся в гармоничном соответствии между собой. Между тем конкретный индивид, как правило, одновременно более или менее активно входит во все эти общности или, по крайней мере, во многие из них: он гражданин государства, член производственного коллектива, член семьи, участвует в деятельности общественных объединений и т.д. Разнообразие и порой противоположность требований, предъявляемых к разным социальным ролям, могут явиться источником конфликтов, трудностей, а подчас и социальных отклонений, которые могут негативно влиять на социальную эффективность права.

Еще одна оговорка состоит в том, что в общественной системе в силу противоречивости ее развития и неоднородности структуры всегда имеются определенные сферы, группы людей и отдельные индивиды, в отношении которых неправовые социальные нормы оказываются малоэффективными и потому позитивное право всегда оказывается необходимым. Все это ставит на повестку дня проблему групповой и этнической дифференциации социальной эффективности права и его требований.

Исследование факторов именно социальной эффективности права необходимо предварить рассмотрением факторов эффективности права вообще, а не только в ее социальном аспекте. В этом плане было бы весьма полезно хотя бы кратко проанализировать те теоретические выводы и практические рекомендации, которые были сделаны по этой проблеме отечественной наукой.

В литературе советского периода указывалось, что основной концепцией, которая определяет подход к проблеме общественного действия права, является рассмотрение самого механизма регулирования как многофакторной системы, на функционирование которой влияет целый ряд условий. Не уравнивая и не нивелируя сами факторы, следует строго их классифицировать, выделив внутри них прежде всего основные и второстепенные, определяющие и дополнительные, объективные и субъективные, материальные и духовные, идеологические и социально-психологические и т.д.<sup>1</sup>.

Следует отметить, что советские ученые фактически не разграничивали факторы эффективности права и факторы эффективности норм права, в т.ч. факторы социальные. Это закономерно вытекало из самого понимания права как системы общеобязательных норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью применения государственного принуждения.

В советской юридической науке эффективность правовых норм (а именно к системе норм государства право, собственно, и сводилось) приоритетно связывалась с экономическим фактором, а также с политикой государства и классовой дифференциацией. Так, Л. С. Явич указывал, что «эффективность правового воздействия на общественные отношения в значительной (если не решающей) степени зависит от своевременного приведения права в соответствие с новыми потребностями экономического развития»<sup>2</sup>. Степень действенности системы права он ставил в зависимость от ее соответствия объективно сложившейся системе произ-

---

<sup>1</sup> Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права // Сов. ГиП. 1970. № 10. С. 38.

<sup>2</sup> Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. С. 32–33.

водственных отношений на данном этапе ее зрелости и развития<sup>1</sup>. Помимо этого, по его мнению, «действенность правового регулирования общественных отношений зависит от характера политики, выраженной в законах, классовой структуры общества и от того, насколько реально политика государства обеспечивает фактическое осуществление юридических норм»<sup>2</sup>. И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров указывали, что основными и общими условиями, определяющими эффективность правового регулирования, являются экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества, соответствие правовых предписаний требованиям морали и уровню правосознания, учет общих принципов управления. Важнейшим условием эффективности правовых норм они также считали опосредствование в правовых предписаниях требований социально-экономических и политических закономерностей социализма<sup>3</sup>.

На отражение закономерностей социального строя как условие эффективности права и правовых норм акцентировали внимание и другие авторы. Так, Д. А. Керимов писал, что эффективность действия права зависит прежде всего от того, насколько оно точно и полно отражает и правильно предусматривает реализацию объективных возможностей в соответствии с познанными закономерностями общественного развития<sup>4</sup>.

В качестве других важных условий эффективности норм права В. И. Никитинский называл учет общих принципов регулирования и управления в процессе нормотворческой деятельности; соблюдение в процессе нормотворчества правил законодательной техники; информированность адресатов о содержании правовых предписаний; режим законности<sup>5</sup>.

Знание законодательства гражданами как обязательное условие его эффективности упоминали и другие авторы. Так, А. И. Экимов писал, что цели право-

---

<sup>1</sup> Явич Л.С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. С. 27.

<sup>2</sup> Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. С. 35.

<sup>3</sup> Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 72.

<sup>4</sup> Керимов Д.А. Категория цели в советском праве // Правоведение. 1964. № 3. С. 31.

<sup>5</sup> Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 34.

вых норм могут быть достигнуты лишь в том случае, если содержание правовых предписаний поступает к адресатам. При незнании закона, по его мнению, бессмысленно говорить и о каком-либо побудительном его воздействии<sup>1</sup>. На режим законности и информированность адресатов о требованиях норм права как на факторы эффективности правовых норм вообще неоднократно указывалось в отечественной литературе. Например, режим законности как фактор эффективности правовых норм рассматривал и Ю. Х. Калмыков<sup>2</sup>.

На наш взгляд, данная позиция нуждается в некотором разъяснении и уточнении. Прежде всего, далеко не бесспорным представляется положение об информированности адресатов о содержании правовых предписаний как значимом условии их эффективности. Тогда наиболее эффективными следует считать нормы, которые известны наиболее широко, например, нормы Конституции РФ, Уголовного Кодекса РФ, Правил дорожного движения, и, напротив, нормы малоизвестные должны отличаться весьма низкой степенью эффективности. В данном случае упускается из виду тот факт, что субъект права, и не ознакомившись с содержанием соответствующих предписаний, имеет представление об общем порядке социальной жизни, о том, какое поведение социально полезно, социально допустимо либо обладает общественной вредностью.

С другой стороны, ознакомление с конкретными правовыми нормами иногда специально осуществляется с целью нахождения путей их сравнительно безболезненного нарушения, а знание о сравнительно небольшом наказании за те или иные правонарушения может сыграть даже провоцирующую роль в несоблюдении и неисполнении соответствующих норм. Кроме того, в современных условиях поистине колоссального массива нормативно-правовых актов, действующих в государстве, становится невозможным ознакомление даже с небольшой их частью.

---

<sup>1</sup> Экимов А.И. Побудительное воздействие правовых целей // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. 1969. № 11. Вып. 2. С. 101.

<sup>2</sup> Калмыков Ю.Х. О повышении эффективности норм гражданского законодательства // Правоведение. 1973. № 2. С. 41.

Поэтому полагаем, что важно не столько познание содержания правовых предписаний, сколько направленность такого познания, его цели, психические установки личности. В этом плане в зависимости от цели можно говорить о позитивном и негативном правовом познании, правомерно и неправомерно направленном.

Продолжим анализ имевшихся в отечественной науке точек зрения на факторы эффективности права и его норм. Известный исследователь проблем эффективности В. И. Никитинский к факторам эффективности норм права относил:

- опосредствование в правовых нормах требований социально-экономических и политических закономерностей социализма;
- учет общих принципов регулирования и управления в процессе нормотворческой деятельности;
- соблюдение в процессе нормотворчества правил законодательной техники;
- информированность адресатов о содержании правовых предписаний;
- режим законности<sup>1</sup>;

Большую роль в разработке проблемы факторов эффективности правового регулирования сыграли труды Л. С. Явича. Эффективность правового регулирования, по его, хотя и не бесспорному мнению, зависит от целого ряда обстоятельств, среди которых экономические, а на их основе и политические факторы играют первостепенную роль. Важнейшее значение для успешного правового регулирования общественных отношений, по мнению Л. С. Явича, имеет характер действующих при социализме экономических законов. Кроме того, эффективность правового воздействия на общественные отношения в значительной (если не решающей) степени зависит от своевременного приведения права в соответствие с новыми потребностями экономического развития<sup>2</sup>.

В исследовании данной проблематики и в определенной мере ее социального аспекта большая заслуга принадлежит и В. П. Казимирчуку, который считал

---

<sup>1</sup> См., напр.: *Никитинский В.И.* Указ. соч. С. 102.

<sup>2</sup> *Явич Л.С.* Указ. соч. С. 30, 32–33.

существенным элементом, обеспечивающим действие социального механизма права, направление поведения путем постановки в законах и иных правовых актах социально полезной цели. В этом, по его мнению, выражается целевая функция права. По мнению В. П. Казимирчука, действенность правового регулирования зависит от разнообразия применяемых приемов, умелого учета социальных ценностей, гибкого и дифференцированного подхода к методу регулирования в зависимости от природы отношения<sup>1</sup>.

Как видим, уже в советской науке обращалось внимание на некоторые социальные факторы эффективности права и его предписаний, хотя факторы собственно социальной эффективности права исследованию не подвергались.

Е. П. Шикин соотносил эффективность норм права с правильным выбором объектов правового регулирования, с точным и правильным учетом предельных возможностей права, его «мощности», с обеспеченностью всеми необходимыми средствами для воздействия на объект, с выполнимостью требований правовых предписаний<sup>2</sup>. Хотелось бы заметить в этой связи, что важным фактором и социальной эффективности права представляется наличие социальных возможностей для соблюдения и исполнения правовых требований, обеспеченность права соответствующими социальными средствами и механизмами своей успешной реализации.

С. Ю. Марочкин в свое время высказал весьма интересное предложение разделить условия эффективности норм права на социальные и сугубо юридические. К числу первых он относил, к примеру, необходимость соответствия норм объективным закономерностям развития. Юридическими условиями он считал требования к нормотворческой технике, гарантированность, соответствие метода воздействия регулируемым отношениям и т.д.<sup>3</sup>. Думается, что соответствие действующего в государстве права закономерностям и потребностям развития соот-

---

<sup>1</sup> Казимирчук В.П. Указ. соч. С.41–42.

<sup>2</sup> Шикин Е.П. Факторы, определяющие эффективность норм права // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 104–105.

<sup>3</sup> Марочкин С.Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1988. С. 49.

ветствующего общества выступает и фактором социальной эффективности этого права, хотя точное установление закономерностей общественного развития представляет собой весьма сложную задачу.

Ф. Н. Фаткуллин отмечал существование так называемых общих условий эффективности права. К ним (что интересно в контексте нашего исследования) он относил социальную ценность, эффективность общего правового регулирования в целом, режим законности, надлежащий уровень реализации правовых норм, степень информированности адресатов об их содержании, а равно уровень их правосознания и правовой культуры. При этом социальную ценность он считал внутренним фактором, обязательным условием (предпосылкой) эффективности правовых норм<sup>1</sup>. Хотелось бы согласиться с ним в том смысле, что нормы, не обладающие социальной ценностью, вряд ли будут обладать социальной эффективностью. Аналогично и право в целом в конкретном государстве, если не воспринимается общественным сознанием как ценность, вряд ли может характеризоваться социальной эффективностью.

Другие авторы разграничивали два основных фактора эффективности правовых предписаний: качество законодательства и качество правоорганизующей деятельности. В свое время К. Моллнау предлагал различать следующие виды условий эффективности правовых норм: 1) макросоциальные условия; 2) условия, связанные с политической организацией и ее деятельностью; 3) микросоциальные условия, в число которых входят признание в коллективах и малых социальных группах, семьях моральных и других нормативных систем, отношение к праву на предприятиях и в учреждениях; 4) личностные условия, включающие: характеристики родителей, уровень образования, индивидуальные ценностные ориентации, опыт и т.д.<sup>2</sup>.

Данный подход, как представляется, необходимо использовать и при анализе социальной эффективности права в целом. В частности, интерес вызывает вы-

---

<sup>1</sup> Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории государства и права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. С. 322–323.

<sup>2</sup> Цит. по: Эффективность действия правовых норм. С. 78.

деление так называемых микросоциальных условий, связанных с деятельностью малых социальных групп.

Полагаем, что некоторые классификации факторов эффективности, проведенные в советской науке, страдают определенными неточностями. Прежде всего, упоминавшаяся эффективность «общего правового регулирования» неотъемлемо включает эффективность установленных правил поведения общего характера, то есть норм права. Тем самым мы приходим к выводу, что эффективность правовых норм имеет своим условием саму себя.

Далее, весьма спорно отнесение к условиям эффективности режима законности. Режим законности должен рассматриваться не как условие, а как один из необходимых результатов эффективного действия норм права. Как известно, режим законности представляет собой неуклонное соблюдение и исполнение правовых предписаний всеми субъектами права, то есть, по сути, выражается в поведении, реализующем правовые нормы. А точная, полная и неуклонная реализация норм права является весьма очевидным свидетельством того, что они эффективно действуют.

Режим законности возникает вместе с государством и существует в любом государстве как институте, устанавливающем правовые нормы и добивающемся их неуклонного соблюдения и исполнения. Он является следствием хотя бы минимальной эффективности, результативности действия норм права. Что касается социальной эффективности права и его норм, то представляется, что режим законности влияет на нее вообще опосредованно.

В отечественной науке эффективность правовых норм нередко соотносилась с экономическим фактором, а также с политикой государства и классовой дифференциацией. Кроме того, не проводилось принципиальных различий между факторами эффективности правового регулирования и факторами эффективности конкретных норм права. Это вытекало из самого понимания права как системы установленных или санкционированных государством общеобязательных, формально определенных правил поведения, обеспеченных возможностью применения государственного принуждения, то есть как системы норм права.



Среди факторов эффективности правового регулирования и конкретных норм права в советской науке не раз называлось соответствие законодательства закономерностям общественно-экономического строя. Так, известные советские ученые И. С. Самощенко, В. И. Никитинский, А. Б. Венгеров обращали внимание на то, что основными и общими условиями, определяющими эффективность правового регулирования, являются экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества, соответствие правовых предписаний требованиям морали и уровню правосознания, учет общих принципов управления. Важнейшим условием эффективности правовых норм они также считали опосредствование в правовых предписаниях требований социально-экономических и политических закономерностей социализма<sup>1</sup>.

На полное и точное отражение закономерностей социального строя как фактор эффективности правовых норм акцентировали внимание и другие авторы. В частности, Д. А. Керимов писал, что эффективность действия права зависит прежде всего от того, насколько оно точно и полно отражает и правильно предусматривает реализацию объективных возможностей в соответствии с познанными закономерностями общественного развития<sup>2</sup>.

В этом плане хотелось бы заметить, что правотворческой деятельности на всех уровнях должно предшествовать такое познание, познание закономерностей, тенденций и потребностей социального развития, их широкое общественное обсуждение.

Определенный интерес представляет классификация условий эффективности норм авторами коллективной монографии «Эффективность правовых норм». С точки зрения социально-политической, основным условием эффективности действия правовой нормы они считали ее соответствие классовой и социальной структуре общества, системе общественных отношений, идеологии и культуре данной общественно-экономической формации. Кроме того, они предложили классифицировать условия эффективности действия нормы по основанию, свя-

---

<sup>1</sup> Самощенко И.С., Никитинский В.И., Венгеров А.Б. Указ. соч. С. 72.

<sup>2</sup> Керимов Д.А. Указ. соч. С. 31.

занному с элементами механизма действия права. С этой точки зрения условия эффективности действия нормы будут относиться, во-первых, к самой норме; во-вторых, к деятельности правоприменительных органов; в-третьих, к особенностям правосознания и поведения граждан, соблюдающих или нарушающих требования правовой нормы<sup>1</sup>.

Для нашего исследования также интерес представляет мысль ряда советских авторов о двух «источниках» эффективности норм права. Первый состоит в том, что правовые нормы представляют собой разновидность социальных норм, и их эффективность вытекает из характеристик социальных норм в целом – их опоры на коллективный опыт, обеспеченности общественным порицанием в случае нарушения. Другим «источником» выступает специфика собственно юридических норм – их формальная определенность, издание уполномоченными государственными органами, обеспеченность государственным принуждением. Эти дополнительные факторы, несомненно, определяют другую степень эффективности норм права по сравнению с другими социальными нормами.

Некоторые авторы отмечали, что всякое изучение действия права должно прежде всего отвечать на вопрос: насколько полно нормы отвечают своему социальному назначению. Поэтому основные, важнейшие условия эффективности заключаются именно в самой среде, на которую воздействует право, т.е. в обществе,<sup>2</sup> но не в самом праве.

Думается, что данная позиция нуждается в некоторой корректировке. Как известно, право является важнейшим социальным институтом и устанавливается самим обществом через систему специальных уполномоченных органов государства. В праве отражаются особенности общества, общественной психологии, даже некоторые личностные особенности членов данного общества. Поэтому представляется некорректным такое противопоставление факторов среды и факторов, находящихся в самом праве. На самом деле они неразрывно связаны, и вряд ли могут сравниваться в контексте своей «важности».

---

<sup>1</sup> См.: Эффективность действия правовых норм. С. 76–77, 80.

<sup>2</sup> *Кульчар К.* Основы социологии права. М.: Прогресс, 1981. С. 246.

На наш взгляд, в соответствии с выделяемыми в литературе «двумя источниками» эффективности норм права, можно разграничить общесоциальные предпосылки, то есть условия эффективности социальных норм в целом, исходящие из их сущности, природы и психологического восприятия, и «специально-юридические предпосылки», вытекающие из специфики самих норм права (обеспеченность авторитетом государства и государственным принуждением, документальная форма изложения и т.д.). При этом предпосылки социальной эффективности права должны быть отграничены от факторов эффективности конкретных правовых норм.

Нередко в отечественной юридической науке условия эффективности правового регулирования делили на три группы: 1) совершенствование правотворчества, что предполагает наиболее полное выражение в нормах права общественных интересов и потребностей, усиление гарантированности юридических норм; 2) совершенствование процесса правоприменения. Акты правоприменения считаются гарантирующим элементом, который, в нужный момент подключаясь к нормативному регулированию, содействует процессу удовлетворения интересов; 3) повышение уровня правовой культуры субъектов права<sup>1</sup>. На мой взгляд, данная классификация достаточно четко упорядочивает комплекс факторов и применительно к праву в целом и может быть принята за основу одной из классификаций факторов социальной эффективности права.

В то же время следует дополнить ее другой классификацией – по субъектам социального взаимодействия. В таком случае мы получаем следующее деление факторов социальной эффективности права:

- 1) факторы, связанные с деятельностью государства, его правотворческих и правоприменительных органов;
- 2) факторы, относящиеся к функционированию институтов гражданского общества и корпоративному регулированию;

---

<sup>1</sup> См.: Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Юрист, 2002. С. 319–320; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 1997. С. 632–633.

3) факторы, относящиеся к развитию этноса и межэтническому взаимодействию;

4) международные (внешние) факторы.

Итак, вопрос об основных факторах эффективности отдельной правовой нормы в советской литературе исследован весьма подробно, хотя ряд моментов нуждается в уточнении.

На наш взгляд, в контексте отказа от классового подхода к изучению правовых явлений (в исследованиях В. В. Лапаевой это отчетливо заметно) должны подвергнуться новому осмыслению социальные факторы эффективности.

В частности, проблема эффективности правовых норм подвергается изучению в ракурсе повышения эффективности правовых средств. Например, А. В. Малько, рассматривая эффективность правовых стимулов и ограничений, к условиям такой эффективности относит адекватность правовых стимулов и ограничений (формы) интересам, мотивам и установкам (содержанию); совершенство законодательной и правоприменительной деятельности; уровень правовой культуры общества и отдельной личности; состояние законности; создание конкретной, четкой, понятной и доступной каждому гражданину системы стимулов и ограничений в праве; индивидуальный и дифференцированный подходы к их реализации, системное единство, комплексность в использовании данных юридических средств и т.д.<sup>1</sup>

Думается, что проблемы эффективности комплекса правовых средств с позиций их видов, направленности, сферы применения нуждаются в дальнейшем научном исследовании применительно к их социальным аспектам.

Представляется, что вопрос о влиянии и соотношении различных факторов эффективности нуждается в новом рассмотрении и даже определенном пересмотре. Нужно иметь в виду, что объективные, и прежде всего экономические факторы не оказывают на право автоматического и непреодолимого воздействия, они трансформируются идеологически, опосредуются духовными и психологически-

---

<sup>1</sup> Общая теория государства и права. Академический курс / под ред. М.Н. Марченко. В 3х т. М.: Юрист, 2001. Т. 3. С. 112.

ми факторами. Психологическая детерминация законопослушного поведения глубже и эффективнее не подкрепленных психологически императивов государственной власти. Представляется, что важная роль в этом контексте принадлежит социальному саморегулированию. Эффективность социального саморегулирования свидетельствует, на наш взгляд, и об идеологической и воспитательной эффективности права. В весьма обстоятельном самостоятельном научном исследовании в этом плане нуждаются ценностные факторы.

В постсоветский период в исследовании эффективности действующего законодательства начинает больше подчеркиваться роль социальных факторов. В частности, В. В. Лапаева пишет: «В настоящее время есть все основания утверждать, что наиболее слабым звеном в системе правовых факторов эффективности действующего российского законодательства является низкое социально-правовое качество законов, их неадекватность социальным реалиям, неспособность законодательства обеспечить согласование социальных интересов в рамках правообразующего интереса. Следствием этого зачастую является хаотичный, некомплексный характер преобразований, когда вырвавшиеся вперед так называемые прогрессивные законы «зависают» без должной опоры, входят в противоречие с действующим законодательством. Дело в том, что реформирование подобного уровня и масштаба требует высокой степени согласия со стороны общества, консенсуса между основными социально-политическими силами по поводу целей и средств реформирования общественных отношений. А такого согласия, как известно, в настоящее время нет»<sup>1</sup>.

Все вышесказанное в полной мере относится и к проблеме обеспечения социальной эффективности права, существенным фактором которой является общественный консенсус, а также согласие и взаимопонимание между обществом и государством по поводу проводимой политики и соответствующих преобразований. Полагаю, что социальный консенсус является одновременно и фактором со-

---

<sup>1</sup> Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2002. С. 513–514.

циальной эффективности права, и в то же время социальным следствием такой эффективности. Другими словами, они взаимообуславливают друг друга.

Интерес для данного исследования представляет разграничение факторов, относящихся к юридической форме закона, и относящихся к его социальному содержанию. При этом, к характеристикам юридической формы закона относятся: адекватность выбора способа правового воздействия, правильность определения субъектов правового регулирования, обеспечение должной координации прав и обязанностей, значимость предусмотренной нормой поощрения или санкции, наличие и действенность необходимых юридических гарантий реализации закона, «вписанность» данной нормы в систему законодательства и т.д. Социальное содержание закона характеризуется его большей или меньшей адекватностью потребностям регулируемых общественных отношений, его способностью быть инструментом согласования различных социальных интересов в рамках общезначимой нормы и средством разрешения социальных конфликтов<sup>1</sup>. На мой взгляд, социальное содержание, социальная направленность закона являются одними из факторов, влияющих на его социальную эффективность. То же относится к действующему праву (законодательству) в целом.

Итак, рассмотрим теперь более подробно наиболее интересные факторы социальной эффективности права.

Значимым фактором социальной эффективности права является учет закономерностей и тенденций экономической, политической, социальной жизни. А. С. Пашков и Д. М. Чечот в свое время справедливо отмечали, что среди факторов, влияющих на результаты правового регулирования, первостепенное значение имеют познание и сознательное использование в процессе правотворчества объективных законов общественного развития. Чем полнее отражаются и учитываются в правовых нормах требования объективных законов, тем успешнее осуществляется само правовое регулирование. При этом отмечалось, что явления общественной жизни, непрерывно повторяющиеся под влиянием постоянного действия объективного закона, испытывают на себе влияние других факторов:

---

<sup>1</sup> Лапаева В.В. Социология права. М.: Норма, 2004. С. 216–217.

они возникают каждый раз в иное время и при иных обстоятельствах, чем предшествующие аналогичные явления. Поэтому при применении права необходимо учитывать историческую обстановку, условия места и времени развития общественных отношений, национальные традиции, психологические особенности и уровень правосознания населения<sup>1</sup>.

Однако, как представляется, нельзя допускать в правовом регулировании ущемления интересов тех или иных социальных групп под флагом реализации неких «объективных законов общественного развития». Возникает также и вопрос о том, кто, собственно, определяет эти закономерности, провозглашает их в качестве таковых. Очевидно, что вопросы закономерностей и тенденций общественного развития должны являться предметом широкого общественного обсуждения.

Следующий фактор социальной эффективности права связан с механизмом его действия. По словам Л. С. Явича, юридическая безупречность механизма действия права является необходимой предпосылкой его социальной эффективности. Социальные аспекты механизма действия права включают: 1) социальные обстоятельства, находящиеся вне самого механизма действия права, но которые его так или иначе детерминируют и на которые этот механизм призван оказывать обратное воздействие; 2) социальные факторы и процессы, включенные в сам механизм действия права, также предопределяющие его юридическую и социальную действенность<sup>2</sup>.

Думается, что «безупречность» должна быть не только юридической, но и социально ориентированной. Механизм действия права должен в качестве важнейших принципов включать равенство всех перед законом и судом, социальную справедливость, уважение прав и законных интересов как отдельной личности, так и всех социальных групп.

На социальную эффективность права оказывают влияние и качества, возможности самого права, взятого в конкретном культурно-историческом контек-

---

<sup>1</sup> Пашков А.С., Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления // Советское государство и право. 1965. № 8. С. 4.

<sup>2</sup> Явич Л.С. Об исследованиях механизма действия права // Советское государство и право. 1973. № 8. С. 30.

сте. В этом плане А. И. Гусейнов выделяет ряд основополагающих свойств, раскрывающих социальную миссию права. *Во-первых*, это способность обеспечить всеобщий устойчивый порядок в общественных отношениях. *Во-вторых*, это способность достигнуть определенности в самом содержании общественных отношений. *В-третьих*, это способность достигнуть гарантированного результата. Эта особенность права выражается в позитивных юридических обязанностях и в высокой степени их обеспеченности, опирающейся на государственное принуждение. Такие качества позволяют рассчитывать на то, что в итоге интенсивного использования правовых средств наступит запрограммированный ожидаемый эффект<sup>1</sup>.

Очевидно, что указанные «социальные качества» права, степень их реализованности, оказывают влияние и на уровень социальной эффективности права, хотя «измерить» степень такого влияния вряд ли возможно. Однако эти свойства права, тем не менее, являются важными факторами его социальной эффективности, факторами, относящимися к самому праву как социальному феномену и регулятору.

Охарактеризуем теперь ряд факторов, относящихся к правотворчеству, его особенностям и задачам.

Значимым фактором социальной эффективности законодательства в этом плане является расширение его социальной базы. Речь идет об отражении в принимаемых актах интересов широких слоев населения, уважении прав социальных меньшинств. Следует согласиться с тем, что отсутствие анализа социальной структуры общества, неясность исходных целеполагающих позиций законодателя затрудняет понимание того, чью волю выражают те или иные законодательные нормы, тот или иной закон<sup>2</sup>.

Перед юридической и социологической наукой и практикой в связи с этим встает цель не только комплексного анализа социальной структуры общества, но

---

<sup>1</sup> Гусейнов А.И. Проблема ценностей в праве // Право и политика. 2007. № 7. С. 21.

<sup>2</sup> Системность законодательства как фактор повышения его качества // Государство и право. 2002. № 8. С. 14.



и практического преломления соответствующих исследований для решения задач, стоящих перед государством на данном этапе развития, и обеспечения социальной эффективности современного российского права.

В этом контексте перед современным российским правотворчеством также стоит ряд задач. Это: учет в правотворческой деятельности тенденций и потребностей общественного развития, учет потребностей и интересов социальных групп, социальная адекватность и ориентированность законодательства, исполнимость принимаемых правотворческих решений, т.е. их обеспеченность организационными и материальными ресурсами, соответствие действующего права требованиям микросреды, корпоративным нормам, гармоничное сочетание национального права с международно-правовым регулированием, адекватное регулирование комплекса этнических вопросов. Все это можно объединить понятием «качество принимаемых нормативных актов» или «качество закона».

К сожалению, в российской юридической науке пока нет единого понимания понятия «качество закона», поскольку оно было введено в научный оборот сравнительно недавно и в значительной мере является дискуссионным. В отечественной литературе имелся ряд попыток раскрыть содержание этого понятия<sup>1</sup>. В частности, в работах по вопросам государственного управления качество управленческих решений и их эффективность трактуются как близкие по значению понятия (в частности, указываются единые условия высокого качества управленческих решений и их эффективности)<sup>2</sup>.

В контексте данного исследования следует оговориться, что в отечественной юридической науке наметились два подхода к пониманию качества закона. Одни авторы связывают качество закона с его способностью соответствовать экономическим и иным социальным реалиям. Так, качество закона понимается как его соответствие общественным потребностям и способность обеспечивать регу-

---

<sup>1</sup> См.: *Прозоров В.Ф.* Качество и эффективность хозяйственного законодательства в условиях рынка. М.: Юрид. лит., 1991; *Поленина С.В.* Качество закона и эффективность законодательства. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993; *Игнатенко В.В.* Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск: ИГЭА, 1998.

<sup>2</sup> *Фатхутдинов Р.А.* Управленческие решения: учебник. М.: Инфра-М, 2002. С. 19–20.

лирование общественных отношений сообразно поставленным при издании закона целям. При этом выделяются три аспекта качества закона: социальный, политический и юридический<sup>1</sup>.

Социальная характеристика качества закона включает в себя, как минимум, три момента: во-первых, степень адекватности отражения в законе происходящих в обществе процессов, во-вторых, точность проецирования этих процессов на будущее, в-третьих, прогнозирование возможных путей развития сфер общества и неразрывно связанного с этим выбора оптимальных путей правового регулирования, их видоизменения в желательном для законодателя направлении. Политическая составляющая качества закона представляет собой степень соответствия избранных законодателем вариантов регламентации общественных отношений требованиям законодательной политики и задачам общественного развития на ту или иную перспективу<sup>2</sup>.

Другой подход к проблеме качества закона был применен В. В. Игнатенко, который полагает, что исходной основой данного вопроса может выступать философская категория «качества». Данная категория раскрывает совокупность всеобщих признаков, которые составляют качество любого явления, процесса природы, общества или мышления, и тем самым выступает методологическим основанием в изучении качества конкретного явления, в данном случае закона<sup>3</sup>.

Необходимо отметить, что оба подхода не противоречат друг другу, а находятся между собой во взаимосвязи. Если при изучении качества закона в его соотношении с экономическими, политическими и иными явлениями речь идет о качестве содержания норм права и их социальной обусловленности, то другой подход специализируется на изучении качества формы закона, присущих ему признаков как источнику права и форме изложения норм права в нормативном тексте. Поскольку форма и содержание находятся в тесной взаимосвязи, то и ка-

---

<sup>1</sup> См. *Поленина С.В.* Указ. соч.

<sup>2</sup> См. *Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова.* М.: Городец, 2000 С. 42–43.

<sup>3</sup> См. *Игнатенко В.В.* Указ. соч. С. 9–23.

чество закона может быть раскрыто полно и всесторонне лишь как качество и его формы, и его содержания.

Как видим, совершенствование правотворческой деятельности, в т.ч. обеспечение качества принимаемых нормативно-правовых актов, является важным фактором социальной эффективности действующего права. В этом плане нельзя не согласиться с М. Н. Марченко, что «для того, чтобы принимаемый акт в максимальной степени отвечал потребностям жизни общества и был эффективен, весьма важно заранее разрешить круг проблем, касающихся его характера, формы, внутренней структуры, места и роли в системе других нормативно-правовых актов. Важно также определить факторы, способствующие или, наоборот, препятствующие подготовке и принятию того или иного нормативно-правового акта. Необходимо четко спрогнозировать позитивные и возможные негативные (побочные) последствия реализации требований, содержащихся в различных нормативно-правовых актах»<sup>1</sup>.

Думается, что правильный прогноз социальных последствий действия нормативных актов как раз является другим важным фактором их социальной эффективности и социальной эффективности всего действующего права. Необходимо также постоянный мониторинг общественного мнения о последствиях вступления в силу того или иного акта и недостатках действующего законодательства в целом и анализ полученной информации правотворческими органами.

Е. А. Белканов в этом плане высказывает интересную, хотя и не бесспорную идею, предлагая создать службу мониторинга правосознания. К задачам данной структуры можно было бы отнести: 1) подготовку ежегодного плана правовой пропаганды; 2) подготовку предложений о внесении изменений и дополнений в нормативные акты; 3) дачу консультативных заключений о прогнозируемой эффективности действия законопроектов в случае их принятия; 4) контроль испол-

---

<sup>1</sup> *Марченко М.Н.* Проблемы теории государства и права. М.: Юрист, 2001. С. 661–662.

нения плана правовой пропаганды и, при необходимости и возможности, его корректировку<sup>1</sup>.

Одним из факторов социальной эффективности права, относящимся и к правотворческой деятельности государства, и к качествам самого права, является системность действующего права (законодательства). Многообразие общественных отношений и многосторонняя правотворческая деятельность определяют необходимость формирования государственной воли в виде самых различных, но единых по своей сущности и общей направленности правил поведения, а право есть внутренне единая система юридических норм, и только благодаря этому оно в состоянии оказывать регулирующее воздействие на социальную жизнь. Сегодня практически ни у кого не вызывает сомнений то, что действенность юридической регламентации зависит в значительной степени от согласованности юридических норм, составляющих систему права.

Поэтому, системное отражение и обслуживание общественного развития, его тенденций (что отражается и в системности действующего законодательства) является существенным фактором социальной эффективности права.

Еще одним фактором, относящимся к государству и его правотворческой деятельности и обеспечивающим социальную эффективность права, является степень целенаправленности законодательства, степень направления поведения общества, коллектива и личности путем постановки в законах, правовых актах социально полезной (прогрессивной) цели (целей). В этом проявляется своеобразная целевая функция права. Целевая функция, прежде всего, определяет, какие цели выдвигаются перед обществом, социальными группами, личностью; что влияет на выбор того или иного варианта социально значимого поведения. Значение целевой функции права состоит и в том, что она способствует выработке установки социально активного поведения субъектов права.

Думается, что целевой момент несколько обойден вниманием в отечественном законодательстве. Очевидно, что нормы-цели должны получить в нем боль-

---

<sup>1</sup> Белканов Е.А. Структура и функции правосознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. С. 19.

шее значение и большее распространение, это будет иметь и соответствующий воспитательный эффект.

Другим фактором социальной эффективности права из данной группы факторов является правильное, адекватное определение пределов правовой регламентации. В советской науке считалось, что такие пределы материально обусловлены. Применительно к данному исследованию можно констатировать, что в идеале правовому воздействию подвергаются лишь те общественные отношения, регламентация которых вообще объективно возможна, экономически и политически необходима и целесообразна.

В этом плане можно вспомнить интересную идею о верхнем (возможное) и нижнем (минимально необходимом, целесообразном) пределах правового регулирования. Попытки регулирования, выходящего за эти пределы, будут обречены на социальную неэффективность.

Поэтому необходимо правильное познание, определение законодателем предмета и методов правового регулирования. На социальной эффективности нормы права и действующего права в целом обязательно сказывается правильный выбор общественных отношений, подлежащих правовому регулированию, и точность в выборе метода правового регулирования.

Естественно, что превышение меры регулирования, попытка регламентировать правом общественные отношения, объективно не нуждающиеся в такой регламентации, обрекает соответствующие нормы на неэффективность. А неправильный подбор методов регулирования, например, чрезмерное увлечение запретами соответствующих общественных отношений может даже дать эффект, обратный предполагаемому.

В данном контексте ряд авторов указывал на необходимость правильного выбора правовых средств и целей как одно из условий эффективности норм права. Так, В. И. Никитинский отмечал, что соответствие избранных правовых средств цели – необходимая предпосылка эффективности правовой нормы, а неправильный выбор средств достижения правовых целей может исказить смысл и значение

последних<sup>1</sup>. А. В. Малько и К. В. Шундигов говорят о «юридическом инструментарии» и правильном выборе правового режима: «Используя конкретные юридические средства, необходимо знать, как сопоставить их, чтобы они в процессе взаимодействия на определенном этапе увеличивали свою силу и приводили бы к более эффективным результатам в конкретной сфере отношений»<sup>2</sup>.

О необходимости точного выбора метода правового регулирования высказывался и О. Э. Лейст, утверждавший, что нормы эффективны лишь при условии, если не предписывают невозможное, не запрещают типичные для данного общества явления и поведение и не настолько обширны в своих запретах и предписаниях, что превышают уровень их восприятия общественным сознанием<sup>3</sup>.

Перейдем к характеристике факторов социальной эффективности права, относящихся к правоприменительной и иной правореализующей деятельности. Это, на мой взгляд, прежде всего:

- социально ориентированная организация правоприменительного процесса;
- обоснованность и понятность для населения принимаемых правоприменительных актов;
- низкий уровень коррупции и обеспечение подлинного равенства всех перед законом и судом;
- обеспечение принципов законности и социальной справедливости в деятельности правоприменительных органов.

Все эти факторы можно объединить термином «социально ориентированная правоприменительная деятельность». Полагаю, данная группа факторов должна стать предметом самостоятельного научного исследования, в том числе в рамках процессуальных юридических наук.

---

<sup>1</sup> Никитинский В.И. Эффективность норм трудового права. М.: Юрид. лит., 1971. С. 40, 44.

<sup>2</sup> Малько А.В., Шундигов К.В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 21.

<sup>3</sup> Лейст О.Э. Сущность права. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 31.

Продолжим рассмотрение наиболее значимых факторов социальной эффективности права. В литературе советского периода указывалось, что эффективность действия правовых норм зависит от определенных объективных и субъективных условий, которые относятся как к самому праву, так и сфере его реализации. Всякая норма создается и действует не «в пустоте», а в реальной совокупности общественных отношений, на основе и в рамках существующего общественного бытия и общественного сознания. Характер взаимосвязи правовой нормы с различными сторонами общественной жизни и определяет те условия, которые в конечном счете обеспечивают эффективность ее действия. Также указывалось, что, с точки зрения социально-политической основой условием эффективности действия правовой нормы следует считать ее соответствие классовой и социальной структуре общества, системе общественных отношений, идеологии и культуре данной общественно-экономической формации<sup>1</sup>.

Думается, что данное положение относится и к праву в целом как регулятору, и даже в большей степени, чем к отдельной правовой норме и ее эффективности. Право как регулятор должно быть адекватным классовой и социальной структуре общества, системе общественных связей, идеологии и культуре социума на соответствующем этапе исторического развития. В этом плане следует отметить, что в литературе недооцениваются факторы эффективности права и его норм, относящиеся к функционированию институтов гражданского общества. Полагаю, что проблемы взаимосвязи деятельности гражданского общества и эффективности законодательства должны стать предметом самостоятельного научного исследования.

Важное место в повышении социальной эффективности права призвано сыграть целенаправленное формирование государством и его различными органами, а также институтами гражданского общества соответствующего образа жизни. Образ жизни «является интегративной формой всего комплекса социальных воздействий на личность и группу»<sup>2</sup>, представляет собой «совокупность

---

<sup>1</sup> Эффективность правовых норм. С. 76.

<sup>2</sup> Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. С. 25.

устоявшихся, типичных для определенных социально-экономических отношений форм жизнедеятельности народов, классов, различных социальных групп и индивидов в материальном и духовном производстве, в общественно-политической и бытовой сфере, во взаимных отношениях и личной жизни»<sup>1</sup>.

Общественные отношения оказывают формирующее и регулятивное воздействие на поведение личности. В своей совокупности это воздействие и отражено в образе жизни, принятом в данном обществе и поддерживаемом с помощью различных видов и средств социальной регуляции. Влияние образа жизни на поведение и внутренний мир человека – одна из важнейших проблем, поскольку образ жизни представляет интегрированную форму, в которой аккумулированы все виды социальных проявлений личности.

В советской науке было дано более 20 различных определений образа жизни. Он определялся как совокупность, система существенных черт, характеризующих деятельность народов, классов, социальных групп, личностей в условиях определенной общественно-экономической формации<sup>2</sup>; как реально практикуемые нормы поведения людей, способ их повседневной деятельности в сферах труда, быта, досуга, в производстве и потреблении материальных и духовных ценностей<sup>3</sup>.

Следует иметь в виду, что нормативность образа жизни вовсе не означает того, что социальные нормы, его регламентирующие, возникают только по желанию людей, без влияния объективных закономерностей. Их творцами являются люди, но свобода действий этих людей ограничена историческими рамками данной цивилизации и данного общества.

Образ жизни как категория, отражающая жизнедеятельность как общества в целом, так и отдельной личности, имеет важнейшее методологическое значение

---

<sup>1</sup> Шорохова Е.В., Бобнева М.И. Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М.: Наука, 1979. С. 4.

<sup>2</sup> Социалистический образ жизни / Л.И. Абалкин, В.Г. Алексеева и др. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984. С. 39.

<sup>3</sup> Толстых В.И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы. М.: Политиздат, 1975. С. 27.



для психологического анализа социальной детерминации поведения индивидов и социальных групп. Важнейший фактор социальной эффективности права на основании вышеизложенного – гармонизация правовых предписаний и образа жизни социальных групп, целенаправленное и адекватное социальным тенденциям формирование образа жизни.

Следует оговориться, что для обеспечения социальной эффективности права, в том числе при формировании образа жизни людей, необходимо избегать двух нежелательных крайностей: чрезмерной регламентации поведения, заорганизованности, приводящей к несамостоятельности, снижению инициативы, социальному иждивенчеству, ограничениям в удовлетворении важных личностных потребностей; и чрезмерной стихийности в регуляции поведения, что приводит к неопределенности, непредсказуемости социальной жизни, асоциальным эгоистическим тенденциям поведения, бессистемности, беспорядочности и пр. В поиске такого оптимального соотношения должны принимать участие не только уполномоченные государственные органы, но и институты гражданского общества. В определенной мере это перекликается с таким фактором, как определение оптимальной меры правового регулирования.

Существенным фактором социальной эффективности права, относящимся к характеристике и функционированию гражданского общества и его институтов, можно считать корпоративный (организационный). Очевидно, что в исследовании социальных аспектов эффективности права недооцененным остается такой вопрос, как организационное поведение, его регулирование соответствующими нормами и влияние на эффективность правовых предписаний. Изучение «организационного» поведения, закономерностей и механизмов участия индивида в организации важно не только для общества в целом, но и для самой личности.

Эффективность функционирования социальных объединений и даже обыденная жизнь каждого члена общества во многом зависят от психологических и социально-психологических факторов, в том числе понимания и осознания людьми специфики организаций и выработки необходимых навыков корпоративного поведения. Однако эта специфика и закономерности не всегда полно и адекватно

осознаются. Корпоративное поведение не присуще индивиду от рождения, не формируется автоматически. Оно требует специального социального научения, которое обычно протекает стихийно и не всегда приводит к необходимым результатам.

В связи с этим необходим социально-правовой контроль за данными процессами, недопущение развития корпоративного сепаратизма, межгрупповой конфликтности. Важнейшим фактором социальной эффективности права является его гармоничное взаимодействие с системой корпоративной регуляции, системой корпоративных норм и правил, регламентирующих поведение социальных групп. Как известно, в обществе существуют различные правовые подкультуры, в большей или меньшей степени соответствующие официальному праву. Иногда они оказываются в прямом или косвенном противоречии с официальным правом.

Основное назначение и действие групповых норм, равно как и мотивации согласия личности с нормами группы состоит, по справедливому мнению ряда авторов, в обеспечении существования и функционирования группы как организованного целого, а ее участников как членов ее организационной системы, занимающих определенное положение в функциональной, операциональной и статусной структурах группы, в обеспечении деятельности группы как единого целого и совместной, кооперированной, коллективной деятельности ее участников<sup>1</sup>. От результативности такого обеспечения во многом зависит и социальная эффективность права как регулятора.

Для понимания и изучения психологических механизмов действия групповых норм важнейшим является факт осуществления участниками группы совместной кооперированной деятельности, направленной на достижение целей, необходимых и группе как целому, и ее участникам. Социальная эффективность права и его структурных частей во многом зависит от того, насколько эффективно оно регламентирует совместную социально значимую деятельность, насколько оперативно и результативно устраняет возникающие проблемы. Собственно, в этом у правовых и корпоративных норм много общего.

---

<sup>1</sup> Бобнева М.И. Указ. соч. С. 153.

Перейдем к рассмотрению комплекса собственно социальных факторов социальной эффективности права.

Очевидно, что познание природы правового регулирования, его пределов, методов, условий функционирования и эффективности предполагает раскрытие его механизма как с юридической, так и с социальной стороны. Право выступает в качестве эффективного средства преобразования общественных отношений, но при условии, когда достаточно ясно представляется, каким путем, с помощью каких инструментов правовые требования, нормативные предписания законов и иных юридических актов трансформируются в социальное поведение на всех уровнях его действия – общества, этнической общности, коллектива, малой социальной группы, личности.

Высокая социальная эффективность права предполагает высокую степень согласия со стороны общества, консенсуса между основными социально-политическими силами и социальными группами по вопросу направленности законодательства и основных векторов его развития.

Как верно замечает французский социолог Ж. Канапа, наряду с умножением и обогащением социальных связей в процессе вхождения индивида в социальную среду, принятия и усвоения им социальных норм, традиций, ролей и функций другой важной тенденцией социализации является усиливающаяся взаимозависимость и солидарность между собой отдельных групп, профессий и народов, умножение контактов отдельного индивида с другими людьми, рост чувства солидарности<sup>1</sup>.

Применительно к нашему исследованию в этом плане можно утверждать, что фактором и одновременно показателем социальной эффективности права является общественная солидарность, которая подразумевает и солидарность личности с правовой системой и государством, и корпоративную солидарность, и снижение уровня неконструктивной конфликтности в обществе.

---

<sup>1</sup> Канапа Ж. Социальная доктрина церкви и марксизм. М.: Изд-во «Прогресс», 1964. С. 319.

Существенным социальным и одновременно личностным фактором обеспечения эффективности права, в т.ч. эффективности социальной, является успешная социализация личности в обществе, эффективное функционирование соответствующих социальных процедур. Поэтому в повышении социальной эффективности права важную роль, по моему мнению, призвано сыграть создание условий для эффективной социализации личности, ее личностного и профессионального роста. Существенным направлением социализации личности должна стать социализация правовая.

В обеспечении процесса успешной социализации важную роль имеют ее механизмы и факторы. В частности, выделяются социально-психологические механизмы овладения социальным опытом, с одной стороны (подражание, убеждение, идентификация, заражение, руководство, лидерство, мода, пример, адаптация и т.д.), и те факторы внешней по отношению к психическому миру человека среды, под влиянием которых происходит процесс усвоения социальной информации. К последним могут быть отнесены специфические для формирования и жизнедеятельности индивида факторы микро- и макросреды. К числу первых в свою очередь относятся семья, детские дошкольные учреждения и школа, уличные группы детей и т.д., ко вторым – вся система социальных отношений, представленная различными социальными институтами, учреждениями и организациями, выходящими за рамки микросреды<sup>1</sup>.

Системное и целенаправленное развитие указанных механизмов является одновременно и фактором социальной эффективности права, и показателем роста такой эффективности в конкретном обществе.

А теперь перейдем к рассмотрению комплекса психологических факторов социальной эффективности права, которые можно было бы назвать факторами, относящимися к правосознанию.

Здесь следует упомянуть следующее:

1. Признание права общественным сознанием в качестве регулятора социальной жизни; уважение права в общественном сознании.

---

<sup>1</sup> Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971. С. 169.

2. Соответствие принимаемых норм потребностям отдельной личности, социальных групп, их образу жизни.

3. Ценностное соответствие законодательства особенностям национального менталитета.

4. Соответствие законодательства идеологиям и правосознанию малых групп, в т.ч. управленческих, корпоративным нормам и ценностям (эта проблематика была рассмотрена выше).

При исследовании факторов социальной эффективности права, относящихся к правосознанию, важно иметь в виду некоторые уточнения и оговорки. Например, в общественном мнении имеет место существенное различие между относительно слабым знанием правовых норм и довольно прочным знанием общих принципов права. Граждане, как правило, знакомы и хорошо усваивают общие требования права, вошедшие в правовое сознание как социальные ценности, как социальные требования, как генеральная идея, и вместе с тем частные его предписания во многих положениях им не известны. Иными словами, члены общества слабо знают содержание той или иной правовой нормы, в отличие от общих прав и обязанностей, признаваемых обществом<sup>1</sup>.

Таким образом, в науке и практике констатируется неравномерность уровня знания права в обществе. Этот уровень находится в зависимости прежде всего от таких факторов, как пол, возраст, образование, социальное и имущественное положение лица. Наконец, он находится в связи и с отраслями законодательства: более высокий уровень зафиксирован для норм одних отраслей права и правовых институтов и меньший для других.

Далее, в литературе отмечается, что нельзя недооценивать влияние, которое оказывают на людей правовые идеи, принципы, правовое сознание, правовая культура. Они непосредственно не регулируют (не нормируют) общественные отношения, но определяют характер правового регулирования, его эффективность,

---

<sup>1</sup> *Казимирчук В.П.* Социальный механизм действия права // Советское государство и право. 1970. № 10. С. 39.

практическое воплощение в жизнь всех элементов механизма правового регулирования<sup>1</sup>.

Интересным психологическим фактором социальной эффективности права является его соответствие массовому правосознанию, а также общественному мнению. Общественное мнение либо усиливает регулятивные свойства права, либо препятствует их осуществлению. Общественное мнение о праве и само, независимо от права в целом и конкретной юридической нормы, может оказывать регулятивное воздействие на поведение людей, на достижение ими поставленных социально значимых целей.

Социальная эффективность права также в значительной мере зависит от того, стали ли правовые нормы известны тем, кому они адресованы, согласились ли субъекты соответствующих отношений с их содержанием, осознали ли необходимость и справедливость правовых требований, пришли ли к выводу о важности их строгого и неуклонного соблюдения и исполнения, сформировалось ли у субъектов уважение к праву вообще.

Еще одним психологическим фактором социальной эффективности права является, по моему мнению, его соответствие потребностям, интересам и ожиданиям людей. Предоставление нормами права возможностей для удовлетворения потребностей, интересов, ожиданий субъектов является мощным стимулом для их реализации, для широкого распространения соответствующих общественных отношений.

На роль потребностей и интересов в развитии права неоднократно указывалось и ранее. В частности, еще Н. М. Коркунов отмечал, что юридические нормы есть нормы разграничения интересов<sup>2</sup>. В. П. Казимирчук связывал эффективность права с отражением экономических, политических и духовных потребностей и интересов классов и общества в целом, направленностью на охрану прав и свобод личности<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> *Капустина М.А.* Правовое регулирование в обществе: механизм, сфера воздействия // *Право и общество: от конфликта к консенсусу.* СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 107.

<sup>2</sup> *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб.: РОССПЭН, 2003. С. 60–62.

<sup>3</sup> *Казимирчук В.П.* Указ. соч. С. 37.

В то же время необходимо сделать оговорку, что право, защищая социальные интересы и способствуя самореализации человека, не должно возвеличивать отдельную личность с ее «набором» прав. Право как многоаспектное образование является мерой свободы, мерой, закрепленной не только в нормативных актах, но и в правосознании. И в этом плане нужно помнить, что защита прав личности не должна стать оправданием духовного и социального сепаратизма, индивидуального произвола.

На мой взгляд, исследование факторов социальной эффективности приводит к необходимости изучения основных мотивов, поведенческих установок, потребностей, движущих человека и его внешнее поведение. Представляет интерес в этом контексте концепция И. А. Ильина о так называемых кругах самоутверждения, притязания. Он писал: «Движимая первоначально инстинктом личного и семейного самосохранения, каждая единичная душа выступает в виде агрессивной воли, обращается к общей основе существования и очерчивает вокруг себя круги своего нестесненного самоутверждения. Круги, очерченные каждым вокруг себя, рано или поздно, но неизбежно придут в соприкосновение и столкнутся; конфликт притязаний неизбежно породит вопрос о правоте притязаний, и произвольному установлению своих пределов придет конец: вопрос о правовом притязании есть уже вопрос о праве, зрело разрешаемый ныне признанием определенного правового статуса за каждым субъектом»<sup>1</sup>. В этом плане нужно отметить, что и социальная эффективность права неотделима от его соответствия потребностям и основным мотивам человеческой личности.

Итак, в основе социальной эффективности права лежат, помимо прочих факторов, и особенности отношения к нему как результат взаимодействия личностных структур, мотивов, идеалов и т.д. и требований правовых норм.

По нашему мнению, право как социальный регулятор, чтобы быть социально эффективным, должно справедливо соотносить между собой «круги притязания» разных людей и их объединений, соотносить их потребности и интересы на

---

<sup>1</sup> Ильин И.А. О сущности правосознания // Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 199–200.

основе некоторых выработанных культурой и общественной практикой справедливых критериев. Конечно, такие критерии в различных обществах и в различные исторические эпохи неодинаковы. Для того, чтобы сделать действующее законодательство социально эффективным, законодатель должен познать и осмыслить эти критерии, обусловленные духовным, культурным, экономическим и иным развитием общества, и закрепить и конкретизировать их в качестве основ, общих принципов права.

Следование социальным нормам того или иного вида есть результат сложного психологического процесса деятельности индивидуального сознания, развития нравственных убеждений и ценностных систем личности, навыков общественно значимого поведения, результат «работы» мотивационной системы, системы внутренних регуляторов поведения – ценностных ориентаций и установок, систем личностных смыслов и значений, преобразования свойств личности. В связи с этим, работа с ценностными ориентациями, установками личности представляется важным направлением повышения социальной эффективности права и одновременно ее важным фактором. Причем это должна быть работа по их целенаправленному формированию, изменению, если это необходимо.

При этом следует заметить, что не только мотивы, потребности, интересы, но и правовые идеалы и ожидания во многом определяют правовое поведение членов общества, особенности отношения людей и социальных групп к конкретным нормативным предписаниям и праву в целом. Таким образом, соответствие конкретных норм правовым идеалам и ожиданиям людей и будет обеспечивать не только психологическое принятие этих норм, но и их социальную эффективность. Нормы, не соответствующие правовым идеалам и ожиданиям общества в целом, социальных групп, будут реализовываться в лучшем случае под угрозой государственного принуждения. Такая «принудительная эффективность», очевидно, будет носить социально негативный характер, сопровождаться дисгармонией в отношениях личности и общества.

В связи с этим особенно необходима систематическая государственная и общественная деятельность по воспитанию, формированию правовых идеалов. К



такой работе должны привлекаться не только государственные органы, но и общественные организации, другие институты гражданского общества. Соответствующая работа должна стать значимым фактором повышения социальной эффективности права.

Очевидно, что именно социальные ожидания и идеалы создают, формируют правовую систему, правовые нормы, правовые отношения, правовую жизнь. Нормы и отношения есть результат воплощения в жизнь социальных идей и идеалов.

Итак, важным направлением работы по повышению эффективности права является работа по формированию и пропаганде социальных, в том числе правовых, идеалов и ценностей, целенаправленное формирование общественной идеологии.

Существенное для государства и правовой системы значение имеет воспитание у граждан корректной, социально приемлемой постановки ожиданий по отношению к праву и правовым учреждениям. Такие ожидания не должны быть связаны с вредной для общества самореализацией индивида, с идеями социального сепаратизма или превосходства, социального угнетения.

Интерес в этом плане представляет мнение В. А. Бачинина о том, что автономная воля личности обладает способностью к самозаконотворению: для нее первозначимы императивы, исходящие от высшего нравственного авторитета – внутреннего голоса собственной совести<sup>1</sup>. Следует в этой связи заметить, что гармонизация государственной воли и автономной воли личности является важной психологической основой и фактором социальной эффективности принимаемых государством норм и права как регулятора в целом.

Другой важный аспект работы по повышению социальной эффективности права и его предписаний в связи с рассмотренными факторами – целенаправленное воздействие на мотивационную систему личности, социальных и этнических групп.

---

<sup>1</sup> *Бачинин В.А.* Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия // Правоведение. 2001. № 3. С. 37–38.

Право как социально-эффективный регулятор должно, с одной стороны, предоставлять человеку возможность для активной самореализации, социально полезной или допустимой деятельности. С другой стороны, личности должно быть предоставлено право и на пассивную удовлетворенность результатами своей социально значимой деятельности, своим социальным положением, достигнутыми духовными и социальными успехами.

Еще один существенный фактор социальной эффективности права, связанный с формированием правосознания и правовой культуры и в значительной мере охватывающий собой другие факторы, – действенная система социально-правового воспитания с развитым компонентом самовоспитания. Повышение эффективности права неразрывно связано с целенаправленной работой по формированию потребности в самовоспитании, самосовершенствовании. Целями такой работы должны стать формирование у человека устойчивой потребности в конструктивном самоанализе, поиске оптимальных путей и форм своей социально позитивной самореализации, гармоничная адаптация к социальной, в том числе правовой, среде. Существенную роль в воспитательном процессе призваны сыграть институты гражданского общества.

Важной задачей в этой связи является не просто правовое воспитание, а пропаганда определенного социально адекватного комплекса мотивов, работа по пропаганде жизненных целей и ценностей.

Очевидно, что право конкретного государства в соответствующий исторический период должно как минимум:

- 1) учитывать основополагающие потребности человека в данном культурно-историческом контексте.
- 2) вводить комплекс потребностей личности в данном обществе в социально допустимые рамки посредством права.

Другими словами, право как регулятор должно, с одной стороны, «обслуживать» и обеспечивать динамизм мотивационной системы человека, а с другой – ограничивать этот динамизм, вводить его в социально приемлемые границы. В противном случае мы получим конфликт законодательства и конкретно-

исторических особенностей развития психической жизни людей в соответствующем обществе. Примеры такого конфликта (обязывание доносить о совершении преступления близким родственником, борьба с мотивами обеспечения материального благополучия и высокими заработками в СССР) показывают нам полную неэффективность соответствующих предписаний либо непродуктивное расходование на обеспечение этой эффективности огромных государственных сил и средств.

Правотворческая политика государства должна учитывать особенности развития и состояния мотивационных систем в обществе, влияния на них этнических, корпоративных, конфессиональных, экономических и иных факторов.

Можно утверждать, что удовлетворение социально значимых и социально адекватных потребностей есть не только фактор, но и важнейшая цель и важнейший показатель эффективности права, в том числе эффективности социальной, и кроме того – один из показателей самореализации личности в определенной социальной сфере.

Интерес в контексте исследования потребностей и интересов представляет мнение Е. М. Савельевой, которая, изучая эффективность законодательной деятельности, отмечает, что ее желательно оценивать в первую очередь по обеспечению соответствия законодательного регулирования общественным интересам и потребностям, используя следующие критерии:

- качество законодательного регулирования общественных отношений действующим законодательством (сформированным в результате законодательной работы существующих органов государственной власти за счет, как принятия новых законов, так и сохранения в силе ранее действовавших);

- своевременность конкретных изменений и дополнений законодательства, а также сведение к минимуму необходимых усилий граждан и организаций на приспособление к новому порядку и самих органов и учреждений государственной власти – на его обеспечение;

- согласованность законодательного регулирования с иными действиями государственной власти, подкрепленность всех действующих норм и предписаний

законодательства соответствующими действиями государственных органов и учреждений<sup>1</sup>.

Инструментом повышения социальной эффективности права в аспекте удовлетворения им социальных потребностей и интересов должна стать целенаправленная работа государства по формированию комплекса потребностей, воспитание «культуры социальных потребностей». Будучи выражением и закреплением социальных отношений во внутренней структуре психики человека, потребности оказываются фактическим регулятором деятельности и поведения.

При исследовании эффективности права как сбалансированности социальных интересов следует иметь в виду еще некоторые обстоятельства. Так, например, Е. Н. Трубецкой указывал, что можно привести сколько угодно примеров норм права, не соответствующих никаким интересам или прямо противных интересам, их вызвавшим<sup>2</sup>. Еще одним моментом, осложняющим анализ сбалансированности социальных интересов, является то, что в обществе достаточно часто встречаются «фальшивые», незаконные потребности, а также потребности нереальные, завышенные. Однако в целом эти обстоятельства не отменяют того факта, что соответствие права потребностям и интересам социальных групп и общества в целом является важным фактором его социальной эффективности.

В психологической литературе определенное внимание, имеющее значение и для данного исследования, уделяется так называемым «социогенным потребностям». К собственно «социогенным», или буквально порожденным обществом, в этих исследованиях относятся некоторые специфические виды потребностей, как-то: потребность в общении, труде, самоутверждении, восприятии произведений искусства, достижениях и т.д. Существенным направлением деятельности по повышению социальной эффективности права, как представляется, является пропаганда труда как средства самореализации, образа «человека труда», пропаганда социально полезной активности, в том числе юридически значимого характера.

---

<sup>1</sup> Савельева Е.М. Проблемы совершенствования законодательной деятельности в России на федеральном уровне // Государство и право. 2001. № 9. С. 5.

<sup>2</sup> Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб.: Издательство «Лунь», 1998. С. 32.

Итак, право как регулятор, правовая система и ее элементы играют важнейшую роль как в формировании потребностей и интересов личности, так и в их удовлетворении. Полагаю, соотношение между имеющимися у личности потребностями и предоставляемыми в данной сфере возможностями реализовать их законными методами может считаться важным показателем социальной эффективности, либо, напротив, неэффективности норм соответствующей отрасли либо института законодательства.

Заслуживает внимания рассмотрение факторов социальной эффективности права с позиций уровня социальной конфликтности, уровня, если можно так выразиться, «конфронтации потребностей». Необходимость права и правового регулирования как выражения справедливости не раз связывались с социальными конфликтами. Так, Г. Д. Гурвич указывал, что «проблема справедливости возникает только тогда, когда допускается возможность конфликта между равнозначными нравственными ценностями. ...Справедливость призвана к предварительному примирению действительного конфликта между персональными и трансперсональными ценностями, рассматриваемыми в качестве равнозначных»<sup>1</sup>. Х. Ортега-и-Гассет отмечал: «Так называемое «общество» никогда не оправдывает своего названия. Общество – это всегда, в той или иной степени, разобщенность, в нем действуют силы взаимоотрицания и взаимоотталкивания. А поскольку, с другой стороны, оно хочет казаться чем-то прямо противоположным, то мы должны, наконец, понять, что общество по самой сути своей – больная, ущербная реальность и в нем происходит непрестанная борьба между действительно социальными элементами и поступками с элементами антисоциальными, разобщающими. Чтобы добиться хотя бы минимального перевеса социальных тенденций, то есть для того, чтобы общество как таковое выжило, оно зачастую вынуждено прибегать к вмешательству «общественной власти», к насилию, вплоть до создания – на более высоких ступенях развития – социального органа, в чьи обязанно-

---

<sup>1</sup> Гурвич Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Философия и социология права: избранные сочинения / пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. СПб.: ИД Санкт-Петербургского ун-та, 2004. С. 291–292.

сти входит реализовывать эту власть в формах, противостоять которым все остальное бессильно. Орган этот обычно и называется Государством»<sup>1</sup>.

Полагаю в связи с предметом данного исследования, что снижение уровня неконструктивной, в том числе насильственной, конфликтности в обществе будет являться важным и, что важно, измеримым показателем социальной эффективности права и вместе с тем может считаться и фактором социальной эффективности права.

Думается, нельзя говорить только о том, что право как регулятор эффективно или неэффективно, необходимо иметь в виду, что право может быть неприспособленным к потребностям личности, условиям социального и психологического существования человека. Одно из проявлений этой неприспособленности и есть неэффективность действующего законодательства, его нереализованность в социальной жизни. Обеспечение справедливой возможности для реализации людьми своих потребностей и обоснованных социальных притязаний – важное условие успешного социального, в том числе правового, развития. Право как регулятивная система должно постоянно «сверяться» с этим ориентиром.

Очевидно, что государственное и общественное управление формированием личности должно меняться в соответствии с требованиями социального развития, оперативно отражать процессы повышения психологической, моральной, профессиональной и прочей компетенции личности или коллектива, социальной зрелости и формирования соответствующих механизмов саморегулирования поведения. Гибкость права и его институтов, его адаптация к потребностям личности, социальных групп, общества в целом в конкретном культурно-историческом контексте должны подвергаться постоянному мониторингу. Формами такого мониторинга должны стать постоянные социологические опросы, консультации с общественными организациями, в том числе международными, постоянный анализ рекомендаций ведомств и предложений граждан, всенародные обсуждения национальных проблем и проектов и т.д.

---

<sup>1</sup> *Ортега-и-Гассет Х.* Человек и люди // Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. М.: Радуга, 1991. С. 476.

Можно сказать, что социальная эффективность права неотделима от «социального здоровья» общества и отдельной личности. В этих условиях и формируется подлинно эффективное право, опирающееся на солидарность личности с системой социальных институтов.

Важнейший фактор обеспечения социальной эффективности права, связанный с правосознанием, пропагандистской и воспитательной работой и потребностями личности – обеспечение правом определенной социальной иерархии, соответствующей экономическому, политическому, культурному развитию общества. Разграничение различных социальных статусов, иерархическое построение общества, как известно, представляют собой важнейшую закономерность социальной жизни. Поэтому представляется, что целенаправленная государственная работа по справедливому и заслуженному социальному ранжированию и пропаганде тех или иных статусов должна стать неотъемлемым элементом общей работы по государственно-правовому обеспечению самореализации личности в социально-правовых рамках, а значит – и по повышению социальной эффективности права.

Продолжим характеристику факторов социальной эффективности права, относящихся к правосознанию, его уровню и особенностям. В литературе не вызывает возражений то, что недостатки и дефекты общественного правосознания должны обязательно выявляться, подвергаться широкому общественному обсуждению и учитываться при создании законодательства. Однако такой учет должен заключаться не в том, чтобы подгонять принимаемые нормативные акты под эти недостатки и дефекты, а в том, чтобы совершенствовать механизм применения закона и дополнительно обеспечивать соблюдение нормы участниками общественной жизни посредством таких мер, которые устраняли или уменьшали бы выявленные дефекты. Особенно важным в таких случаях представляется проведение комплексных мероприятий юридического, социально-экономического и культурно-воспитательного характера, причем на постоянной основе. Воспитательная и пропагандистская работа в этом плане остаются значимыми, хотя и незаслуженно забытыми в государственно-правовой практике факторами повышения социальной эффективности права.

Еще одним важным, но недооцененным психологическим фактором социальной эффективности права является степень авторитета источника его издания. Социологи права отмечают, что руководство, осуществляемое на основе права, обладает определенной степенью престижа, уважения, которые возникают в силу власти, принадлежащей такому руководству. При этом здесь протекают два параллельных процесса – процесс индуцирования уважения к праву и процесс радиации (распространения) этого уважения. Второй процесс дополняет, усиливает уважение к праву, которое является результатом оценок действия права в различных областях жизни. Эти оценки в сумме приводят к возникновению целостного, глобального уважения права. Этот целостный престиж права, обладая большим потенциалом, в свою очередь переносит свои отдельные элементы в те области, где право еще не приобрело своего престижа либо, наоборот, уже успело утратить его<sup>1</sup>. Авторитет правотворческих органов, в свою очередь, зависит, помимо прочего, и от того, насколько они в своей деятельности уделяют внимание справедливому удовлетворению интересов граждан и социальных групп.

Нельзя не сказать и о таком социально-психологическом факторе, как социальное признание права, его общественная оправданность. Оправданность права в сознании, в мировоззрении, идеалах и установках людей является важной социально-психологической основой его эффективности. Как справедливо отмечается в литературе, государственно-правовое регулирование нуждается в том, чтобы быть понятным в антропогенном, психологическом измерении. Это позволяет сделать попытку выйти из той системы координат, которая ориентирована в основном на техническое совершенство, логическую состоятельность, рационализм официальных государственно-правовых институтов, их соответствие экономическим, политическим и другим социальным интересам<sup>2</sup>.

Очевидно, что как в доктрине обеспечения социальной эффективности права, так и в государственно-правовой практике должен преодолеваться «техни-

---

<sup>1</sup> Подгурецкий А. Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974. С. 270.

<sup>2</sup> Арановский К.В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием // Журнал Российского права. 2002. № 9. С. 84.



цизм», ориентация лишь на техническое совершенство норм при игнорировании их антропологического, психологического содержания.

В повышении социальной эффективности права существенную роль призваны сыграть практические разработки психологии, к сожалению, недооцениваемые в отечественной юридической практике. Например, ценность представляют предложения «коммунальной психологии» и «психологии сообществ». Речь в данном случае идет о создании широкой сети учреждений для обеспечения конформного поведения членов общества. В контексте данных концепций осуществляются исследования в рамках сообществ и изучаются их проблемы, определяются лидеры и лица, пользующиеся доверием в сообществе, проводится корректировка деятельности сообществ через этих лиц, даются соответствующие рекомендации государственным органам и институтам гражданского общества. В качестве сообщества может быть взято, в зависимости от конкретных задач, население административно-территориальной единицы, национальная группа, люди, работающие на одном или нескольких смежных предприятиях и т.д. Важно то, что это всегда группа, вызывающая озабоченность государства и общества своим социальным, правовым или политическим поведением.

Максвелл Джоунс предлагает модель так называемого терапевтического сообщества, основанного на следующих началах: самоанализ (каждый должен постоянно анализировать, что он делает и почему, изменяя процедуру своих действий в свете опыта); множественное лидерство (принятие решений, насколько это возможно, по общему согласию); обратная связь (групповое обсуждение различных проблем); выражение чувств (двусторонняя коммуникация, мотивируемая какой-либо внутренней потребностью или стрессовой ситуацией и ведущая к открытому выражению чувств); конфронтация (встреча людей, создающая возможность для социального взаимодействия, выражения чувств и социального научения). Данные принципы М. Джоунс предлагает распространить на всю обще-

ственную жизнь, что, по его мнению, позволит создать правильную социальную структуру<sup>1</sup>.

На мой взгляд, предлагаемые социально-психологические концепции должны подвергаться широкому общественному обсуждению, в том числе в средствах массовой информации (СМИ), чтобы выявить и впоследствии применить содержащиеся в них выводы и предложения. Право конкретного государства должно быть подчинено общественно обсужденному и одобренному ряду социальных ориентиров, имея в виду при этом не только приоритеты государственной политики, но и выводы социальных наук, социальные интересы.

Другим важным фактором обеспечения социальной эффективности права, относящимся к правосознанию и правовой культуре и, соответственно, относящимся к психологическим, является повышение уровня юридических знаний посредством юридического образования и оказания бесплатной юридической помощи. И определенные шаги в этом направлении на правотворческом уровне уже делаются<sup>2</sup>.

Итак, мы в первом приближении рассмотрели наиболее значимые факторы, влияющие на социальную эффективность права и его норм. Действие общих социальных закономерностей, влияющих на социальную эффективность права, всегда преломляется через поведение конкретных людей, занимающих определенное положение в обществе и общественных отношениях. Несмотря на общий, неперсонифицированный характер общественных процессов и отражающих их юридических предписаний, их действие невозможно без той или иной степени активного поведения конкретных людей. Последние, однако, осуществляя юридически

---

<sup>1</sup> Цит. по: Психологические проблемы социальной регуляции поведения / под ред. М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1976. С. 104.

<sup>2</sup> В частности, приняты: О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725; Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598; Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Указом Президента Российской Федерации от 28.04.2011 г. № Пр-1168 // Рос. газ. 2011. 14 июля; О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26.05.2009 г. № 599 // Рос. газ. 2009. 29 мая.

значимые поступки (положительного, нейтрального или негативного характера), обладают в реальной действительности широким набором характеристик, приобретаемых соответственно месту, занимаемому человеком в обществе.

Интересным аспектом проблемы факторов социальной эффективности права, нуждающимся, на мой взгляд, в самостоятельном изучении, является проблема препятствий, «антифакторов» социальной эффективности, т.е. факторов, снижающих такую эффективность. Проблемы факторов, препятствующих эффективной реализации политики государства, уже неоднократно исследовались в литературе. Среди них отмечались дезинтегрированность и фрагментарность общества и власти, разнородность и противоречивость властного поля, низкий уровень доверия в обществе и т.д.<sup>1</sup>. Однако применительно к социальной эффективности права эти вопросы освещения не получили.

Рассмотрим антифакторы социальной эффективности права несколько более подробно без попытки их классифицировать.

Прежде всего, в литературе традиционно обсуждаются такие характерные черты современного российского общества, как чувство политического и правового отчуждения, ощущение бессмысленности жизни, дискредитация и размывание ценностей, потеря в сознании жизненной перспективы и т.д. Очевидно, что указанные явления представляют собой антифакторы социальной эффективности как права, так и других традиционных социальных регуляторов. Их можно назвать социально-ценностными (социально-аксиологическими) антифакторами.

Фактором, оказывающим отрицательное влияние на социальную эффективность законодательства, является наличие так называемого теневого права, теневого правового регулирования. В литературе уже акцентировалось внимание на наличие так называемой «теневой» правовой жизни, теневого права<sup>2</sup>. А. В. Малько отмечает, что между теневой и официальной частями правовой жизни идет по-

---

<sup>1</sup> Митрошенков О.А. Социальная политика в России: мегатенденции 1999-2010 гг. // Политическая мысль 2й половины 20 века. Хрестоматия. Пермь: ИПК «Звезда», 1999. С. 249–251.

<sup>2</sup> Лазарев В.В. Инструментальный подход к праву // Труды Московской государственной юридической академии: сборник статей. 2003. № 10. С. 96.

стоянная, ежечасная, ежеминутная борьба, своеобразная конкуренция, причем важно понять, что теневой сегмент правовой жизни неистребим в полной мере<sup>1</sup>.

Очевидно, что теневое право не просто является антифактором социальной эффективности права, но и создает серьезные предпосылки для правового нигилизма, поэтому с теневым правом должна вестись постоянная государственная и общественная борьба, включающая целый комплекс идеологических и воспитательных мер.

А. В. Малько в качестве фактора снижения эффективности правового воздействия указывает так называемые «препятствия». Он пишет, что в самом общем плане под препятствиями в юридической сфере можно понимать такие факторы, которые ставят преграду упорядочению социальных связей и действуют в противоречии с правовыми целями и принципами. Препятствия – это естественные и искусственные препоны, барьеры, тормозящие по тем или иным причинам управленческий процесс и мешающие удовлетворению правомерных интересов граждан и организаций. По мнению А.В. Малько, препятствия противоположны нормам права и могут выступать как «псевдонормы», ложные предписания<sup>2</sup>. Интересно, что норму, «которая вследствие тех или иных причин (волюнтаризм, устарелость, несоответствие новым условиям и потребностям и т.п.) объективно сдерживает развитие прогрессивно-положительной с точки зрения общенародных, общегосударственных интересов регулируемой деятельности», В. М. Баранов охарактеризовал как ложную норму<sup>3</sup>. Данные явления по сути представляют собой антифакторы социальной эффективности права, относящиеся к качеству самой нормы либо качеству законодательства в целом. Такие антифакторы условно могут быть названы формальными.

Другим формальным «антифактором» является чрезмерное увеличение нормативного массива. Увеличение числа нормативных актов, прежде всего зако-

---

<sup>1</sup> *Малько А.В.* Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 7.

<sup>2</sup> *Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / под ред. М.Н. Марченко.* М.: Юрист, 2001. Т. 3. С. 115.

<sup>3</sup> *Баранов В.М.* Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 245.

нов, не раз подвергалось справедливой критике как в отечественной, так и в мировой науке. Весьма актуальными в этой связи являются давно сказанные слова К. П. Победоносцева: «И вот мы громоздим без числа, без меры необъятное здание законодательства, упражняемся непрестанно в изобретении правил, форм и формул всякого рода. Строим все это во имя свободы и прав человечества, а до того уже дошло, что человеку двинуться некуда от сплетения всех этих правил и форм, отовсюду связывающих, отовсюду угрожающих во имя гарантий свободы. Пытаемся все определить, все вымерить и взвесить человеческими – следовательно, увы! неполными, несовершенными и часто обманчивыми формулами. Хотим освободить лицо, повсюду расставляем ему ловушки, в которые часто попадаете правый, а не виноватый. Посреди бесконечного множества постановлений и правил, в коем путается мысль и составителей, и исполнителей, известная фикция, что неведением закона никто отговариваться не может, получает чудовищное значение. Простому человеку становится уже невозможно ни знать закон, ни просить о защите своего права, ни обороняться от нападения и обвинения: он попадает роковым образом в руки стряпчих, присяжных механиков при машине правосудия, и должен оплачивать каждый шаг свой, каждое движение своего дела на арене суда и расправы...»<sup>1</sup>.

Итак, по сути данный антифактор заключается в превышении меры правового регулирования, другими словами, представляет собой переизбыток такого регулирования. Негативное значение такого переизбытка в контексте социальной эффективности права заключается в том, что, во-первых, переизбыток законодательного массива снижает авторитет закона, а, во-вторых, может парализовать социальную активность, в том числе экономическую.

Это лишь некоторые антифакторы социальной эффективности права, относящиеся к весьма разнородным моментам. В целом, проблема «антифакторов» социальной эффективности права нуждается в самостоятельном научном исследо-

---

<sup>1</sup> Цит. по: Теория государства и права: хрестоматия: в 2 т. / В.В. Лазарев, С.В. Липень. М.: Юрист, 2001. Т. 2. С. 228.

вании применительно к их группам и характеру отрицательного воздействия. Нуждаются эти «антифакторы» и в своей классификации.

Переходим к характеристике критериев и показателей социальной эффективности права. В литературе справедливо подчеркивается, что наука права призвана дать не только анализ существующей системы норм, но и выработать критерии их оценки<sup>1</sup>. Такие критерии должны быть выработаны и применительно к их эффективности, а также применительно к социальной эффективности права в целом.

Одновременно следует отметить и определенный «технизм» теории эффективности права, что находит свое выражение и в аспекте критериев такой эффективности. В свое время Н. А. Бердяев отмечал, что социологи и марксисты отвлеченно подчинили человека природной и социальной среде, отвергли его духовную свободу и превратили его в пассивный рефлекс природного и социального круговорота<sup>2</sup>.

Применительно к эффективности права и его норм в этом плане можно сказать, что эта эффективность трактуется лишь в контексте того, что они являются правилами, установленными государством, нормами позитивного права. Поэтому проблема эффективности права фактически заменяется проблемой действенности норм законодательства, а право сводится лишь к системе правил, установленных государством и фактически не соотносится с решением социальных задач и удовлетворением социальных потребностей, что накладывает отпечаток и на представления о критериях эффективности права.

Итак, применительно к социально-правовому развитию современной России необходимо определить наиболее важные критерии социальной эффективности права.

Успешное формирование и функционирование свободной, автономной личности в системе общественных связей является одним из важнейших критериев

---

<sup>1</sup> Мартышин О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Труды Московской государственной юридической академии. Сб. статей. М.: Наука, 2003. № 10. С. 33.

<sup>2</sup> Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 33.

социальной эффективности права. Естественно, что это положение нуждается в определенной конкретизации. Показателем свободной автономной личности, как представляется, будет ее позитивная социальная активность, ее инициативность, активная созидательность, что выражается в активном и эффективном участии в общественных отношениях и объединениях.

Главным поведенческим критерием социальной эффективности права является развитие социально полезной активности, обеспечение и успешная организация социально полезной деятельности субъектов права, в т.ч. этнических и иных социальных общностей. Целевым критерием социальной эффективности права может считаться обеспечение им сплоченности общества, его направленности на решение общих задач. Психологическим критерием социальной эффективности права является его признание в общественном сознании, признание его верховенства и значимости, уважение права личностью и обществом, социальными группами.

Другими критериями социальной эффективности права являются: снижение уровня неконструктивной конфликтности в обществе, что выражается в уменьшении количества актов государственного и иного социального принуждения; соответствие действующего законодательства социальным потребностям, потребностям общественного развития.

По справедливому замечанию В. М. Шафирова, действительная социальная ценность права заключается не в подчинении, устрашении человека, подавлении его активности, а в том, что оно выступает как целый комплекс юридически гарантированных возможностей свободного выбора решений и действий субъектов общественных отношений, как система закрепленных прав граждан, обеспечивающих самостоятельность, инициативу, творчество<sup>1</sup>.

Еще одним критерием социальной эффективности права следует считать внутреннюю гармоничность социума, отсутствие открытого противостояния, противоборства социальных групп. Важнейшая цель права, как и других социальных регуляторов, состоит прежде всего в том, чтобы сделать возможным гармоничное

---

<sup>1</sup> Шафиров В.М. Право в человеческом измерении // Правоведение. 2004. № 3. С. 212.

сосуществование и взаимодействие членов общества. Думается, что осуществление гармоничного социального сосуществования и конструктивного общественного взаимодействия можно рассматривать как один из критериев социальной эффективности права, хотя понятие социальной гармоничности нуждается в конкретизации.

Также возникает необходимость уточнения понятия «мирное социальное сосуществование», «мирное общежитие». На наш взгляд, его важнейшими показателями являются низкий уровень неконструктивной конфликтности, уменьшение числа актов социального и государственного принуждения (и в том числе в историческом или сравнительном аспекте).

Полагаем, интересным критерием социальной эффективности права можно считать поддержание конкурентноспособности социальной системы и конструктивной конкурентной среды внутри общества и его групп. В этом плане можно согласиться с В. А. Четверниним в том, что полезным для любой системы, в том числе социальной, является то, что делает ее более устойчивой и конкурентноспособной<sup>1</sup>.

В связи с этим возникает вопрос: а что следует считать показателями конкурентноспособности социальной системы? Думается, что такими показателями можно считать прирост населения, в том числе в результате миграции, высокий уровень социальной солидарности, высокую конструктивную социальную, в том числе экономическую, политическую и правовую активность.

В этом же контексте важнейшим критерием социальной эффективности права может считаться сбалансированность социальных интересов, установление минимального уровня их противоречивости. В качестве критерия сбалансированности социальных интересов и оптимизации уровня конфликтности, как представляется, можно было бы также рассматривать снижение числа актов принуждения, но связанных прежде всего с реализацией и ограничением социальных интересов. Добровольное соблюдение и исполнение нормы служит свидетельством

---

<sup>1</sup> Четвернин В.А. Общество и государство: либертарно-юридическая интерпретация // Право и общество: от конфликта к консенсусу. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 50.



ее восприятия общественным сознанием и общественной практикой. В то же время необходимо иметь в виду, что реализация различных норм изначально предполагает различный уровень принудительности, а некоторые разновидности норм (управомочивающие, нормы-дефиниции) вообще реализуются без применения принудительной силы государства.

В этом плане интересна мысль И. Л. Петрухина о том, что в обществе должна устанавливаться определенная мера свободы человека, достаточная для его полного самовыражения и в то же время препятствующая всяким попыткам личности использовать предоставленную ей свободу в ущерб обществу, государству, согражданам<sup>1</sup>.

Для исследования критериев социальной эффективности интерес представляет концепция «социального капитала», разработанная Ф. Фукуямой. Он определяет социальный капитал как богатство отношений социального сотрудничества, базирующихся на признании чести и достоинства каждого<sup>2</sup>. Думается, что категория «богатство отношений социального сотрудничества» нуждается в дальнейшем научном осмыслении, а термин «социальный капитал» после соответствующего уточнения может быть использован в юридической науке как инструмент измерения социальной эффективности права.

В качестве критерия социальной эффективности можно рассматривать и предоставляемую и защищаемую правом возможность личностного выбора, в том числе выбора социального положения, рода занятий, социальных интересов. Возрастание возможности социального выбора будет являться показателем увеличения социальной эффективности права, показателем социальной адекватности регулирования общественной жизни.

В качестве критерия социальной эффективности права следует рассматривать и состояние защищенности личности, в том числе юридической, что должно находить свое отражение и в правосознании и подвергаться мониторингу посред-

---

<sup>1</sup> *Петрухин И.Л.* Человек как социально-правовая ценность // Государство и право. 1999. № 10. С. 84.

<sup>2</sup> Цит. по: *Скок Н.В.* Ценностные изменения современности: теоретический и прикладной аспект // Право и политика. 2009. № 3. С. 527.

ством социологических опросов. В частности, в 2009 г. в ходе социологических опросов степень личной защищенности оценили как низкую 80% опрошенных, 8% признали ее средней и 4% высокой (остальные затруднились ответить). Социологи связывают это с накоплением страхов, «социальной травмой» как следствием радикальных изменений в обществе<sup>1</sup>. Так или иначе, но это свидетельствует о весьма низкой социальной эффективности права, которое, по сути, не может обеспечить такую социальную защищенность.

Другим критерием социальной эффективности права следует считать предсказуемость, упорядоченность и созидательность общественной жизни. Именно такое состояние должно являться социальной целью права, ориентиром для законодателя и мерилom социальной эффективности права.

При этом полагаем, что уровень предсказуемости и созидательности социальных процессов вполне может подвергаться измерению посредством социологических исследований и корректировке путем совершенствования самого законодательства и развития системы правового воспитания. Измеримыми показателями в этом плане могли бы стать рост количества предприятий или общественных объединений в соответствующей сфере, снижение числа судебных разбирательств, уменьшение количества правонарушений определенных видов, уменьшение количества жалоб и обращений в государственные органы и т.д.

Предсказуемость и упорядоченность социальных процессов вследствие высокой социальной эффективности права влияют на направленность социального общения. Развитость социального общения в соответствующих рамках и направлениях может рассматриваться как еще один критерий социальной эффективности права. В то же время должны быть четко определены формы и параметры социального общения, подлежащего оценке с позиций определения уровня социальной эффективности. Такими параметрами могут стать, например, количество общественных объединений и проводимых ими мероприятий, уровень волонтерского

---

<sup>1</sup> *Бойков В.Э.* Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 29.

движения и социальной благотворительности, степень политической активности при проведении выборов, референдумов, всенародных обсуждений и т.д.

Итак, факторы и критерии социальной эффективности права весьма многоплановы. Это связано и с многоплановостью самого феномена социальной эффективности права, и с множеством условий, так или иначе влияющих на социальную эффективность права как регулятора, и с множеством проявлений социальной эффективности права в общественной жизни.

Важнейшей задачей юридической науки и практики является анализ системы критериев социальной эффективности права как своеобразных ориентиров деятельности государства и целей законодательства, а также разработка вопроса о показателях социальной эффективности права и планирование комплекса конкретных мероприятий по обеспечению роста этих показателей.

### ГЛАВА 3. Этнические характеристики социальной эффективности права

Перейдем к рассмотрению комплекса этнических характеристик социальной эффективности права. Изучение механизмов социального поведения человека как представителя этнической общности или группы играет важную роль в исследовании многих социальных и правовых процессов. Исследование этой проблематики представляется полезным и в контексте изучения и повышения социальной эффективности права.

Для оценки социальной эффективности права недостаточно «чисто» юридического подхода. В этом плане интересно высказался Р. С. Байниязов: «Право – это тот социальный феномен, который закрыт, если на него смотреть только юридическим взглядом. В основу подлинного, жизненного, реального права должна быть положена духовно-культурологическая идея правосознания. В данном контексте право есть элемент культурологического строя социума; нормативно-институциональный выразитель и носитель адекватных определенному типу правосознания, типу культуры данного общества представлений, идей и идеалов, моделей возможного и желаемого поведения, эталонов обязанности и ответственности, социальных стереотипов мышления и действия субъектов, часть духовной сферы общества...»<sup>1</sup>. И в этих своих контекстах, нельзя не отметить, право тоже обладает большей или меньшей социальной эффективностью.

Можно выделить немало этнопсихологических проблем, непосредственно связанных с правовым воздействием и его эффективностью, например: каким образом влияет на социально значимое поведение человека его этническая принадлежность, что позволяет считать конкретного человека носителем этнических свойств и качеств, как юридически значимое поведение регулируется этнически-

---

<sup>1</sup> Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 18–19.

ми общностями и т.д. Для решения этих и многих других вопросов необходимы данные о специфике этнической общности как объединения людей, о социальных функциях этноса, направленности, формах и механизмах регулятивных, воспитательных и иных воздействий этнической общности на ее отдельных представителей. Исследованию подлежат и специфические формы и инструменты воздействия на человека как представителя этнической общности, в частности способы морального и правового регулирования поведения членов этнической общности, ритуальных форм поведения в современном обществе. Данная проблематика важна и в плане исследования этнических компонентов социальной эффективности права.

Очевидно, что социальная эффективность права, будучи многогранным феноменом, необходимо включает и этническую составляющую. Поэтому в исследовании соответствующих вопросов существенную роль играет изучение этнических особенностей психики человека и образа жизни, на что обращалось внимание в ряде работ последних лет<sup>1</sup>.

Понимание законодателем, правоприменителем сущности правового менталитета народа, нации превратит их юридически значимые действия в более обоснованные и поддерживаемые народным правосознанием. Иными словами, целенаправленное познание юридической ментальности общества законодателем и правоприменителем сделает юридические акты государства более «осязаемыми» и понятными для граждан<sup>2</sup>. Это, на мой взгляд, приведет и к тому, что такие акты станут более социально эффективными.

Итак, что подразумевается под этническими характеристиками (составляющими) социальной эффективности права?

Социальная эффективность права в его этническом аспекте означает, прежде всего, гармоничное сосуществование и взаимодействие национального менталитета (особенно в условиях полиэтничной среды) и политики государства, тен-

---

<sup>1</sup> См.: *Петухова Т.Н.* Межэтническая толерантность в России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013; *Сулипов Р.С.* Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2013.

<sup>2</sup> *Байниязов Р.С.* Указ. соч. С. 32.

денций и особенностей развития законодательства. Это важно и в связи с тем, что в отечественном национальном сознании позитивное право всегда недооценивалось.

Россия в своем историческом развитии стала полигоном взаимодействия национальных культур, а русский народ проявил себя как народ, способный к интеграции культур, их бесконфликтному многовековому сосуществованию. И роль права и государства, а также национального менталитета в этом плане нельзя недооценивать.

В первом приближении к проблеме нужно отметить то, что, для того, чтобы быть эффективным в социоэтническом смысле, действующее законодательство должно соответствовать культуре, традициям, менталитету народа, этносов, проживающих в государстве. В данном контексте имеется в виду прежде всего русский народ.

Необходимость соответствия законодательства духу народа, а также устройству государства подчеркивало немало ученых. Так, еще Аристотель писал, что «никакой пользы не принесут самые полезные законы..., если граждане не будут приучены к государственному порядку и в духе его воспитаны, а именно: если законы государства демократические – в духе демократии, если олигархические – в духе олигархии...<sup>1</sup>. П. И. Новгородцев писал, что успех действия права в жизни обусловлен тем, насколько оно проникает в сознание членов общества и встречает в них нравственное сочувствие и поддержку. Без этой поддержки право превращается или в мертвую букву, лишенную жизни, или в тяжелое бремя, сносимое против воли<sup>2</sup>. Впоследствии к указанной проблематике обращалось немало авторов, анализ концепций которых, однако, не входит в предмет данного диссертационного исследования.

Как отмечается в литературе, этнос – это психологическая общность, способная успешно выполнять важные для человека функции: 1) ориентировать в

---

<sup>1</sup> Цит. по: Политическая мысль 2й половины 20 века: хрестоматия для студентов вузов / сост. В.А. Мальцев. Пермь: ИПК «Звезда», 1999. С. 32.

<sup>2</sup> Цит. по: *Гревцов Ю.И.* Социология права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 168.

окружающем мире, поставляя относительно упорядоченную информацию; 2) задавать общие жизненные ценности; 3) защищать, отвечая не только за социальное, но и за физическое самочувствие<sup>1</sup>. По выражению Р. С. Байниязова, правовая ментальность есть тот стержень, при помощи которого правовая культура общества этнически «пульсирует», функционально обеспечивает собственную культурную «самость»<sup>2</sup>. Собственно говоря, аналогичные задачи стоят и перед правом, более или менее эффективно воздействующим на общество.

Для анализа этнических характеристик социальной эффективности права рассмотрим сами понятия «национальный менталитет» и «национальный характер», имеющие в контексте нашего исследования существенное значение. В. В. Сорокин дает следующее определение менталитету: «Менталитет понимается как система надындивидуальных устойчивых, преемственных неосознанных предпосылок, представлений, образов и образцов мышления, эмоционально-психических проявлений, установок, ориентаций, стереотипов реакции, шаблонов поведения, которые стоят за многочисленными культурными явлениями и фактами, проявляются в особенностях мышления и поведения, а также накладывают свой отпечаток на все продукты культурной деятельности и тем самым определяют своеобразие той или иной культурной системы. Этот некий умственный строй (когнитивный тип) и психический склад (сенсотип) народа, находящие свое выражение в любых проявлениях духовной и иной жизни<sup>3</sup>. Фактически, мы можем в этом плане утверждать, что национальный менталитет является неким этническим «стержнем» социальной эффективности права, ее важнейшим фактором.

Понятие «национальный характер», также нуждающееся в осмыслении с позиций эффективности права, включает набор духовных, нравственных, социально-психологических, поведенческих характеристик, которые определяют особенности развития и функционирования социальных институтов, задают векторы

---

<sup>1</sup> Стефаненко Т.Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 29.

<sup>2</sup> Байниязов Р.С. Указ. соч. С. 32.

<sup>3</sup> Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М.: Проспект, 2007. С. 312.

поступкам всем представителям и носителям национальной культуры. Характер народа образует определенная совокупность качеств, а не отдельные свойства. Эти свойства выражаются в различных областях, в том числе юридической, определяют специфику правовой жизни общества, влияют на политику государства. И, конечно, определяют особенности социальной эффективности права в конкретной стране, конкретной правовой системе.

В психологической и социологической литературе подчеркивается, что человеку всегда необходимо ощущать себя частью «мы», и этнос – не единственная группа, в осознании принадлежности к которой человек ищет определенную опору в жизни. Но в наши дни этнос благодаря ряду присущих ему качеств является для человека одной из самых надежных групп защиты и поддержки. Это межпоколенческая группа, она устойчива во времени и пространстве, для нее характерна стабильность состава, а каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно из состава этноса произвольно исключить.

В то же время нельзя не отметить того, что современные этнические общности не имеют столь непререкаемых традиций и стабильной картины мира, многие элементы их культуры размываются. Этноты в значительной степени оторваны от традиций, поведение предков не рассматривается членами группы как модель. С другой стороны, мы видим усилия многих государств по сохранению национальной культуры, образа жизни, национальных традиций. Эти усилия осуществляются в том числе и посредством права и правовых механизмов.

Данная проблематика актуальна и применительно к социальной эффективности права в современной России. О. М. Пакус справедливо заметил, что реформаторские усилия в правовой сфере характеризовались отказом от существующего правокультурного опыта и юридического быта нации, ориентируясь на создание в кратчайшие сроки новых юридико-политических основ общества на базе широкой компиляции зарубежных юридических институтов и текстов<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Пакус О.М. Юридические технологии обеспечения российского национального правопорядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 21.



В результате таких попыток реформирования российская правовая система потеряла начала саморегулируемости, а ее эффективность, в том числе социальная, обеспечивалась в основном за счет административно-правового управления, то есть, по сути, искусственным путем. Результатом этого стало то, что национальная правовая жизнь утратила концептуальный социально-правовой стержень, определяющий задачи, содержание и социальное назначение права на конкретном историческом этапе. Все это требует научного и общественного переосмысления роли этнических факторов в социальном и правовом развитии, что важно и в плане повышения социальной эффективности права.

В процессе исследования данной проблематики в этническом контексте огромное теоретическое и прикладное значение имеют проблемы социально-психологической адаптации личности. Процессы адаптации и социализации являются важнейшими механизмами включения человека в общество и общественные отношения, в социальные группы и коллективы, механизмами овладения человеком социальным опытом, опытом социально-правового общения. Приходится с сожалением констатировать, что в современном российском обществе и государстве эти механизмы подверглись размыванию. Система социального регулирования подвергается попыткам необоснованной «вестернизации», отрыва от своих духовных и культурных корней.

Современная правовая жизнь России далека от стабильности и устойчивости, ибо в ее основе нет духовно-культурного правосознания и, как следствие этого, соответствующей правовой культуры. Действующее законодательство отрывается от основ национального менталитета, а наступающая массовая культура, оформляемая действующим правом, вступает с ним в противоречие.

По справедливому замечанию В. В. Сорокина, не одно поколение российских юристов получило подготовку, которая лишает человека русской культуры национального, самобытного правосознания, ориентирует на служение букве закона, закладывает навыки законнического, казуистического отношения к праву<sup>1</sup>. Такая «подготовка» не может сделать из юристов «творцов» подлинной социаль-

---

<sup>1</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. С. 266.

ной эффективности права. Она направлена на формирование защитников лишь буквы закона, который, к тому же, не всегда направлен на удовлетворение общественных интересов и потребностей общественного развития.

Обеспечение социальной эффективности права и меры по ее повышению неразрывно связаны не только с изучением основ российской ментальности, но и с конкретной работой по гармонизации законодательства и менталитета народа. Ментальность несет в себе постоянство, устойчивость индивидуальных, групповых, массовых, общественных духовно-психологических структур российского сознания, выражает этногенетический код общества, национальный характер народа, образ его жизни, быта, культуры. Тем не менее, систематической работы по изучению российской ментальности в правотворческих и иных государственных органах не ведется.

В современной литературе отмечается, что российское право характеризуется стертостью границ правовой, политической, социальной, нравственно-этической, религиозной нормативной систем, обладает некими сверхправовыми чертами. А, следовательно, отличительной особенностью российского права, как и правовой ментальности является единство правового и политического, правового и религиозного, правового и нравственного начал<sup>1</sup>. Вот поэтому социальная эффективность немислима в отрыве от общественной морали, в противовес ей. В этом плане взаимодействие права и нравственности народа выступает важнейшим этническим фактором социальной эффективности права.

В данных условиях становится весьма трудным точное выделение эффективности собственно права в отличие от других социальных регуляторов, а также определение роли именно норм права в достижении того или иного социального или психологического результата. Однако, такое выделение и не является самоцелью, гораздо важнее само достижение социальной эффективности права в ее различных проявлениях.

---

<sup>1</sup> Грещенко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 311.

В контексте обеспечения социальной эффективности права становится очевидным, что российскому государству необходима собственная продуманная концепция общенациональной правовой идеологии, отражающей особенности российского менталитета и образа жизни, которой в целостном (концептуальном) виде пока нет, что негативным образом сказывается на единстве правового пространства России и не позволяет в достаточной мере использовать потенциал законодательства и иных юридических средств.

Итак, рассмотрим некоторые выделяемые в литературе особенности правового менталитета и связанного с ним образа жизни в современной России, которые, как представляется, влияют на социальную эффективность права. При этом следует иметь в виду, что аксиологическая характеристика менталитета включает в себя как общечеловеческие, общецивилизационные, гуманитарные ценности, так и этнические, корпоративные, групповые, кланово-родовые и т.д.

По мнению Р. С. Байниязова, из многообразия ментальных ценностей выделяются этногенетические, синергетические, базисные, обуславливающие специфику этнической ментальности. Они дают возможность сохранить собственную идентичность, не раствориться во множественных соприкосновениях с иными правовыми культурами, юридическими символами. Данные особенности составляют генетический код ментальности, который обуславливает особенности мышления, чувствования, поведения представителей различных наций, народностей, социальных групп<sup>1</sup>.

Учет и использование в законодательстве отмеченных особенностей правосознания и правовой культуры русского народа являются необходимым этническим фактором обеспечения социальной эффективности права.

Современными авторами отмечается, что «комплекс жизненных сил» русской правовой культуры составляют следующие явления и процессы:

– единое мировидение и мировосприятие, в котором основным творцом Права признается Бог;

---

<sup>1</sup> Байниязов Р.С. Указ. соч. С. 39.

– идеалы, смыслы существования, высшие ценности, святыни, являющиеся конституирующими, вдохновляющими, консолидирующими началами Любви (Истины), Добра и Красоты;

– нравы, нормы, образцы поведения, отношения друг к другу, к труду, к семье, государству, правителю и т.д., которыми воспитывается стремление хранить себя в чистоте помыслов, удаляться от зла, не быть корыстными и властолюбивыми;

– традиции, обычаи, ритуалы, образование, воспитание как механизмы трансляции, воспроизводства «живой ткани» всего культурного организма;

– менталитет как глубинная структура культуры, пласт народного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей;

– православная религия как жизненная сила культуры, содержащая духовные пути прославления Права как проявления Святого Духа;

– чувство общности, единства, мощно переживаемое чувство «мы» людей русской культуры, соотнесение и самоназвание русского народа;

– эпические предания, фольклор, историческая память как сознательные и бессознательные культурные «шифры», «коды», в которых запечатлен исторический опыт этно – и культурогенеза русского народа, передающийся на уровне коллективного бессознательного;

– единая знаково-символическая и знаково-образная среда – это прежде всего русский язык, мифические и архетипические образы, находящие воплощение в правовых положениях;

– государство как этнополитический статус русского народа и форма жизнедеятельности социального тела русской культуры, выполняющая функции организации, консолидации, защиты этнокультурной индивидуальности, стимулятора ее развития и процветания<sup>1</sup>.

Не со всеми выделяемыми основами и особенностями можно согласиться, однако их анализ представляется полезным с точки зрения необходимости опре-

---

<sup>1</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. С. 306–307.

деления путей и форм повышения социальной эффективности права и ее этнической составляющей.

Весьма интересно, например, что для отечественного правового менталитета традиционно характерно противопоставление идеи закона и подзаконного акта. В правовом контексте, в юридической деятельности это вылилось в невероятно циничном доминировании всевозможных инструкций, приказов, распоряжений над волей закона. Все это, как представляется, связано с доминированием силы над правом, властной силы над правовым содержанием. Важнейшей задачей государства в современных условиях является переориентация общественного сознания от установки на подчинение силе на установку на подчинение праву и закону как выражению справедливости. Это, естественно, отразится и на социальной эффективности права, спектре и результативности его воздействия на общественную жизнь.

Продолжим характеристику черт российской, в первую очередь русской ментальности и правовой культуры, влияющих на социальную эффективность права. В литературе нередко говорят о комплексе социально-государственной неполноценности и боязни перемен, который выражается в «понимании ущербности, порочности и бесперспективности господствовавшей испокон веку системы общественных отношений»<sup>1</sup>. Утверждается также, что российскому менталитету присущи этатизм, психологическая амбивалентность, слабость индивидуального начала, противопоставление идеи закона и идеи правды, юридического установления и нравственного чувства<sup>2</sup>.

Различными авторами выделяется также ряд других особенностей современной российской правовой ментальности, например, следующие:

1. Юридический менталитет российского общества изначально характеризовался и до сих пор характеризуется небрежным, отрицательным отношением к праву. Юридические ценности в российском обществе не воспринимались и не

---

<sup>1</sup> *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. С. 328.

<sup>2</sup> *Байниязов Р.С.* Указ. соч. С. 33.

воспринимаются до сих пор в качестве необходимых для его существования и развития.

2. Этатизм, чрезмерная, неоправданная и необоснованная ориентация на государственную власть. Индивид не обладает чувством позитивной правовой ответственности и долга.

3. Кризисное состояние менталитета, поиск новых праксеологических установок. Это усилило традиционную для российского менталитета психологическую амбивалентность.

4. Противоречивое, пренебрежительное или безразличное отношение к субъективным правам и свободам и др.

Как видим, означенные специфические характеристики отнюдь не способствуют повышению социальной эффективности права, поэтому правовая политика и идеологическая работа государства должны быть направлены на преодоление данных тенденций и нивелирование соответствующих характеристик.

Представляется в то же время, что уровень правового нигилизма, правового безразличия, кризисности отечественной ментальности у ряда авторов явно завышен, а их оценка имеет некий оттенок «ментальной неполноценности». Так, например, М. О. Гершензон полагал, что русское сознание не выработало «своих жизненных ценностей и не переоценивало их постоянно, как это было на Западе; поэтому у нас и в помине не было своей, национальной эволюции мысли»<sup>1</sup>.

В связи с этой еще одной негативной оценкой следует заметить, что постоянное изменение правовой мысли еще не свидетельствует о ее «развитости» или «неразвитости».

Интересные особенности российской ментальности, отразившиеся в отечественной философии права, отмечал П. И. Новгородцев:

1. Идеал – соборность, свободное единство;
2. Единственно правильный путь к идеалу – свободное внутреннее обновление людей;

---

<sup>1</sup> Гершензон М.О. Традиционное сознание русского общества. М.: Астрель, 1978. С. 85.

3. Не конституции, а религии образуют высший продукт духовного творчества. Не государство, а церковь воплощает с величайшей глубиной и полнотой истинную цель истории и культуры;

4. В процессе общественного строительства право и государство представляют собой лишь вспомогательные ступени этого развития, которые сами по себе слишком слабы для преобразования жизни и др.<sup>1</sup>

По сути, эти особенности во многом определяли и специфику национального правосознания и национальной правовой культуры, влияющую на само понимание социальной ценности и социальной эффективности права. Достижение указанных идеалов либо движение к ним фактически и означает в общественном сознании социальную эффективность права.

Существенной специфической особенностью российской правовой культуры можно считать неразвитость и поверхностный характер либеральных традиций. И это вполне объяснимо и закономерно. Будучи огромной евроазиатской державой, Россия, заключая в себе разнообразие различных национальных культур и одновременно являясь главной хранительницей святынь Православия, не могла впитать в себя основы западного плюрализма, угрожавшего ей распадом. Однако остается вопросом, является ли степень развития либерализма в обществе и соответствующий либерализм регулирования показателем социальной эффективности права.

Иногда в литературе упоминают такую черту политико-правовой культуры в современной России, как желание народа дистанцироваться от власти и стать объектом управления, вместо того, чтобы самому управлять общественными и государственными делами. Думается, что эту черту можно было бы назвать стремлением к политико-правовому делегированию. Очевидно, что политико-правовое делегирование является мощнейшим антифактором социальной эффективности права, поскольку подразумевает самоустранение народа от решения многих своих проблем, самоустранение от обустройства общественной жизни в

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Мартышин О.В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 25–26.

национальном масштабе. Поэтому вовлечение граждан и институтов гражданского общества в систему общественного управления остается актуальной задачей общественной жизни в современной России, в том числе в контексте обеспечения социальной эффективности права.

В современном российском обществе в общественном сознании возрастает расчет на власть как таковую, на ее силу, возможности и авторитет, а отсюда вытекает возвеличивание власти как самодостаточной социальной ценности. Именно власть с ее сильными и подчас жесткими действиями связывается в представлениях многих людей с образом «крепкой государственности», способной разрешить острые проблемы нашего развития.

Вот поэтому именно деятельность власти играет решающую роль в обеспечении социальной эффективности права, такая задача возлагается на власть общественным сознанием. Однако представляется необходимым более активно использовать потенциал гражданского общества, его институтов в поиске решений совместных проблем, проблем не только социальных, но и специфически правовых.

Очевидно, для того чтобы законодательство государства стало эффективным, само государство должно завоевывать авторитет и уважение «своих» этнических общностей. Такой авторитет должен являться итогом многолетней работы государственных структур по всесторонней поддержке и воспитанию членов общества, по внедрению в национальное сознание и общественную практику идеалов социального единства, солидарности, духовности, единства власти и народа. Это трудная, кропотливая работа, которая охватывает не одно поколение людей и включает правовую сферу приложения.

С нежеланием участвовать в управлении государством в правовой сфере во многом связаны и так называемые правовой нигилизм и правовой негативизм. Правовому нигилизму при этом даются самые различные определения в литературе. Так, В. А. Туманов дает следующее определение: «Правовой, или юридический, нигилизм есть скептическое и негативное отношение к праву вплоть до полного неверия в его потенциальные возможности решать социальные пробле-



мы»<sup>1</sup>. В коллективной монографии «Право и политика современной России» аналогичным образом определяется правовой негативизм<sup>2</sup>. По мнению В. В. Сорокина, правовой нигилизм связан с отрицанием социальной ценности права как таковой, а при правовом негативизме правонарушитель осознает ценность правового регулирования для общества, но его личные интересы в данный момент расходятся с общественными<sup>3</sup>. Б. А. Кистяковский в свое время указывал, что «широкими кругами нашего общества право до сих пор не признавалось и не признается самостоятельной силой, регулирующей, направляющей, созидающей различные формы личной и общественной жизни, каковой оно является по своему подлинному существу»<sup>4</sup>.

По справедливому замечанию К. С. Аксакова, «Россия никогда не обоготворяла права, никогда не верила в его совершенство, совершенства от него не требовала», «смотрела на него как на дело второстепенное, считая первостепенным делом веру и спасение души»<sup>5</sup>. О. В. Мартышин в этом же ключе отмечает, что в России вера, истина, справедливость ставились религиозным сознанием выше закона, что по-своему верно, но в то же время легко может привести к правовому нигилизму, к желанию действовать на основе высших критериев и соображений в сфере, где должны царить законы<sup>6</sup>.

Нельзя не признать, что пренебрежительное отношение к законодательству даже при уважении к другим регуляторам является существенным антифактором его эффективности, в том числе социальной.

Однако, можно согласиться и с мнением В. В. Сорокина о том, что представление о России как о стране правового нигилизма исторически недостоверно и недобросовестно. Активно используя исконно русские слова «право», «справед-

---

<sup>1</sup> Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 20.

<sup>2</sup> Право и политика современной России / Н.В. Варламова, Е.А. Лукашева, Г.В. Мальцев, Г.И. Муромцев, и др. М.: Былина, 1996. С. 210.

<sup>3</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. С. 67.

<sup>4</sup> Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 381.

<sup>5</sup> Цит. по: Мартышин О.В. Указ. соч. С. 24.

<sup>6</sup> Мартышин О.В. Указ. соч. С. 25.

ливость», «управление», авторы не дают себе труда обнаружить, что эти понятия являются феноменом русской национальной правовой культуры<sup>1</sup>.

Вообще, если мы и можем говорить о правовом нигилизме как характеристике российского правового менталитета, то лишь по отношению к позитивному праву, его конкретным предписаниям, т.е. к результатам законотворческой деятельности государства как внешней силы, к законодательству. Согласно отечественной ментальной традиции право есть путь к правде, к справедливости и честности в человеческих отношениях, попадающих в сферу правового регулирования. Для русского рассудить по праву – значит рассудить по правде и справедливости. Поступить по праву – значит поступить по совести, по-честному. Так, в «глубинах» русской души право отождествляется с совестью, истиной, правотой. Это еще раз подчеркивает необходимость и обоснованность разграничения не только понятий «право» и «закон» применительно к российскому менталитету, но и понятий «эффективность норм законодательства» и «эффективность права», «социальная эффективность права».

Думается, что то, что некоторые авторы называют российским правовым нигилизмом, представляет собой, по сути, нигилизм законодательный, непризнание норм законодательства, неподчинение законам государства. И связан он в значительной мере, как представляется, с ущербностью и изъянами государственной политики, с отчуждением личности от государства, с игнорированием в законодательстве особенностей национального менталитета. Нигилизм по отношению к законодательству государства в значительной мере связан и с тем, что это законодательство не обладает ни надлежащей социальной ценностью, ни социальной эффективностью.

Вообще полагаю, что между социальной эффективностью западного права и социальной эффективностью права в современной России, помимо сходств, имеются и некоторые весьма значимые отличия. Если социальная эффективность западного права выступает как надлежащее обеспечение и надлежащая защита прав и свобод человека и гражданина, общества в целом, в том числе защита социаль-

---

<sup>1</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. С. 299.

ная, то эффективность права в его социальном измерении в России означает, помимо уже охарактеризованных ранее моментов, эффективное понуждение человека, в том числе государственного служащего, к исполнению своего долга, к гармоничному взаимодействию с другими членами общества.

Основа российского юридического устройства – не борьба за свои права, не самодовлеющая автономная личность, а взаимопомощь и солидарность людей, основанная на гражданском долге. И именно в этом контексте должна вестись работа по повышению социальной эффективности права, обеспечению реализации его требований.

В литературе справедливо отмечается, что «юридизм» русского права, его «техничность» – не в рациональном конструктивизме, а в особой социокультурной наполненности права. Юридизм русского права обусловлен синтезом таких черт правовой российской ментальности, как духовность и государственность, которая имеет форму права-долга, права-ответственности, и состоит этот юридизм прежде всего в направленности на установление духовно-гармоничных человеческих взаимоотношений на основе отказа от ярко выраженного индивидуализма (индивидуального эгоизма)<sup>1</sup>. Это предопределяет принципиально иную социокультурную направленность русского права и правосознания по сравнению с европейской традицией. Соответственно, это предопределяет и специфику в понимании социальной эффективности права, его социальных целей и социального назначения.

Социальная эффективность права в данном контексте будет выражаться в торжестве духовности, чувства долга и справедливости в общественной жизни и общественном сознании. По-иному должна и вестись работа по повышению социальной эффективности права. Думается, что на первый план по значимости для общественного существования и развития в России выходит не эффективность права как системы норм государства, т.е. не эффективность законодательства, а эффективность права как обеспечение созидательной, стабильной, согласованной

---

<sup>1</sup> Грещенко Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С. 308.

и солидарной жизни в рамках справедливого, духовного и традиционного порядка. Такая эффективность однозначно носит этносоциальный характер.

Российская ментальность ориентирована на поиск справедливости в социальной жизни больше в религиозных, духовных ценностях, чем в позитивном праве, законе. Последние не вызывают в сознании российского гражданина особых положительных чувств и эмоций, ибо в его представлении (ставшем ментальной установкой) в позитивном праве нельзя найти правду, справедливость. Для него право есть скорее средство, инструмент государственного принуждения, своеобразная юридическая «палка», имеющая, главным образом, один конец – кара, насилие, наказание, ответственность. И в гораздо меньшей степени законы государства выступают для общественного сознания в виде гуманных, справедливых правовых средств защиты личности.

В. Н. Синюков не без оснований указывает: «Русское правовое сознание не может сделаться подвластным праву как форме, пусть даже определяемой рационально выведенной естественной необходимостью»<sup>1</sup>. Именно Правда как традиционная нравственность русского народа выступает пределом, границей и эталоном Права, согласованным с Божественными заповедями<sup>2</sup>.

Это, как представляется, оказывает влияние и на степень и характер социальной эффективности права, его роль в общественной жизни.

К сожалению, реальностью современной общественной жизни стало падение авторитета и социальной ценности права в общественном сознании и в решении практических дел, общественное представление о бессилии права перед сложными и жестокими реалиями жизни, утрата веры в него как в универсальное и эффективное средство решения социальных проблем. Не снимая «вины» с самого действующего российского законодательства, хотелось бы заметить, что немалая доля ответственности за подобное положение дел лежит на государственных органах, применяющих соответствующие правовые предписания. И здесь еще раз

---

<sup>1</sup> Синюков В.Н. Российская правовая система: Введение в общую теорию. Саратов: Полиграфист, 1994. С. 216.

<sup>2</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. С. 353.

хотелось бы указать на необходимость формирования в национальном правосознании идеи авторитета права как средства решения социальных проблем и основополагающего социального регулятора. Это должно стать ментальной основой социальной эффективности права.

В литературе высказано мнение, что русская правовая культура отличается слабостью личностного и, следовательно, правового начала в культуре вообще; широким распространением неправовых регуляторов в обществе: моральных, морально-религиозных, корпоративных и т.д.; отрицательным отношением православной религии к фундаментальным устоям правового общества, а тем самым и праву, правовой культуре<sup>1</sup>. Думается, что это свидетельствует не об ущербности, а напротив, о разносторонности социального регулирования в России, его многоплановости. Очевидно, что гармоничное сочетание с другими социальными регуляторами этносов России является важным фактором социальной эффективности права. А осознание этой гармоничной связанности и взаимодополняемости в общественном сознании должно стать важным ментальным фактором социальной эффективности права.

Социальная эффективность права в значительной мере зависит от того, что И. А. Ильин назвал признанием права. Он писал: «Признание положительного права состоит в том, что человек, усмотрев с очевидностью его объективное содержание и его субъективное значение, добровольно вменяет себе в обязанность соблюдение его правил и воспитывает в этом направлении не только свои сознательные решения, но и свои непосредственные, инстинктивные хотения и порывы. Он совершает этим своеобразное духовное приятие положительного права, и это приятие требует особой зрелости ума и воли, особого равновесия души потому, что оно должно совершиться с отчетливым сознанием всегда возможных глубоких несовершенств положительного права»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Семитко А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108.

<sup>2</sup> Ильин И.А. О сущности правосознания // Теория права и государства / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 187.

Здесь мы подходим к важнейшему этносоциальному фактору социальной эффективности права – формированию гражданской и этносоциальной зрелости, предполагающей взвешенную оценку событий социальной жизни, стремление народа к конкурентному, но конструктивному развитию. Такая зрелость, помимо прочего, предполагает активную деятельность каждого гражданина и социума в целом по совершенствованию общественной жизни и ее правового регулирования.

Продолжим характеристику черт национального менталитета в контексте их влияния на социальную эффективность права. Р. С. Байниязов выделяет также такие черты психологии российской ментальности, как иррациональность, алогичность, импульсивность, внушаемость, наивная идеалистичность, стремление к справедливости, терпимость, тесная связь с религиозными ценностями<sup>1</sup>.

Представляется, что соответствие действующего законодательства народным представлениям о справедливости, а также основополагающим религиозным ценностям, прежде всего православным, является значимым этносоциальным фактором его социальной эффективности. В то же время такие черты, как импульсивность, внушаемость могут легко превратить общественное сознание в объект для манипуляций, в том числе правовыми средствами. Влияние же их на социальную эффективность права может быть как положительным, так и отрицательным.

Весьма существенными этническими факторами социальной эффективности права должны, как представляется, стать коллективизм и коллективный социальный контроль внутри этноса. К сожалению, характерной чертой многих современных обществ, в том числе российского, является ослабление коллективистских начал, инструментов коллективного социального контроля. При этом ослабление такого контроля обосновывается различными псевдодемократическими идеями, например, недопустимостью ограничения прав человека. Думается, что именно различные формы социального контроля не просто должны быть «прописаны» в нормах действующего законодательства, но и призваны стать препятствием про-

---

<sup>1</sup> Байниязов Р.С. Указ. соч. С. 39.

тив «социального сепаратизма» личности, злоупотреблений субъективными правами, подрывающих изнутри социальную эффективность права.

Другой этнической чертой русского народа выступает глубокая взаимосвязь социального уклада с духовными традициями и устоями. Русский народ характеризуется особенным одухотворенным смыслом и образом жизни. Душевность и духовность русских, имеющие корни в Православии, предполагают приоритет духовно-нравственных мотивов поведения по сравнению с мотивами материальными, экономическими, политическими и собственно правовыми. Как известно, именно православие дало русскому народу живое и глубокое чувство совести, справедливости и святости, верное осознание греха, дар покаяния, идею аскетического очищения, острое чувство Правды, а, следовательно – способность четкого различения правомерного и противоправного. Вот поэтому социальная эффективность права в России неотделима от духовности и нравственности действующего законодательства. Недаром в свое время К. С. Аксаков противопоставлял «внешнюю правду», «буржуазно-мещанскую» «вексельную честность» Западной Европы «внутренней правде – справедливости Руси»<sup>1</sup>.

Противопоставляя западное и российское мировоззрение, В. В. Сорокин верно замечает, что античный мир был носителем и выразителем культа закона. Закон был основной стихией, в которой вращались все его понятия и представления. Законнический тип мировосприятия порождал соответствующую юриспруденцию. Не так обстояло дело на Руси. В русской традиции нет и следа рационалистического формализма в правовой сфере, здесь разум и чувства не враждебны. Западные общества, являющиеся преемниками античного мира, проникнуты духом юрицизма, концепцией римского права, воспитывали своих граждан на принципах законничества. Западная культура является юридизированной, она никогда не была правовой; в ней делается ставка на юридическую властную волю и рационалистическое выражение нормативов поведения. Стихия любви и милосердия западной культуре чужда и непонятна, ей ближе стихия контракта, авторитета,

---

<sup>1</sup> Аксаков К.С. О русском воззрении // Русская идея / сост. М.А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 114.

покорения, конкуренции, лишённая совести и Бога. Западная юридическая (неправовая) культура запрограммирована на расчёт и пользу, выгоду и кару, сделки и формализм<sup>1</sup>.

В этой связи хотелось бы заметить, что при всех рассуждениях об «особом русском пути», «особой одухотворённости социальной жизни» и т.д. современному праву России невозможно не взаимодействовать с такими критикуемыми феноменами, как расчёт, выгода, сделки и т.д. Более того, самоустраняясь под предлогом некой самобытности от регулирования новых актуальных вопросов общественной жизни, право современной России обрекло бы себя на социальную неэффективность. И в данном контексте не всегда право должно подстраиваться под особенности национального правосознания, а наоборот, правосознание в целом ряде случаев должно адаптироваться к особенностям развития позитивного права.

Продолжим этнопсихологическую характеристику качеств русского человека, влияющих на социальную эффективность права в России. Как известно, проблема этносоциальных и психологических черт русского народа получила освещение ещё в дореволюционной отечественной литературе. Например, Н. О. Лосский указывал на такие черты, как искание абсолютного добра, доброта, широта души, но в то же время и недостаток самодисциплины<sup>2</sup>. И. А. Ильин, характеризуя кризис правосознания в современной ему России, писал, что «образованные» и необразованные круги народа одинаково не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний; они видят в нём неприятное стеснение, или в лучшем случае – удобное средство для защиты и нападения. Правосознание сводится к запасу непродуманных сведений из области положительного права и к умению «пользоваться» ими<sup>3</sup>.

Думается, что эта характеристика с известными оговорками относится в значительной мере и к современному российскому обществу. И государственной власти в связи с этим не просто есть над чем задуматься, организовав свое социаль-

---

<sup>1</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. 326–327.

<sup>2</sup> Цит. по: Барулин В.С. Российский человек в 20 веке. Потери и обретение себя. СПб.: Алетейя, 2000. С. 193

<sup>3</sup> Ильин И.А. Указ. соч. С. 167.



но-правовое взаимодействие с народом, а необходимо разработать государственную программу повышения уровня правосознания и правовой культуры, включающую как федеральный, так и региональный уровни. Соответствующие законодательные меры уже начинают приниматься, но этого явно недостаточно.

Интересным для изучения этнических характеристик эффективности, но не бесспорным, представляется мнение В. В. Сорокина о том, что главным недугом российской национальной ментальности является отсутствие не правосознания европейского типа, а творческого воспитания своего собственного и неповторимого правосознания, укорененного в сознании и психологии русского народа, в его этических, исторических, культурных и религиозных традициях<sup>1</sup>. В этом контексте можно утверждать, что отсутствие четких психологических ориентиров не может не сказываться негативно на эффективности права, прежде всего социальной. Однако нельзя согласиться с тезисом об отсутствии в российской ментальности собственного оригинального правосознания, и многочисленные научные труды по этой проблематике этот вывод успешно опровергают.

В литературе выделяется целый ряд других этнопсихологических черт русского народа, имеющих значение для обеспечения эффективности права, в том числе социальной. В. Ф. Степанов, рассматривая особенности и свойства российской государственности, ставит их в зависимость от особенностей государственного управления в России. Фактически же многие называемые им свойства государственности по сути являются особенностями русского национального сознания, в том числе политического и правового. Так, он выделяет следующие традиционные свойства российской государственности и особенности государственного управления в России:

1. Идеология мессианства, стремление к тотальной переделке общества, к строительству справедливого нового мира, отсутствие ориентации на длительную перспективу, стремление к форсированному успеху, внешнему блеску.

---

<sup>1</sup> Сорокин В.В. Указ. соч. С. 62.

2. Потребность в сильной власти; в силу исторических и географических причин поглощение общества государством и одновременное отчуждение народа и власти.

3. Неоформленность национального самосознания, склонность к бунту.

4. Слабое развитие правосознания, идей свободы личности и свободного труда.

4. Разъединенность общества, отсутствие постоянной и устойчивой консолидации в силу географических и иных причин.

5. Чрезмерный упор на коллективизм, агрессивное восприятие индивидуальности; дефицит инициативы, ответственности, самодеятельности.

6. В основном личностный характер служебных взаимоотношений и др.<sup>1</sup>

Думается, что, в противовес упомянутым весьма пессимистическим оценкам, идеалом общественного и правового развития, залогом эффективности права должно стать органичное соединение силы государства, его высокого авторитета с активностью институтов гражданского общества, правдолюбием и высокой нравственностью народа и возможностями для свободного развития личности.

Весьма интересную характеристику качеств русского народа, российской ментальности, в том числе современного периода, дает В. С. Барулин. В частности, он выделяет ряд качеств, объединяемых термином «комплекс долготерпеливости». Суть этого комплекса заключается в способности длительное время выносить трудности социального существования. Это означает, что при возникающих трудностях и сложностях жизни человек не впадает ни в депрессию отчаяния и разочарования, ни в экзальтацию борьбы, а продолжает, как и прежде, длительное время делать свое жизненное дело, несмотря на выпавшие на его долю невзгоды<sup>2</sup>. Еще В. Ключевский в этом плане отмечал: «В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и

---

<sup>1</sup> Степанов В.Ф. Российский менталитет и особенности российской государственности // Государство и право. 2007. № 4. С. 99.

<sup>2</sup> Барулин В.С. Указ. соч. С. 196.

более выносливого»<sup>1</sup>. Об этом же писал И. А. Сикорский: «Отличительную черту славянства составляет терпение. С психологической точки зрения терпение представляет собой напряжение воли, направленное к подавлению физического или нравственного страдания; отсутствие сентиментальности, стоическая покорность судьбе и готовность страдать – если это необходимо – составляют самый характеристический облик русского терпения. Терпение и покорность судьбе несомненно должны быть признаны за самые выдающиеся особенности русской души»<sup>2</sup>.

Можно указать в контексте нашего исследования на ряд недостатков этого комплекса. Дело в том, что способность человека адаптироваться к самым различным условиям ослабляет импульс к изменениям, в том числе прогрессивным, снижает его энергию и волю к преобразованию социальной действительности. Долготерпеливость становится основой социальной пассивности человека, его установки на то, чтобы удовлетворяться тем в социальной жизни, что есть. Фактически это значит определенное примирение с недостатками, изъянами, несправедливостями бытия. Этот комплекс социально опасен и в том смысле, что он является почвой для развития социальных противоречий до самых острых, критических состояний.

Необходимо заметить и то, что данный комплекс создает благоприятную почву для ущемления государством посредством законодательства прав и законных интересов человека, утраты регулятивной системой государства качеств антропологической и социальной адекватности, что ставит под сомнение обретение этой системой подлинной социальной эффективности, основанной на психологической солидарности общества, на авторитетности государства и права в обществе, на активном участии граждан в совершенствовании политической и правовой системы.

Представляется, что терпение не может и не должно составлять основу психологической реакции общества на право, правовые предписания, хотя в опреде-

---

<sup>1</sup> *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций: в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. С. 276.

<sup>2</sup> Цит. по: *Барулин В.С.* Указ. соч. С. 196.

ленных кризисных, экстремальных для государства условиях может стать значимым фактором эффективности права.

С комплексом долготерпеливости, на наш взгляд, связана и другая черта российской ментальности, с которой необходимо вести постоянную идеологическую борьбу – представления о светлом будущем, которое наступит помимо участия в этом конкретного человека. Как отмечал С. Л. Франк, «русские люди вообще имели привычку жить мечтами о будущем; и раньше им казалось, что будничная, суровая и тусклая жизнь сегодняшнего дня есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой-то случайной остановке поезда; но завтра или через несколько лет, словом, во всяком случае, в скором будущем все изменится, откроется истинная, разумная и счастливая жизнь, весь смысл жизни – в этом будущем, а сегодняшний день для жизни не в счет. Это настроение мечтательности и его отражение на нравственной воле, эта нравственная несерьезность, презрение и равнодушие к настоящему и внутренне лживая, неосновательная идеализация будущего – это духовное состояние и есть ведь последний корень той нравственной болезни, которую мы называем революционностью и которая загубила русскую жизнь»<sup>1</sup>. Н. А. Бердяев в свое время верно писал о том, что «русский народ, по своей вечной идее, не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему, к Новому Иерусалиму»<sup>2</sup>. Другими словами, существование народа и государства с его подчас несправедливым законодательством увязывалось с провозглашением их высокого предназначения, а высокая цель как бы оправдывала многие лишения политической и повседневной жизни, ошибки и злоупотребления в деятельности правящих структур. Часто необходимость установления и соблюдения каких-то правовых норм, в том числе социально защищающих личность, отходила в сторону во имя достижения этих провозглашаемых эфемерных ориентиров.

---

<sup>1</sup> Франк С.Л. Смысл жизни. М.: Изд-во Жизнь с Богом, 2004. С. 12.

<sup>2</sup> Бердяев Н.А. Русская идея // Самопознание: сочинения. М.: Эксмо-Пресс, 1998. С. 144.

В этой связи считаю, что значимым фактором социальной эффективности права должна стать пропаганда ежедневной конструктивной, социально полезной активности; постоянной целеустремленности; созидательности как неотъемлемых составляющих благополучия в будущем. Необходимо также разработать формы и методы борьбы с такими крайностями общественного правосознания, как, с одной стороны, революционность и нетерпимость, с другой – самодовольство, леность, отказ от саморазвития, самоанализа и социальной активности. Все это должно стать важным направлением повышения социальной эффективности права в контексте его мировоззренческой, ментальной основы.

Другой специфической и весьма интересной для данного исследования характеристикой российской ментальности в литературе считается так называемый силовой комплекс. Суть этого комплекса заключается в том, что в основу самоутверждения человека, его отношения к другим людям положена сила. Она может быть самой различной природы: физическая сила, сила власти, сила распоряжения определенными благами, сила запрета, сила репрессий, сила идей, сила традиций и т.д. Сопричастность человека этой силе, ощущение собственной силы – или слабости перед ней – может быть основой самооценки человека, его мироощущения, которые могут быть положены в основу отношения к другому как сильного к слабому. В данном комплексе сила может рассматриваться как критерий ценностных ориентаций человека, когда люди, явления рассматриваются как носители, воплощатели, символы силы<sup>1</sup>.

В этом же контексте поиск власти, престижа и обладания является путем избавления человека от психологического состояния тревожности. Ощущение власти может возникнуть у нормального человека благодаря реализации его сильного качества, будь то физическая сила, умственные способности, зрелость или мудрость<sup>2</sup>. Такой поиск власти, престижа и обладания характерен для массового российского правосознания, в том числе в современный период.

---

<sup>1</sup> Барулин В.С. Указ. соч. С. 199.

<sup>2</sup> Хорни К. Невротическая личность нашего времени: собр. соч. В 3х тт. М.: Смысл, 1993. Т. 1. С. 393.

Очевидно, что социальная эффективность права в любом государстве не должна основываться на силовом комплексе. Самореализация личности, социальных групп, общества в целом посредством права, составляющая основу его социальной эффективности, должна базироваться не на силе, а на принципах права, на созидательности и взаимопомощи. Опора норм законодательства на силу государства должна носить вспомогательный, субсидиарный характер, в том числе в общественном сознании. Главным должно стать представление о социальной ценности и необходимости права как интегрирующей силы общества, инструмента решения социальных проблем.

К другим чертам российской ментальности (к слову, с разной степенью обоснованности) относят культ лидера, причем нередко харизматического плана, трудолюбие, привычку к общинно-коллективным, совместным формам труда, идеалистически-романтическое восприятие мира, склонность подчиняться власти и органическое недоверие к ней, низкий уровень социальных потребностей и т.д.

Правосознание российских граждан, по справедливому замечанию О. В. Соловьевой, основывается на практике социальных отношений, и расхождение между «нормативным» (предписываемым законом) и «обыденным» правосознанием в немалой степени отражают разрыв между законом и жизнью. Изучение этих расхождений, по ее мнению, – важная задача социальной психологии, имеющая значение для совершенствования практики законотворчества<sup>1</sup>. Однако такие расхождения мало изучить и выявить. Их необходимо еще и эффективно и в наибольшей степени социально безболезненно преодолеть. Поиск путей такого преодоления, в том числе в контексте повышения социальной эффективности права, является насущной задачей юридической науки и практики.

Вызывают возражения упоминаемые иногда в литературе такие этнические характеристики, как склонность к анархизму и бунту, низкий уровень самоуважения и самооценки, а также сочетание милосердия и в то же время жестокости, от-

---

<sup>1</sup> Соловьева О.В. Современное правовое пространство: социально-психологические проблемы // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 275.

существование способности оценить в себе и в другом свободного автономного субъекта, обладателя определенных незыблемых прав и др.

Важнейшей этнической основой социальной эффективности права в современной России должен стать называемый так в литературе комплекс трудящегося. Суть развития этого комплекса в том, чтобы «каждый человек стремился максимально интенсифицировать свои созидательные силы, чтобы эти силы развивались в сторону самостоятельности, инициативности, предприимчивости, ответственности»<sup>1</sup>. Этот комплекс призван стать, как представляется, одной из этносоциальных основ не только эффективности права, но и всего социального развития, хотя предложенное название этой специфической этносоциальной черты, на мой взгляд, не слишком удачно.

Весьма безрадостную картину в отношении особенностей национального менталитета рисует Р. С. Байниязов, по мнению которого современному российскому менталитету присуща не только политическая демагогия и популизм, но и эклектичность воззрений, представлений, взглядов, идей. До сих пор обществу непонятны цели государственного строительства. Власть, по его мнению, не дает на этот вопрос конкретного ответа, ограничиваясь ссылкой на переходный характер нынешнего этапа развития общества, что усиливает неверие народа в эффективность власти<sup>2</sup>.

Думается, что картина, нарисованная Р. С. Байниязовым более 15 лет назад, для настоящего времени чересчур пессимистична и вообще исключает какую бы то ни было эффективность права. Также нельзя согласиться с ним в вопросе относительно «целей государственного строительства». Каковы должны быть эти цели, где они должны быть закреплены, насколько все это будет способствовать социальной эффективности права, – эти вопросы остаются у него открытыми.

Однако, несомненно то, что формирование представлений о целях общества и государства в народном правосознании является важным фактором обеспечения

---

<sup>1</sup> Барулин В.С. Указ. соч. С. 380.

<sup>2</sup> Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Правоведение. 2000. № 2. С. 40.

социальной эффективности права, в том числе на современном этапе социального развития.

Хотелось бы также заметить, что борьба за повышение социальной эффективности права в современной России неотделима от работы с саморегуляционной системой личности. Развитие самоконтроля, самодисциплины, психологическая помощь гражданам в рамках этноса должны находиться в сфере постоянного внимания государства и институтов гражданского общества. Необходимо также формирование уважения к институту частной собственности и комплексу обязательств, связанных с осуществлением права собственности и иных вещных прав. Данные особенности, не получившие развития в национальном менталитете, должны целенаправленно формироваться. Полагаю, это станет одним из факторов повышения социальной эффективности права.

Подведем некоторые итоги. Россия, заключая в себе множество различных национальных культур и одновременно являясь главной хранительницей святынь Православия и основ русского менталитета, не может в современных условиях позволить себе западного культурного плюрализма, грозящего ей социальным и нравственным распадом. Не может стать такой плюрализм и основой социальной эффективности права.

В то же время в культурном и политико-правовом плане конец 20 – начало 21 века отмечены в России новой мощной волной глобализации и вестернизации. Результатом этой волны явилось не только свободное приобщение определенных групп российского общества к мировой культуре, но и глубокий кризис нравственных устоев народа, которому навязываются худшие образцы массовой культуры и западного образа жизни, имеющего и правовое оформление. В этих условиях подрываются основы для этносоциальной эффективности права, законодательство теряет авторитет в общественном правосознании. Все это вновь ставит на повестку дня вопрос о необходимости критического анализа предлагаемых социальных, идеологических и правовых нововведений, о переосмыслении вопросов взаимодействия правовой системы России с международным правом, в том числе в контексте необходимости обеспечения социальной эффективности права.



В современной России анализ народного менталитета, изменений в массовом правосознании и образе жизни становится насущной необходимостью не только для социологии и социальной психологии, но и для юриспруденции, в том числе для выявления и формирования этнопсихологических факторов социальной эффективности права.

В настоящее время в России сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеет к патриархально-коллективистской модели ценностей<sup>1</sup>. Естественно, в этих условиях особую остроту приобретают проблемы поиска обеспечения единой сбалансированной ценностной основы, ценностной составляющей социальной эффективности права, основанной на общественном консенсусе и компромиссе.

Важнейшая задача государства и права на современном этапе развития России – сознательное, целенаправленное формирование общественного, в том числе национального правосознания. Перспективы развития права и в нынешнюю эпоху, и в последующее время связаны с обогащением права социальными и духовными ценностями. Можно говорить об обогащении права духовно-социальными и этническими ценностями как о важном ценностном показателе повышения его социальной эффективности.

Глобализация и универсализация общей и правовой культуры, американский «культурный империализм» ведут к упрощению и стандартизации многих мировых культур, культуры вообще. В этом плане российский опыт непрерывного духовного и культурного поиска может оказаться гораздо более ценным, чем уподобление чуждым для русской культуры культурно-правовым образцам и различного рода «догоняющим стратегиям» либо их огульная критика.

Попытки «привить» российской культурной и правовой действительности западные либеральные политико-правовые ценности привела по сути к домини-

---

<sup>1</sup> Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОССПЭН, 2000. С. 363.

рованию индивидуалистических теоретических конструкций приоритета прав человека над любой социальной общностью и господства гражданского общества над государством. Следовательно, серьезной проблемой для теоретико-правовой науки является проблема теоретического обоснования соотношения прав личности, с одной стороны, и государственного и общественного интереса, – с другой, которая, по-видимому, в нашей стране должна решаться исходя из приоритета последнего, исходя из особенностей национально-исторических традиций.

Общество обладает сложной неоднородной структурой, включает малые и большие группы, объединенные по различным признакам, в том числе этническим. В этих условиях полное соответствие принимаемых норм интересам всех социальных групп, их культуре и ожиданиям становится весьма проблематичным. В то же время представляется вполне возможным учитывать некоторые общие тенденции в развитии массового правосознания, отслеживать эволюцию социальных и групповых интересов и ожиданий. Думается, что общественные обсуждения, семинары и консультации по вопросам социальных ожиданий, идеалов, ценностных ориентаций с участием представителей правотворческих органов, научных и этнических общественных организаций должны стать постоянными на федеральном и региональном уровнях и сопровождаться выработкой конкретных рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Итак, социальная эффективность права имманентно включает этническую составляющую, поскольку, когда мы говорим о социуме, мы имеем в виду общество, созданное определенным этносом или группой этносов, объединенное общей культурой и менталитетом.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Происходящие в современном мире процессы глобализации и распространения «массовой культуры», роста социальной конфликтности оказывают противоречивое влияние на правовые системы стран мира, в т.ч. российскую. Усиление регламентации и унификация социальной жизни сопровождаются нивелировкой личности, формированием «технического», стандартизированного государством человека. Усиливается и сам «технизм» права. Это приводит к тому, что право отрывается от своих этносоциальных основ, да и сам социальный характер эффективности права ставится под угрозу выхолащивания.

Все это требует комплекса мер по преодолению взаимоотношения личности, общества и права; общества и государства. Формализованное, массовое, упрощенное «техническое» право, применяемое для решения узкопрагматических задач, должно уступить место живому подлинно социальному и человеческому праву для свободного и созидательного общения людей и их общностей.

Эффективность права в современном мире представляет собой многогранный феномен, включающий, помимо прочего, и социальные аспекты. Исследование проблем эффективности права и его отдельных предписаний требует новых методологических подходов, связанных, прежде всего с изучением социальных, корпоративных аспектов данной проблемы, преодолением экономического детерминизма в объяснении правовых явлений. Изучение социальных характеристик эффективности права неотделимо от анализа функционирования институтов гражданского общества, оценки социального содержания тех целей, которые поставлены государством на данном этапе исторического развития. Важную роль в этом плане должно сыграть применение методологии, связанной с исследованием потребностей, социальных интересов, а также этнографических методов, касающихся изучения этнических аспектов социальной эффективности права, особенностей быта, культуры, менталитета народа.

Социальная эффективность является существенной характеристикой действия права, правовых учреждений и неразрывно связана с выполнением правом своего социального, духовного, культурного назначения. При этом социальная эффективность права может рассматриваться в узком и широком смысле. В узком смысле социальная эффективность – это достижение с помощью права, правовой системы в целом и ее элементов социальных целей, достижение социально значимых результатов. В широком смысле – это обеспечение посредством права социально полезного и социально гармоничного существования личности; обеспечение гармоничного взаимодействия личности и общества в рамках данного правового порядка.

Социальная эффективность права может быть охарактеризована целым рядом показателей. *Во-первых*, в качестве такового необходимо рассматривать появление с помощью права новых социальных связей, объединений и институтов. *Во-вторых*, социальная эффективность предполагает результативное обеспечение посредством права беспрепятственного и справедливого доступа к социальным благам, их получению и распределению. *В-третьих*, показателем социальной эффективности права является эффективное функционирование существующих общественных институтов, например, общественных объединений, трудовых коллективов, государственного аппарата и т.д. Вопрос о показателях социальной эффективности права требует дальнейшей разработки, в том числе и для выделения новых показателей и оптимизации правового регулирования социальной жизни.

В контексте современного социально-правового развития России мы попытались определить наиболее важные критерии социальной эффективности права. Главным поведенческим критерием социальной эффективности права выступает развитие социально полезной активности, обеспечение и успешная организация социально полезной деятельности субъектов права, в том числе этнических и иных социальных общностей. Целевым критерием социальной эффективности права может считаться обеспечение им сплоченности общества, его направленности на решение общих задач. Психологическим критерием социальной эффективности права считаем его признание в общественном сознании, признание его вер-

ховенства и значимости, уважение права личностью, социальными группами, обществом.

В качестве других критериев социальной эффективности права могут рассматриваться: снижение уровня неконструктивной конфликтности в обществе, что выражается в уменьшении количества актов государственного и иного социального принуждения; соответствие действующего законодательства социальным потребностям и интересам, потребностям общественного развития на соответствующем историческом этапе; наличие возможности социального выбора, выбора социальных статусов; реальная социальная защищенность личности, в том числе юридическая и др.

Итак, социальная эффективность включает в себя и удовлетворение посредством права и его норм социальных интересов, и обеспечение сбалансированности и минимальной конфликтности социальной жизни, и эффективное стимулирование социально полезной активности личности и социальных групп. Социальную эффективность права можно также рассматривать в ценностном аспекте, как результативность правового воздействия на социальные ценности.

Для более успешной работы по повышению социальной эффективности права существенное значение имеет классификация ее видов. Так, в рамках классификации видов социальной эффективности права необходимо выделить этносоциальную эффективность. Она будет означать гармоничное существование различных этнических групп в рамках данного правового порядка на основе норм действующего права. Другой разновидностью социальной эффективности следует считать аксиологическую (ценностную). В данном случае имеется в виду эффективное выражение и защита действующим правом существующих социальных ценностей. Разновидностью социальной эффективности права может считаться и социально-психологическая. Она выражается в признании права в общественном сознании, в психологическом принятии его как справедливого и действенного регулятора общественных отношений. Еще одну разновидность социальной эффективности права можно выделить в связи с удовлетворением посредством права потребностей и интересов индивидов и социальных групп.

Одной из классификаций видов социальной эффективности права должно стать разграничение социально-регулятивной, социально-охранительной, социально-воспитательной эффективности. В первом случае мы говорим об эффективном регулировании социальных процессов, общественных отношений, во втором – об их эффективной охране, в третьем – об эффективном воспитании членов общества посредством права и иных элементов правовой системы.

Выделение видов социальной эффективности должно способствовать более избирательному воздействию на те или иные социальные и психические процессы в целях повышения социальной эффективности права.

Сегодня в литературе широко обсуждаются проблемы качества законодательства, его социальной ценности, действенности и т.д. В то же время, на наш взгляд, действующее законодательство должно обладать еще одним важным свойством – социальной адекватностью. Под социальной адекватностью при этом понимается соответствие норм действующего права основополагающим качествам и потребностям общества и человека, их сущностным характеристикам, в т.ч. ментальным, социальному характеру, требованиям социальной солидарности и гармоничности.

Современное общество характеризуется кардинальными изменениями образа жизни, ценностных ориентаций, социальной структуры. Это сопровождается кризисом целого ряда социальных институтов, изменением соотношения социальных регуляторов. Все это накладывает отпечаток на социальную эффективность права и выбор путей и форм ее повышения. Важнейшую роль в этом процессе призваны играть и институты гражданского общества. Воспитание культуры социальных потребностей, целенаправленное формирование комплекса социальных потребностей и интересов должны стать постоянной составляющей деятельности государства и общества.

В дальнейшей разработке нуждается теория факторов социальной эффективности права и его норм. При этом необходимо разграничить факторы эффективности права в целом, в т.ч. эффективности социальной, и факторы эффектив-

ности конкретных норм права. В отношении социальной эффективности права в целом мы получаем следующую классификацию факторов:

1. связанных с деятельностью государства, его правотворческих и правоприменительных органов;

2. относящихся к функционированию институтов гражданского общества и корпоративному регулированию;

3. относящихся к развитию этноса и межэтническому взаимодействию;

4. связанных с правосознанием и правовой культурой (психологические).

Итак, социальная эффективность представляет собой не только значимую разновидность эффективности права, но и важнейшую цель всего правового развития современной России и существенный критерий успешности государственной деятельности в правовой сфере. Поэтому проблемы обеспечения социальной эффективности права нуждаются не только в дальнейшем научном исследовании, но и в практическом разрешении в деятельности общества и государства, функционировании правовой системы.

## **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**

### **Нормативные акты и иные официальные документы**

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 15. – Ст. 1691.
2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7598.
4. О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 25.12.2013 г. // Кубанские новости. – 2013. – № 241.
5. Основы государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Указом Президента Российской Федерации от 28.04.2011 г. № Пр-1168 // Рос. газ. – 2011. – 14 июля.
6. О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 26 мая 2009 г. № 599 // Рос. газ. – 2009. – 29 мая.

### **Комментарии законодательства, учебники, учебные пособия, справочная литература, энциклопедии**

7. Гревцов, Ю.И. Социология права: курс лекций / Ю.И. Гревцов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 312 с.



8. Грибакин, А.В. Введение в философию права: курс лекций / А.В. Грибакин. – Екатеринбург: Изд-во УргЮА, 1999. – 140 с.
9. Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – 272 с.
10. Керимов, Д.А. Проблемы общей теории права / Д.А. Керимов. – М.: СГУ, 2000. – 180 с.
11. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций в трех книгах / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – Кн. 1. – 583 с.
12. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб: РОССПЭН, 2003. – 520 с.
13. Кудрявцев, В.Н. Современная социология права: учеб. / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
14. Лапаева, В.В. Социология права / В.В. Лапаева. – М.: Норма, 2008. – 314 с.
15. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие / М.Н. Марченко. – М.: Юристъ, 2001. – 656 с.
16. Морозова, Л.А. Теория государства и права: учеб. / Л.А. Морозова. – М.: Юрист, – 2002. – 414 с.
17. Общая теория государства и права. Академический курс: учеб. для ВУЗов: в 2 томах / под ред. М.Н. Марченко. – М.: Педагогическое общество России, 1998. – Т.2. – 48 с.
18. Политическая мысль 2й половины 20 века: хрестоматия для студентов вузов / сост. В.А. Мальцев. – Пермь: ИПК «Звезда», 1999. – 599 с.
19. Политическая и экономическая этика: учеб. пособие / пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. – М.: Гранд-Фаир, 2001. – 368 с.
20. Проблемы общей теории права и государства: учеб. / под ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2002. – 832 с.
21. Синюков, В.Н. Российская правовая система: введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – Саратов: Полиграфист, 1994. – 495 с.

22. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права: учеб. / Л.И. Спиридонов. – М.: ПБОЮЛ Захаров М.А., 1999. – 304 с.
23. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997. – 672 с.
24. Теория государства и права: хрестоматия: в 2 томах / сост. В.В. Лазарев, С.В. Липень. – М. Юристъ, 2001. – Т. 2. – 620 с.
25. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб: Издательство «Лунь», 1998. – 224 с.
26. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 336 с.
27. Фатхутдинов, Р.А. Управленческие решения: учеб. для вузов / Р.А. Фатхутдинов. – М.: Инфра-М, 2002. – 314 с.
28. Философия права: учебник / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др.; под ред. О.Г. Данильяна. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 416 с.
29. Хутыз, М.Х. Энциклопедия права: учеб. пособие / М.Х. Хутыз, П.Н. Сергейко. – М.: Былина, 1995. – 158с.
30. Эндрейн, Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования: учеб. пособие / Ч.Ф. Эндрейн. – М.: Инфра-М, Весь мир, 2000. – 318 с.

### **Монографии, научные статьи, тезисы выступлений**

31. Аксаков, К.С. О русском воззрении / К.С. Аксаков // Русская идея / сост. М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – С. 110–118.
32. Александров, Н.Г. Правовые и производственные отношения / Н.Г. Александров // Вопросы философии. – 1957. – № 1. – С. 14–26.
33. Алексеев, С.С. Социальная ценность права в советском обществе / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 223 с.

34. Арановский, К.В. Мифология и мировоззрение в соотношении с государственно-правовым регулированием / К.В. Арановский // Журнал Российского права. – 2002. – № 9. – С. 84–92.
35. Атаманчук, Г.В. Управление – социальная ценность и эффективность / Г.В. Атаманчук. – М.: РАГС, 2006. – 346 с.
36. Байниязов, Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31–40.
37. Баранов, В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В.М. Баранов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 400 с.
38. Баранов, В.М. Стратегия правотворчества современной России: понятие, технико-юридическое оформление, эффективность реализации / В.М. Баранов // Юридическая техника. – 2015. – № 9. – С. 29–45.
39. Барулин, В.С. Российский человек в 20 веке. Потери и обретение себя / В.С. Барулин. – СПб.: Алетейя, 2000. – 431 с.
40. Бачинин, В.А. Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия / В.А. Бачинин // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 27–29.
41. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
42. Бердяев, Н.А. Самопознание: Сочинения / Н.А. Бердяев. – М.: Эксмо-Пресс, 1998. – 624 с.
43. Бердяев, Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии / Н.А. Бердяев // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. – Л.: Лениздат, 1991. – 440 с.
44. Бобнева, М.И. Психологические механизмы регуляции социального поведения / М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. – М.: Наука, 1979. – 339 с.
45. Бобнева, М.И. Психологические механизмы регуляции социального поведения / М.И. Бобнева, ред. Е.М. Шорохова. – М.: Наука, 1979. – 339 с.
46. Бобнева, М.И. Социальные нормы и регуляция поведения / М.И. Бобнева. – М.: Наука, 1978. – 312 с.

47.Бойков, В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации / В.Э. Бойков // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 27–35.

48.Бошно, С.В. Проект закона о нормативных правовых актах: столкновение правотворчества, теории и практики / С.В. Бошно // Государство и право. – 2015. – № 11. – С. 14–23.

49.Власенко, Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению / Н.А. Власенко // Журнал Российского права. – 2013. – № 8. – С. 43–54.

50.Гершензон, М.О. Творческое самосознание / М.О. Гершензон // Манифесты русского идеализма. – М.: Астрель, 2009. – С. 515–518.

51.Горшков, М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ) / М.К. Горшков. – М.: РОССПЭН, 2000. – 384 с.

52.Графский, В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект / В.Г. Графский // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 49–64.

53. Гриценко, Г.Д. Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы разрешения / Г.Д. Гриценко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 357 с.

54. Гриценко, Г.Д. Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты / Г.Д. Гриценко. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – 228 с.

55.Гуляихин, В.Н. Генезис теории правовой социализации / В.Н. Гуляихин // Журнал Российского права. – 2013. – № 5. – С. 48–56.

56.Гурвич, Г.Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права / Г.Д. Гурвич, пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной // Философия и социология права: избранные сочинения. – СПб: ИД Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – С. 214–470.

57.Гусейнов, А.И. Проблема ценностей в праве / А.И. Гусейнов // Право и политика. – 2007. – № 7. – С. 14–22.

58. Долгова, А.И. Правосознание как условие эффективности закона / А.И. Долгова // Эффективность применения уголовного закона. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 69–78.

59. Жинкин, С.А. Вопросы классификации видов эффективности норм права / С.А. Жинкин, С.И. Пунченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 3. – С. 38–40.

60. Жинкин, С.А. О разграничении юридической и социальной эффективности правовых норм / С.А. Жинкин, С.И. Пунченко // Перспективы взаимодействия национальных правовых систем в условиях глобализации и регионализации: Сборник научных статей по материалам 5й Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону: РГЭУ, 2010. – С. 49–50.

61. Жинкин, С.А. О социальной эффективности права в современных условиях / С.А. Жинкин, С.И. Пунченко // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2013. – № 1–2. – С. 43–46.

62. Жинкин, С.А. О социальной эффективности права в условиях глобализации / С.А. Жинкин, С.И. Пунченко // Общество и право. – 2012. – № 1(38). – С. 19–21.

63. Жинкин, С.А. О социальных и экологических аспектах эффективности права / С.А. Жинкин, С.И. Пунченко // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы международной научно-практической конференции, посвященной подготовке 22х Олимпийских зимних и 11х Паралимпийских зимних игр 2014г. в г. Сочи / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. – Краснодар: КубГУ, 2011. – С. 454–457.

64. Жинкин, С.А. Психологические проблемы эффективности права / С.А. Жинкин. – СПб: Юридический центр Пресс, 2009. – 490 с.

65. Закомлистов, А.Ф. Юридическая философия / А.Ф. Закомлистов. – СПб: Юридический центр Пресс, 2003. – 548 с.

66. Ивашевский, С.Л. Идеальная сущность права: постановка проблемы / С.Л. Ивашевский // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 108–114.

67. Игнатенко, В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях / В.В. Игнатенко. – Иркутск: ИГЭА, 1998. – 312 с.
68. Иконицкая, И.А. Проблемы эффективности в земельном праве / И.А. Иконицкая. – М.: Наука, 1979. – 181 с.
69. Ильин, И.А. Теория права и государства. / И.А. Ильин, под ред. В.А. Томсинова / И.А. Ильин. – М.: Зерцало, 2003. – 400 с.
70. Инкельс, А. Личность и социальная структура / А. Инкельс // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. – М.: Прогресс, 1965. – С. 288–294.
71. Исаев, И.А. Господство: очерки политической философии / И.А. Исаев. – М.: Норма, 2008. – 352 с.
72. Казакевич, Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии / Т.А. Казакевич. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1969. – 96 с.
73. Казимирчук, В.П. Социальный механизм действия права / В.П. Казимирчук // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 37–44.
74. Казимирчук, В.П. Социологические исследования в праве: проблемы и перспективы / В.П. Казимирчук // Советское государство и право. – 1967. – № 10. – С. 37–45.
75. Калмыков, Ю.Х. О повышении эффективности норм гражданского законодательства / Ю.Х. Калмыков // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 41–47.
76. Канапа, Ж. Социальная доктрина церкви и марксизм / Ж. Канапа; пер. с франц.: С. Ф. Баланика, В. М. Пасики, Э. М. Пчелкиной. – М.: Изд-во «Прогресс», 1964. – 415 с.
77. Капустина, М.А. Правовое регулирование в обществе: механизм, сфера воздействия / М.А. Капустина // Право и общество: от конфликта к консенсусу. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 107–119.
78. Керимов, Д.А. Категория цели в советском праве / Д.А. Керимов // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 31–37.
79. Кистяковский, Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский. – СПб: РХГИ, 1999. – 800 с.

80. Ковалев, В.И. Мотивы поведения и деятельность / В.И. Ковалев. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
81. Козлов, В.А. К вопросу о понятии эффективности права / В.А. Козлов // Вестник ЛГУ. – 1972. – № 5. – С. 109–111.
82. Козловски, П. Общество и государство: неизбежный дуализм / П. Козловски. – М.: Республика, 1998. – 368 с.
83. Косарев, А.И. Государство и право в идеологии оптимизма / А.И. Косарев // Новая правовая мысль. – 2006. – № 5. – С. 2–4.
84. Кудрявцев, В.Н. Преступность и нравы переходного общества / В.Н. Кудрявцев. – М.: Гардарики, 2002. – 238 с.
85. Кульчар, К. Основы социологии права / К. Кульчар. – М.: Прогресс, 1981. – 256 с.
86. Кхол, Й. Эффективность управленческих решений / Й. Кхол. – М.: Прогресс, 1975. – 205 с.
87. Лазарев, В.В. Инструментальный подход к праву / В.В. Лазарев // Труды Московской государственной юридической академии: сборник статей. – 2003. – № 10. – С. 94–99.
88. Левин, К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин. – СПб: Речь, 2000. – 407 с.
89. Лейст, О.Э. Сущность права: проблемы теории и философии права / О.Э. Лейст. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – 288 с.
90. Лескова, И.В. Социокультурная идентичность и правовое воспитание личности / И.В. Лескова // Государство и право. – 2007. – № 4. – С. 91–98.
91. Ллойд, Д. Идея права / Д. Ллойд; пер. с англ. М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева. – М.: Югона, 2004. – 416 с.
92. Лукашева, Е.А. Социалистическое право и личность / Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1987. – 160 с.
93. Малько, А.В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления / А.В. Малько // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 5–13.

94. Малько, А.В. Правовая жизнь общества: дискуссионные аспекты понимания / А.В. Малько // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 17–26.
95. Малько, А.В. Правовая политика современной России: цели и средства / А.В. Малько, К.В. Шундилов // Государство и право. – 2001. – № 7. – С. 15–22.
96. Мальцев, В.А. Право как нормативно-деятельностная система / В.А. Мальцев // Правоведение. – 2003. – № 2. – С. 14–27.
97. Мальцев, Г.В. Социалистическое право и свобода личности / Г.В. Мальцев. – М.: Юрид. лит., 1968. – 143 с.
98. Марочкин, С.Ю. Проблема эффективности норм международного права / С.Ю. Марочкин. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, – 1988. – 147 с.
99. Мартышин, О.В. О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 24–30.
100. Мартышин, О.В. Совместимы ли основные типы понимания права? / О.В. Мартышин // Труды Московской государственной юридической академии: сб. статей. – М.: Издательство «Наука», 2003. – № 10. – С. 13–21.
101. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 294 с.
102. Митрошенков, О.А. Социальная политика в России: мегатенденции 1999-2010 гг. / О.А. Митрошенков // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 1. – С. 55–70.
103. Мордовцев, А.Ю. Национальный правовой менталитет / А.Ю. Мордовцев. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002. – 200 с.
104. Морозова, И.С. Льготы в российском праве: проблемы эффективности / И.С. Морозова // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 93–100.
105. Мунье, Э. Персонализм / Э. Мунье. – М.: Искусство, 1992. – 128 с.
106. Мясищев, В.Н. Проблема потребностей в системе психологии / В.Н. Мясищев // Ученые записки ЛГУ. – 1957. – № 244. – Вып. 11. – С. 142–155.
107. Неновски, Н. Право и ценности: пер. с болгар. / Н. Неновски. – М.: Прогресс, 1987. – 245 с.



108.Никитинский, В.И. Эффективность норм трудового права / В.И. Никитинский. – М.: Юрид. лит., 1971. – 248 с.

109.Нудненко, Л.А. Личность в координатах модернизации взаимодействия гражданского общества и правового государства / Л.А. Нудненко // Государство и право. – 2015. – № 4. – С. 93–102.

110.Оболонский, А.В. Драма российской политической истории: система против личности / А.В. Оболонский. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. – 352 с.

111.Ойгензихт, В.А. Эффективность гражданского законодательства (актуальные вопросы) / В.А. Ойгензихт; ред. В.П. Грибанов. – М.: Наука, 1984. – 191 с.

112.Орзих, М.Ф. Личность и право / М.Ф. Орзих. – М.: Юрид. лит., 1975. – 112 с.

113.Орлова, О.В. Личность – основная ценность гражданского общества / О.В. Орлова // Государство и право. – 2015. – № 8. – С. 110–114.

114.Ортега-и-Гассет, Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Радуга, 1991. – 639 с.

115.Ошеров, М.С. Общественное мнение и право / М.С. Ошеров, Л.И. Спиридонов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1985. – 192 с.

116.Парыгин, Б.Д. Основы социально-психологической теории / Б.Д. Парыгин. – М.: Мысль, 1971. – 352 с.

117.Пашков, А.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) / А.С. Пашков, Л.С. Явич // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.

118.Пашков, А.С. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / А.С. Пашков, Д.М. Чечот // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.

119.Пермяков, Ю.Е. Основания права / Ю.Е. Пермяков. – Самара: Универс-Групп, 2003. – 496 с.

120.Петрухин, И.Л. Человек как социально-правовая ценность / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 83–90.

121. Подгурецкий, А. Очерк социологии права / А. Подгурецкий. – М.: Прогресс, 1974. – 328 с.

122.Поленина, С.В. Качество закона и эффективность законодательства / С.В. Поленина. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 56 с.

123.Право и политика современной России / Н.В. Варламова, Е.А. Лукашева, Г.В. Мальцев, Г.И. Муромцев и др. – М.: Былина, 1996. – 215 с.

124.Психологические проблемы социальной регуляции поведения / под ред. М.И. Бобневой, Е.В. Шороховой. – М.: Наука, 1976. – 368 с.

125.Пунченко, С.И. Вопросы исследования социальной эффективности права и его норм / С.И. Пунченко // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Выпуск 10. – С. 196–201.

126. Пунченко, С.И. Некоторые проблемы социальной эффективности права в условиях глобализации / С.И. Пунченко // Актуальные вопросы современной науки. Материалы 2й Международной научно-практической конференции. – Краснодар: КубГУ, 2012. – С. 194–198.

127.Пунченко, С.И. О социальной эффективности норм права / С.И. Пунченко // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 35–38.

128.Пунченко, С.И. О социальных аспектах понятия эффективности права / С.И. Пунченко // Проблемы развития правовой системы России: материалы 1 Международной научно-практической конференции. 21 апреля 2015 г. – Краснодар: КубГУ, 2015. – С. 41–45.

129.Пунченко, С.И. О юридической, социальной и иных видах эффективности норм права / С.И. Пунченко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2010. – № 4 (5). – С. 64–66.

130.Пунченко, С.И. Об актуальности исследования социальных аспектов эффективности права / С.И. Пунченко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2012. – № 1 (10). – С. 37–38.

131. Пунченко, С.И. Обеспечение социальной эффективности права в условиях трансформации современного российского общества / С.И. Пунченко // Эффективность права: проблемы теории и практики. Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 10–11 октября 2014 г. – Краснодар: КубГУ, 2014. – С. 263–269.

132. Пунченко, С.И. Проблемы социальной эффективности права в условиях глобализации / С.И. Пунченко // Черные дыры в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 45–47.

133. Пунченко, С.И. Трансформации современного общества и обеспечение социальной эффективности права / С.И. Пунченко // Общество и право. – 2014. – № 4 (50). – С. 45–47.

134. Рассолов, М.М. Актуальные проблемы теории государства и права / М.М. Рассолов, В.П. Малахов, А.А. Иванов. – М.: Юнити-Дана, 2010. – 448 с.

135. Савельева, Е.М. Проблемы совершенствования законодательной деятельности в России на федеральном уровне / Е.М. Савельева // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 3–10.

136. Самощенко, И.С. К методике изучения эффективности правовых норм / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский, А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1971. – № 9. – С. 70–78.

137. Семитко, А.П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки / А.П. Семитко // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 108–113.

138. Системность законодательства как фактор повышения его качества // Государство и право. – 2002. – № 8. – С. 5–15.

139. Скок, Н.В. Ценностные изменения современности: теоретический и прикладной аспект / Н.В. Скок // Право и политика. – 2009. – № 3. – С. 110–116.

140. Смирнова, М.Г. Стратегия закрепления социальных притязаний в праве / М.Г. Смирнова // Юридическая техника. «Стратегия, тактика, техника законодательства (взаимосвязь, инновационные достижения, ошибки)». – 2015. – № 9. – С. 711–719.

- 141.Собянин, С.С. Правовые основы социального развития субъектов Федерации / С.С. Собянин // Журнал Российского права. – 2005. – № 12. – С. 43–52.
- 142.Соловьева, О.В. Современное правовое пространство: социально-психологические проблемы / О.В. Соловьева // Социальная психология в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 272–286.
- 143.Сорокин, В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: монография / В.В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.
- 144.Сорокин, В.В. Правосознание в переходный период общественного развития / В.В. Сорокин // Журнал Российского права. – 2002. – № 10. – С. 59–70.
- 145.Социалистический образ жизни / Л.И. Абалкин, В.Г. Алексеева и др. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1984. – 318 с.
- 146.Социальные отклонения / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юрид. лит., 1989. – 368 с.
- 147.Степанов, В.Ф. Российский менталитет и особенности российской государственности / В.Ф. Степанов // Государство и право. – 2007. – № 4. – С. 99–104.
- 148.Стефаненко, Т.Г. Социальная психология в культурно-исторической перспективе / Т.Г. Стефаненко // Социальная психология в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 27–42.
- 149.Тихомиров, Ю.А. Механизм управления в развитом социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров, отв. ред. Б.М. Лазарев. – М.: Наука, 1978. – 336 с.
- 150.Тихомиров, Ю.А. Социальная концепция права: новый подход / Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба, Ф.В. Цомартова // Журнал Российского права. – 2014. – № 8. – С. 32–37.
- 151.Тихомиров, Ю.А. Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / Ю.А. Тихомиров. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 384 с.
- 152.Толстых, В.И. Образ жизни. Понятие, реальность, проблемы / В.И. Толстых. – М.: Политиздат, 1975. – 184 с.
- 153.Туманов, В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе / В.А. Туманов // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52–58.

154. Федосова, В.А. Эффективность действия норм советского государственного права / В.А. Федосова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 157 с.

155. Франк, С.Л. Смысл жизни / С.Л. Франк. – М.: Изд-во Жизнь с Богом, 2004. – 168 с.

156. Фромм, Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2005. – 572 с.

157. Хабриева, Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства / Т.Я. Хабриева // Журнал Российского права. – 2014. – № 8. – С. 5–15.

158. Хабриева, Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки / Т.Я. Хабриева // Журнал Российского права. – 2015. – № 8. – С. 5–14.

159. Хайрутдинова, Л.Р. Взаимодействие власти и общества или симптом мнимого диалога / Л.Р. Хайрутдинова // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 479–480.

160. Хорни, К. Невротическая личность нашего времени: Собр. соч. в 3-х томах / К. Хорни. – М.: Смысл, 1993. – Т. 1. – 294 с.

161. Честнов, И.Л. Теоретико-методологические основания взаимоотношения общества и права // Право и общество: от конфликта к консенсусу / И.Л. Честнов, под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 8–49.

162. Четвернин, В.А. Общество и государство: либертарно-юридическая интерпретация // Право и общество: от конфликта к консенсусу: монография / В.А. Четвернин, под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 50–76.

163. Шаргородский, М.Д. Право и объективные законы общественной жизни (к дискуссии об объективном и субъективном в праве) / М.Д. Шаргородский // Правоведение. – 1972. – № 5. – С. 96–106.

164. Шафиров, В.М. Право в человеческом измерении / В.М. Шафиров // Правоведение. – 2004. – № 3. – С. 198–213.

165.Шикин, Е.П. Факторы, определяющие эффективность норм права / Е.П. Шикин // Советское государство и право. – 1973. – № 5. – С. 104–107.

166.Шлыков, С.А. О содержании понятия эффективности правовых норм / С.А. Шлыков // Проблемы совершенствования советского законодательства. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1977. – № 8. – С. 17–29.

167.Шорохова, Е.В. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева. – М.: Наука, 1979. – 339 с.

168.Экимов, А.И. Побудительное воздействие правовых целей / А.И. Экимов // Вестник Ленинградского университета. Экономика, философия, право. – 1969. – № 11. – Вып. 2. – С. 97–103.

169.Эффективность действия правовых норм / Я.И. Гишинский, Е.Н. Ловчикова, Р.С. Могилевский и др.; отв. ред. Э.А. Фомин, Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. – 143 с.

170.Эффективность законодательства и современные юридические технологии: Материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов: Москва, 29-31 мая 2008 г./ отв.ред. И.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. – 366 с.

171.Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. – М.: Юрид. лит., 1980. – 280 с.

172.Юдин, Э.Г. Проблемы методологии системного исследования / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1970. – 456 с.

173.Явич, Л.С. Диалектика формы и содержания в праве / Л.С. Явич // Философские проблемы государства и права. Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. – С. 24–43.

174.Явич, Л.С. О философии права на 21 век / Л.С. Явич // Правоведение. – 2000. – № 4. – С. 4–33.

175.Явич, Л.С. Об исследованиях механизма действия права / Л.С. Явич // Советское государство и право. – 1973. – № 8. – С. 26–32.

176. Явич, Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений / Л.С. Явич. – М.: Госюриздат, 1961. – 171 с.

177. Яковлев, А.М. Право и социология / А.М. Яковлев; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Казимирчук. – М.: Наука, 1973. – 357 с.

178. Яковлев, А.М. Преступность и социальная психология. Социально-психологические закономерности противоправного поведения / А.М. Яковлев. – М.: Юрид. лит., 1971. – 248 с.

### **Диссертации, авторефераты диссертаций**

179. Бабаджанян, К.А. Взаимная ответственность личности и государства как основа гармонизации взаимоотношений между ними (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бабаджанян Кристина Аваковна. – Саратов, 2013. – 30 с.

180. Байниязов, Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.01 / Байниязов Рустам Сулейманович. – Саратов, 2006. – 53 с.

181. Белканов, Е.А. Структура и функции правосознания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Белканов Евгений Александрович. – Екатеринбург, 1996. – 23 с.

182. Васильева, Н.В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Васильева Наталья Васильевна. – Омск, 2013. – 23 с.

183. Воробьева, С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Воробьева Светлана Анатольевна – Челябинск, 2014. – 31 с.

184. Выходов, А.А. Социально-правовой механизм обеспечения прав личности в современной России (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ...

канд. юрид. наук: 12.00.01 / Выходов Александр Александрович. – Курск, 2013. – 26 с.

185.Даньшина, Н.А. Возможности и пределы государственного контроля над жизнедеятельностью общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Даньшина Наталья Анатольевна. – М., 2012. – 29 с.

186.Жинкин, С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.01 / Жинкин Сергей Алексеевич. – Краснодар, 2009. – 401 с.

187.Затонский, В.А. Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Затонский Виктор Александрович. – Саратов, 2008. – 54 с.

188.Маргушина, А.А. Правовой порядок и правовые ценности: институционально-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Маргушина Анна Александровна. – Краснодар, 2013. – 26 с.

189.Марина, И.Н. Средства повышения эффективности применения норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Марина Ирина Николаевна. – М., 2009. – 27 с.

190.Мороз, Е.Н. Правовая норма как ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мороз Елена Николаевна. – Челябинск, 2013. – 30 с.

191.Пакус, О.М. Юридические технологии обеспечения российского национального правопорядка: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Пакус Олег Михайлович. – Ростов-на-Дону, 2006. – 28 с.

192.Петухова, Т.Н. Межэтническая толерантность в России: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Петухова Татьяна Николаевна. – Челябинск, 2013. – 24 с.

193.Пшеничнов, М.А. Гармонизация российского законодательства (теория, практика, техника): автореф. дис. .... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Пшеничнов Михаил Александрович. – Нижний Новгород, 2011. – 58 с.



194. Рудковский, В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Рудковский Виктор Анатольевич. – Волгоград, 2009. – 54 с.

195. Рысина, Е.П. Эффективность российской правовой политики: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рысина Евгения Павловна. – Саратов, 2013. – 30 с.

196. Синюков, С.В. Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Синюков Сергей Владимирович. – Саратов, 2013. – 26 с.

197. Сулипов, Р.С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сулипов Руслан Султанович. – Барнаул, 2013. – 27 с.

198. Черепанова, О.С. Реализация принципа взаимной ответственности государства и личности (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Черепанова Ольга Сергеевна. – М., 2012. – 26 с.